

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВОЙНА В СУМЕРКАХ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга II

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВОЙНА В СУМЕРКАХ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1954

WINSTON S. CHURCHILL
THE TWILIGHT WAR

THE SECOND WORLD WAR
Book II

Copyright, 1954, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

В О И Н А

Польша была атакована Германией на заре 1-го сентября 1939 года. Утром была объявлена мобилизация всех наших вооруженных сил. Премьер-министр Невилль Чемберлэн просил меня прийти к нему после полудня на Доунинг-стрит. Он сказал мне, что у него нет надежды предотвратить войну с Германией и, чтобы руководить ею, он предполагает образовать небольшой военный кабинет, состоящий из министров без портфелей. Он упомянул, что, насколько ему известно, Рабочая партия не хочет участвовать в национальной коалиции. Он все еще надеется, что либералы присоединятся к нему. Он предложил мне стать членом военного кабинета. Я согласился без всяких разговоров, и мы начали подробно обсуждать кандидатуры людей и мероприятия.

После некоторого размышления я почувствовал, что средний возраст министров, которые должны образовать высший орган руководства войной, слишком высок, и после полуночи я написал Чемберлэну:

2 сентября 1939

«Не очень ли мы старая команда? Я высчитал, что шестью, которых Вы вчера назвали, вместе 386 лет или в среднем больше, чем по 64 года! Всего на один год меньше до пенсии по старости. Если же Вы прибавите Синклера (49) и Идена (42), то средний возраст понизится до пятидесяти семи с половиной.

Если «Дэйли Геральд» прав, что Рабочая партия не войдет (в коалицию), то мы должны будем считаться с непре-

рывным потоком критики, а также со многими разочарованиями и неожиданностями, из которых в значительной мере и состоит война. Поэтому мне представляется тем более важным, чтобы либеральная оппозиция была непременно включена в наши ряды. Мне также кажется, что очень полезным подкреплением будет влияние Идена как на ту часть консерваторов, которые связаны с ним, так и на умеренные либеральные элементы.

Поляки уже в течение тридцати часов находятся под сильной атакой, и я очень обеспокоен известием, что в Париже говорят о новой ноте. Я надеюсь, что мы будем в состоянии сообщить о нашем совместном объявлении войны с а м о е п о з д н е е, когда парламент соберется сегодня после полудня.

«Бремен» скоро выйдет из зоны, где его можно перехватить, если Адмиралтейство не примет специальных мер, и сигнал не будет дан сегодня. Это только второстепенный момент, но он может оказаться очень неприятным.

Я остаюсь здесь в Вашем распоряжении.

Я был удивлен отсутствием вестей от Чемберлена в течение всего 2-го сентября, который был днем напряженного кризиса. Я считал вероятным, что делаются попытки в последний момент сохранить мир, и это оказалось верным. Однако, когда вечером собрался парламент, произошли краткие, но очень бурные прения, в которых неопределенное заявление премьера-министра было плохо принято Палатой. Когда от имени Рабочей оппозиции слово взял Гринвуд, из рядов консерваторов Эмери крикнул ему: «Говорите от имени Англии», и это было встречено громкими аплодисментами. Не было сомнения, что настроение в Палате было за войну. Я нашел ее даже более решительной и единодушной, чем в подобной же сцене 2-го августа 1914 г., в которой я также принимал участие. Вечером несколько видных лиц из всех партий были у меня на моей квартире против Вестминстерского собора, и все выразили глубокое опасение, что мы можем не выполнить наших обязательств по отношению к Польше. Па-

лата должна была собраться на следующий день в полдень. В ту ночь я написал премьер-министру следующее:

2 сентября 39

«Я ничего не слышал от Вас после нашего разговора в пятницу, когда узнал, что должен стать Вашим коллегой и когда Вы мне сказали, что это будет объявлено незамедлительно. Я в самом деле не знаю, что происходило в течение этого дня, полного волнений. Но мне кажется, что руководящей была идея, совершенно отличная от той, которую Вы выразили, сказав мне: «Кости брошены». Я вполне отдаю себе отчет в том, что, в связи с этой грозной европейской ситуацией, могут оказаться необходимыми изменения метода, но я считаю себя вправе просить Вас сообщить мне до того, как в полдень начнутся прения, какова наша позиция, как для гласности, так и между нами.

Мне кажется, что если Рабочая и, как я слышал, Либеральная партия останутся в стороне, то будет трудно образовать сильное военное правительство на намеченном Вами ограниченном базисе. Я считаю, что надо сделать новое усилие, чтобы привлечь либералов, а сверх того, мне кажется, что состав и характер военного кабинета, как Вы их обсуждали со мной, нуждаются в пересмотре. Сегодня у Палаты было чувство, что видимое ослабление нашей решимости повредило настроению национального единения. Я не недооцениваю тех трудностей, которые у Вас имеются с французами, но я убежден, что теперь мы должны принять наше решение самостоятельно и этим дать нашим французским друзьям руководство, которое может оказаться необходимым. Чтобы сделать это, нам будет нужен самый сильный и сплоченный кабинет, какой только можно образовать. Я прошу поэтому не делать никакого заявления о составе военного кабинета, пока мы с Вами не поговорим еще раз.

Как я писал Вам вчера утром, я нахожусь целиком в Вашем распоряжении с желанием всячески Вам помочь».

Позднее я узнал, что британский ультиматум был вручен Германии в 9.30 ч. вечера 1-го сентября, а за ним последовал второй и окончательный ультиматум в 9 ч. утра 3-го сентября. Рано утром 3-го было объявлено, что премьер-министр будет говорить по радио в 11.15 ч. утра. Так как теперь представлялось несом-

ненным, что война будет немедленно объявлена Великобританией, а также и Францией, то я приготовил короткую речь, отвечавшую, как я думал, торжественному и грозному моменту в нашей жизни и истории.

Речь премьер-министра поставила нас в известность, что мы уже находимся в войне, и едва он кончил говорить, как в уши ударил ставший потом привычным, странный, протяжный, воющий шум. В комнату вошла моя жена, уже овладевшая собой; она сделала несколько одобрительных замечаний о немецкой быстроте и точности. Мы поднялись на плоскую крышу дома, чтобы посмотреть, что происходит. Вокруг нас со всех сторон были видны в ясном холодном сентябрьском освещении крыши и вышки Лондона. Над ними уже медленно поднимались тридцать или сорок цилиндрических воздушных шаров. Мы поставили правительству хорошую отметку за это убедительное доказательство его подготовленности; так как четверть часа предупреждения, которые мы, как предполагалось, должны были получить, уже истекали, мы направились к указанному нам убежищу, вооружившись бутылкой коньяка и другими соответствующими медицинскими подкреплениями.

Наше убежище находилось в трехстах футах вниз по улице и состояло из открытого подвала даже без мешков с песком. В нем уже собрались обитатели полдюжины домов. Все были в веселом и шутовском настроении, как это типично для англичан, когда им предстоит что-то неизвестное. Когда я смотрел из дверей на пустую улицу и на переполненное помещение внизу, мое воображение рисовало картины разрушения и истребления от сотрясающих землю взрывов, зданий, рассыпающихся в пыли и обломках, пожарных команд и карет скорой помощи, несущихся сквозь дым под шум вражеских аэропланов. Разве нам всем не говорили, как ужасны будут воздушные нападения?

В своем естественном самомнении воздушное министерство сильно преувеличило свое могущество. Пацифисты старались играть на страхе населения, а те из нас, кто так долго настаивали на военной подготовке и превосходстве в воздухе, хотя и не разделяли самых мрачных предсказаний, надеялись, что они будут действовать как шпоры. Я знал, что правительство приготавлило на первые дни войны двести пятьдесят тысяч кроватей для жертв воздушных налетов. По крайней мере, в этом отношении не было недооценки. Теперь оставалось только ждать, каковы будут сами факты. Когда прошло около десяти минут, снова раздался воющий звук. Я сам не был уверен, не было ли это повторением предыдущего предостережения. Но по улице пробежал человек, крича «отбой», и мы разошлись по домам и вернулись к своим делам. Моим делом было идти в Палату, которая собралась, как назначено, в полдень со своей неторопливой процедурой и краткими величавыми молитвами. Там я получил записку от премьер-министра, который просил меня зайти к нему в кабинет, как только кончатся прения. Когда я сидел на своем месте, слушая речи, после напряженной страстности и возбуждения последних дней мною овладело чувство спокойствия, отрешенности от всего земного и личного. Слава Старой Англии, миролюбивой и плохо подготовленной, но немедлящей и бесстрашной, когда дело шло о ее чести, предстала передо мной и, казалось, подняла нашу судьбу в сферы, далекие от земных фактов и физических ощущений. Когда я говорил, я старался — и не без созвучного отклика — передать Палате хоть часть этого настроения.

Чемберлэн сказал мне, что он принял во внимание мои письма, что либералы не войдут в правительство и что он до некоторой степени учтет мои соображения о среднем возрасте, введя в военный кабинет трех министров с портфелями, несмотря на их администра-

тивные функции, и что это понизит средний возраст до менее чем шестьдесят лет. Это, сказал он, делает для него возможным предложить мне, кроме места в военном кабинете, также Адмиралтейство. Я был этому очень рад, потому что, хотя я не подымал этого вопроса, я, естественно, предпочитал определенную задачу размышлениям сверху о том, что делают другие, чем может стать участь министра, хотя бы и влиятельного, но не имеющего своего министерства. Легче давать распоряжения, чем советы, и приятнее иметь право действовать хотя бы в ограниченной сфере, чем привилегию разговаривать обо всем. Если бы премьер-министр с самого начала предложил мне выбор между военным кабинетом и Адмиралтейством, я, конечно, выбрал бы Адмиралтейство. Теперь я получил и то и другое.

Ничего не было сказано о том, когда я формально получу должность от Короля, и я не целовал его руки до пятого сентября. Но первые часы войны могут иметь для флота решающее значение. Поэтому я сообщил Адмиралтейству, что вступлю в должность немедленно и прибуду в шесть часов. В ответ на это министерство любезно сообщило флоту: «Винстон снова у нас». Так я снова пришел в тот кабинет, который с болью и грустью я оставил почти четверть века тому назад, когда отставка лорда Фишера привела к удалению меня с поста Первого лорда и тем разрушила, как оказалось, бесповоротно столь важную концепцию форсирования Дарданелл. Когда я сидел в моем старом кресле, в нескольких футах позади меня был деревянный ящик с картами, который я оставил в 1911 г. Внутри всё еще оставалась карта Северного моря, на которой, по моему распоряжению, чтобы сосредоточить внимание на главной задаче, морская разведка манского флота. С 1911 года прошло много больше чем каждый день отмечала движения и группировку гер-

тверти века, и все еще смертельная опасность грозила со стороны той же нации. Снова мы вынуждены вынуть меч из ножен для защиты слабого государства, оскорбленного и подвергшегося непровоцированной агрессии. Еще раз должны мы бороться за жизнь и честь против всей мощи смелой, дисциплинированной и беспощадной германской расы. Еще раз! Да будет так.

Скоро ко мне пришел Первый морской лорд (Главкомандующий военно-морским флотом). Во время моего пребывания в Адмиралтействе я немного знал Дудлея Паунда, как одного из доверенных офицеров в штабе лорда Фишера. В 1939 г. во время итальянской высадки в Албании я сурово осудил в парламенте диспозицию Средиземноморского флота, которым он тогда командовал. Теперь мы встретились как коллеги, от близких отношений и глубокого согласия между которыми будет зависеть бесперебойная работа обширного аппарата Адмиралтейства. Мы смотрели друг на друга дружески, хотя и с некоторым сомнением. Но с первых же дней наша дружба и взаимное доверие стали расти и крепнуть. Я видел и ценил в адмирале Паунде его большие профессиональные и личные достоинства. По мере того, как война со всеми ее переменами, удачами и неудачами, была по нас своими увесистыми ударами, мы становились все более верными товарищами и друзьями. И когда четыре года спустя он умер в самый момент победы над Италией, я оплакивал его не только как личного друга, но и то, что в его лице теряли флот и нация.

Я провел добрую часть ночи 3-го, разговаривая с морскими лордами и главами различных отделов, и с утра 4-го я взял морское дело в свои руки. Как и

в 1914 г., еще до мобилизации были приняты меры против неожиданностей. Уже 15-го июня большое количество офицеров и матросов были призваны из резерва. 9-го августа Король инспектировал резервный флот, вполне укомплектованный для упражнений, а 22-го были призваны различные дополнительные классы резервистов. 24-го парламент принял закон о чрезвычайных полномочиях для обороны, и в то же время флоту было приказано отправиться к местам его военных стоянок; фактически главные силы находились уже несколько недель в Скапа Флоу. После того, как была разрешена общая мобилизация флота, военный план Адмиралтейства был развернут без трений, и несмотря на некоторые серьезные нехватки, а именно в крейсерах и судах против подводных лодок, испытание, как и в 1914 г., нашло флот на высоте предстоявших ему огромных задач.

**
*

Как читателю, может быть, известно, я располагал значительными познаниями касательно Адмиралтейства и Королевского флота. Те четыре года, от 1911 по 1915, когда я должен был подготовить флот на случай войны и затем руководить Адмиралтейством в течение первых десяти критических месяцев, были самыми яркими в моей жизни. Я накопил огромное количество детальной информации и многое узнал о флоте и морской войне. В промежутке я много изучал и писал по морским делам. Я всегда сохранял тесный контакт с Адмиралтейством и, хотя был в те годы главным его критиком, имел доступ ко многим его секретам. Моя четырехлетняя работа в Комитете по вопросам воздушной обороны дала мне доступ ко всему новейшему развитию радара, который теперь имел жизненное значение для морской службы. Я упо-

минал (в первой части), как в июне 1938 г. Первый морской лорд Чатфильд сам показал мне школу борьбы против подводных лодок в Портланде, и как мы вышли в море на миноносцах на упражнения по открытию подводных лодок посредством «асдика». Моя близость с покойным адмиралом Гендерсоном, контролером флота до 1938 г., и беседы, которые с одобрения тогдашнего Первого лорда Адмиралтейства я имел с лордом Чатфильдом о проектах новых броненосцев и крейсеров, дали мне полное представление обо всей области нового судостроения. По публикуемым отчетам я был, конечно, знаком с силой, составом и структурой нашего флота, как настоящими, так и ожидаемыми, и с такими же данными о германском, итальянском и японском флотах.

Как критик и подталкиватель, я в своих речах, естественно, останавливался на слабых сторонах и недочетах, и сами по себе мои речи отнюдь не отражали ни огромной силы нашего флота, ни моей веры в него. Было бы несправедливо по отношению к правительству Чемберлена и его ведомственным советникам оставить впечатление, что флот не был достаточно подготовлен для войны с Германией или Германией и Италией. Более серьезные трудности представляла эффективная защита Австралии и Индии в случае одновременного нападения Японии. Но в этом случае — который в данный момент не был вероятным — японская атака вовлекла бы Соединенные Штаты. Поэтому я приступил к моим обязанностям с чувством, что в моем распоряжении будет наилучше «настроенный» инструмент морской войны во всем мире, и я был убежден, что будет время исправить недосмотры мирного времени и справиться со столь же неизбежными неприятными сюрпризами войны.

Грандиозная морская ситуация 1914 г. ни в коей мере не повторилась. Тогда мы вошли в войну с отношением шестнадцати к десяти в броненосцах и двух к одному в крейсерах. В те дни мы мобилизовали восемь боевых эскадр из восьми броненосцев с эскадрой крейсеров и флотилией при каждом, а кроме того, значительное количество отдельных крейсеров, и я ждал генерального сражения с менее сильным, но все же грозным флотом. Теперь же германский флот только начал свое восстановление и не был даже достаточно силен для того, чтобы образовать боевую линию. Его большие броненосцы «Бисмарк» и «Тирпиц», оба, как следовало думать, превышающие договорные ограничения тоннажа, еще строились и для окончания их нужен был еще целый год. Легкие бронированные крейсера «Шарнгорст» и «Гнейзенау», оба обманым образом доведенные немцами с десяти до двадцати шести тысяч тонн, были закончены в 1938 году. Кроме того, Германия имела еще три «карманных броненосца», по десяти тысяч тонн — «Адмирал граф Шпее», «Адмирал Шеер» и «Дейчланд», а затем два быстроходных крейсера по десяти тысяч тонн с восьмидюймовыми орудиями, шесть легких крейсеров, шестьдесят истребителей и малые суда. Таким образом, надводные силы не представляли угрозы нашему господству над морями. Не было сомнения, что британский флот по силе и численности имел над германским подавляющее превосходство и не было оснований думать, что его подготовка и его опыт были в какой-то степени недостаточными. Кроме недостаточно-го числа крейсеров и истребителей, флот поддерживался на своей обычной высоте. Ему предстояло справиться не с соперником, а с огромными и бесчисленными обязанностями.

Когда я вступил в Адмиралтейство, я уже имел в основном сложившийся взгляд на морскую стратегическую ситуацию. Для неприятеля решающее значение имело господство на Балтийском море. Скандинавские поставки, шведская руда и больше всего защита против русских высадок на длинном незащищенном северном побережье Германии — в одном месте немногим больше ста миль (160 километров) от Берлина — все это делало для Германии господство ее флота на Балтийском море повелительно необходимым. Поэтому я был убежден, что в начальной фазе Германия не будет рисковать этим господством. Таким образом, если для расстройства наших сообщений могли быть высланы подводные лодки, совершающие рейды крейсера и, может быть, один карманный броненосец, то неприятель не будет рисковать ни одним судном, необходимым для контроля над Балтийским морем. Германский флот, каким он был в тот момент, должен был иметь это своей главной и почти что единственной задачей. Мы должны были, конечно, сохранять превосходство флота в северных водах ради нашей главной цели господства на море и для осуществления нашей главной наступательной меры — блокады. Но, повидимому, не требовалось особенно крупных морских сил, чтобы сторожить выходы из Балтийского моря или из Гельголандской бухты.

Безопасность Англии увеличилась бы значительно, если бы воздушные атаки на Кильский канал делали хотя бы время от времени неиспользованной эту боковую выходную дверь из Балтийского моря.

Годом раньше я послал Томасу Инскипу замечания специально об этой операции:

29 октября 1938

«В войне против Германии разрыв Кильского канала был бы достижением первостепенной важности. Я на этом не останавливаюсь, предполагая, что это признано. Нужно при-

готовить планы, как достигнуть этого, и особый технический комитет должен разработать все детали с различными вариантами. В виду того, что там только немного шлюзов и между обоими концами канала нет значительной разницы в уровне воды, разрыв обычными бомбами, даже самыми тяжелыми, может быть быстро исправлен. Но если бы было возможно бросать в канал среднего размера бомбы с запалами, поставленными одни на день, другие на неделю, третьи на месяц и т.д., то их взрывы неизвестно когда и где закрыли бы канал для движения военных судов и дорого стоящих кораблей до тех пор, пока все дно не будет глубоко прочищено. В качестве альтернативы следует подумать об особых запалах с магнетическим действием».

Замечание о магнетических минах интересно ввиду того, с чем мы скоро столкнулись. Но в этом направлении ничего не было сделано.

**

Британский торговый флот к началу войны был приблизительно тех же размеров, как и в 1914. Общий тоннаж был свыше двадцати одного миллиона тонн. Средняя величина судов увеличилась, но их стало меньше. Однако не весь тоннаж мог быть использован для торговли. Военный флот нуждался в разных типах вспомогательных судов, которые должны были быть взяты из числа пассажирских кораблей самого высокого класса. Все виды вооруженных сил нуждались в судах для своих целей: армия и авиация для перевозки войск и снаряжения, флот для всяческой работы на его базах и в других местах, а в особенности для снабжения нефтью стратегических пунктов по всему свету. Запросы на тоннаж для всех этих целей достигали почти трех миллионов тонн, и к этому нужно прибавить потребность в судах заокеанских частей Империи. Учитывая, что прибыло и что убыло, весь тоннаж для коммерческих целей составлял к концу 1939 г. около пятнадцати с половиной миллионов тонн

Италия не объявила войны, и было уже ясно, что Муссолини выжидал событий. Ввиду этой неопределенности и в качестве меры предосторожности, пока все наши приготовления не будут закончены, мы считали необходимым перевести движение наших судов вокруг мыса Доброй Надежды. Но кроме нашего превосходства над Германией и Италией, вместе взятых, мы имели еще на нашей стороне могущественный французский флот, который благодаря замечательным способностям и долгому управлению адмирала Дарлана достиг наивысшей силы и степени эффективности, какие он когда-либо имел со времен монархии. Если Италия окажется в числе врагов, Средиземное море должно быть нашим первым полем битвы. Я был абсолютно против всех планов — разве только в качестве временной меры — оставить центральную часть и только запереть концы этого большого внутреннего моря. Даже без помощи французского флота и его укрепленных гаваней, одних наших сил было достаточно, чтобы в течение двух месяцев, а, может быть, и скорее согнать итальянские суда с моря и обеспечить полное господство на Средиземном море.

Британское господство на Средиземном море принесло бы враждебной Италии вред, который мог бы оказаться роковым для ее способности продолжать войну. Все ее войска в Ливии и Абиссинии оказались бы срезанными цветами в вазе. Французы и наши войска в Египте могли бы получать сколько угодно подкреплений, а неприятель оказался бы много слабее, если и не доведен до голодной смерти. Не держать в своих руках центральное Средиземное море значило бы сделать Египет, Суэцкий канал и французские владения доступными для нападения итальянских войск под немецким руководством. Более того, ряд

быстрых и решительных побед, которые можно было бы одержать на этом театре войны, имели бы самое благотворное влияние на главную борьбу с Германией. Ничто ни в морском, ни в военном отношении не должно было этому мешать.

Когда я был вне правительства, я слишком легко принял на веру точку зрения Адмиралтейства на то, в какой мере была преодолена опасность подводных лодок. Техническая эффективность «асдика» была доказана во многих столкновениях с подводными лодками, имевшими место в первое время. Но наши средства борьбы против подводных лодок были слишком ограничены, чтобы предотвратить серьезные потери. В то время я высказал мнение, что «можно будет в достаточной мере справиться с подводными лодками в других морях и во всяком случае в Средиземном море. Будут потери, но ничего такого, что повлияет на весь ход событий». Это мнение не было неправильным. В первый год подводной войны не произошло ничего, что имело бы серьезное значение. Битва за Атлантический океан была резервирована на 1941 и 42 годы.

В согласии с мнением, преобладавшим до войны в Адмиралтействе, я недооценивал опасность для наших судов воздушных атак или их парализующее действие. Я писал за несколько месяцев до войны: «По моему мнению, которое я высказываю с большой скромностью (потому что судить о таких вещах очень трудно), воздушная атака на британские суда, как они сейчас вооружены и защищены, не помешает им полностью использовать свое подавляющее морское могущество». Однако, ограничение свободы наших движений, хотя оно и преувеличивалось, скоро стало

очень серьезным. Воздух почти сейчас же показал себя огромной угрозой, в особенности в Средиземном море. Мальта с ее почти несуществующей противовоздушной обороной оказалась проблемой, для которой не было немедленного решения. Тем не менее за первый год ни один британский броненосец не был потоплен воздушной атакой.

В данный момент не было никаких признаков враждебных действий или намерений со стороны Японии. Япония, естественно, была, главным образом, озабочена Америкой. Я не допускал возможности, что Соединенные Штаты, даже если они до того не будут вовлечены в войну, останутся пассивными в случае нападения Японии на все европейские владения на Дальнем Востоке. В этом случае мы больше выиграли бы от вступления Соединенных Штатов в войну, хотя бы только, если это было возможно, против одной Японии, чем пострадали бы от враждебности Японии, как бы досадна она ни была. Что бы ни угрожало на Дальнем Востоке, оно ни в каком отношении не должно было отвлекать нас от наших главных задач в Европе. Мы не могли защитить от японской атаки наши интересы и владения в Желтом море. Самым отдаленным пунктом, который мы могли защищать, если бы Япония вступила в войну, были укрепления Сингапура. Сингапур должен держаться, пока Средиземное море не станет безопасным и итальянский флот не будет ликвидирован.

В момент начала войны я не боялся, что Япония пошлет армию и флот для завоевания Сингапура, если в его крепости будет достаточно сильный гарнизон и снабжение продовольствием и амуницией по меньшей мере на шесть месяцев. Сингапур так же далек от Япо-

нии, как Саутхэмптон от Нью-Йорка. Через эти три тысячи миль соленой воды Япония должна была бы послать главную часть своего флота, эскортировать, по меньшей мере, шестьдесят тысяч человек для высадки и начать осаду, которая могла бы кончиться только катастрофой, если японские морские сообщения будут прерваны в каком-либо пункте. Эта точка зрения, конечно, теряла свою силу в момент, когда Япония заняла бы Индокитай и Сиам, и сосредоточила могущественную армию и очень большие воздушные силы всего в трехстах милях по ту сторону Сиамского пролива. Но это произошло лишь более чем через полтора года позже.

Пока британский флот не был разбит и Сингапур оставался в наших руках, нападение Японии на Австралию или Новую Зеландию не представлялось возможным. Мы могли дать Австралии солидную гарантию защитить ее от этой опасности, но мы должны были бы выполнить эту задачу нашими методами, соблюдая правильную последовательность операций. Казалось невероятным, чтобы ставшая врагом Япония, упоенная своим господством на Желтом море, послала бы по морю экспедицию, чтобы завоевать и колонизировать Австралию. Чтобы произвести какое-либо впечатление на австралийцев, нужно было долгое время держать большую и хорошо снаряженную армию. Такое предприятие потребовало бы рискованное отвлечение японского флота для участия в продолжительной и бессистемной борьбе в Австралии. Решающая победа на Средиземном море могла бы в любой момент освободить очень большие морские силы, чтобы отрезать нападающих от их базы. Соединенным Штатам было бы нетрудно заявить Японии, что они будут считать враждебным актом отправку японского военного флота и транспортов на юг от экватора. Они были, вероятно, склонны сделать такое заявление, и

никакого вреда не было бы прозондировать их относительно такой очень отдаленной возможности.

По моему, высказанному в свое время убеждению, в первый год мировой войны Австралия и Новая Зеландия находились вне опасности для их территории, а к концу первого года мы могли надеяться очистить моря и океаны. Этот взгляд оказался правильным, как предсказание для первого года морской войны. Мы расскажем в свое время о грандиозных событиях, которые произошли на Дальнем Востоке в 1941 и 1942 гг.

Газеты во главе с «Таймс» одобрили идею военного кабинета из не более чем пяти или шести министров, свободных от ведомственных обязанностей. Только так — таково было общее мнение — можно достичь широкого и согласованного взгляда на военную политику, в особенности в ее более общей перспективе. Говоря короче, идеалом казалось: «пять человек, не занятых ничем другим, кроме ведения войны». Против такого решения было однако много практических возражений. Группа обособленных государственных людей, как бы высок ни был их личный авторитет, оказываются в серьезном затруднении, имея дело с министрами, стоящими во главе больших, кровно заинтересованных министерств. Это особенно верно для министерств вооруженных сил. Члены военного кабинета не являются непосредственно ответственными за текущие события. Они могут принимать решения более общего характера, могут в общих выражениях советовать заранее или критиковать задним числом, но у них нет авторитета, например, Первого лорда Адмиралтейства или министров военного и воздушных сил, которые несут на себе бремя действий, зная в своей

области каждую деталь и имея поддержку своих профессиональных коллег. В случае согласия мало есть того, что они не могут решить, но обычно у них имеются различные мнения. Между ними происходит бесконечный обмен мнений и аргументов, а в это время бурный поток войны продолжает свое неудержимое течение. Члены военного кабинета сами, естественно, будут избегать споров с ответственными министрами, вооруженными всеми фактами и цифрами. Естественно их нежелание увеличивать бремя тех, кто фактически ведет дело. Поэтому они склонны все более и более становиться теоретическими наблюдателями и комментаторами, читающими каждый день огромное количество материала, но не знающими, как им применить свои знания так, чтобы не принести больше вреда, чем пользы. Часто они могут сделать немногим больше, чем вынести решение или найти компромисс в междуведомственных спорах. Поэтому необходимо, чтобы министры иностранных дел и всех видов вооруженных сил были полноправными членами этого высшего органа. Обычно, по крайней мере, некоторые из членов «могучей пятерки» выбираются вследствие своего политического влияния, а не из-за их знакомства с военными операциями и способностью руководить ими. Вследствие этого число членов начинает расти далеко за первоначально намеченные пределы. Конечно, если премьер-министр сам становится министром обороны, то этим достигается значительное сокращение. Лично я, когда это было мне поручено, не любил иметь около себя «неоседланных» министров. Я предпочитал иметь дело не с советчиками, а с руководителями ведомств. Каждый должен хорошо делать текущую работу и быть ответственным за определенные задания, и тогда никто не создаст трудностей ради трудностей или чтобы себя проявить.

Военный кабинет, как он был первоначально задуман Чемберленом, был силой обстоятельств почти сейчас же расширен и включал: министра иностранных дел лорда Галифакса, лорда хранителя печати Самуэля Хора, министра финансов Джона Саймона, министра для координации обороны лорда Чатфильда, министра без портфеля лорда Ханкей, военного министра Хор-Белиша и министра авиации Кингслея Вуда. Кроме того, было необходимо, чтобы министр доминионов Иден и министр внутренних дел и внутренней безопасности Джон Андерсон, не будучи действительными членами военного кабинета, присутствовали во всех случаях. Таким образом нас было одиннадцать. Решение привлечь трех министров вооруженных сил глубоко затронуло авторитет лорда Чатфильда, как министра для координации обороны. Он примирился со своим положением со своей обычной благожелательностью.

Кроме меня, все другие министры руководили нашими ведомствами в течение многих недавних лет или были так или иначе связаны с ситуацией, которую мы имели теперь перед собой как в дипломатии, так и в ведении войны. Иден ушел в отставку из-за разногласий по внешней политике в 1938 г., я не занимал никакого поста в течение одиннадцати лет. Поэтому я не был ответственен за прошлое и за какой-либо обнаружившийся теперь недостаток подготовки. Напротив, я в течение шести или семи лет постоянно предсказывал беды, которым ныне предстояло большей частью осуществиться. Таким образом, вооруженный теперь могучей машиной флота, на который в этой фазе падало все бремя активной борьбы, я не чувствовал себя в невыгодном положении; а если бы я себя так почувствовал, то это было бы устранено благожелательством и лояльностью Чемберлена и его коллег. Я знал их всех очень хорошо. Большинство было в течение пяти

лет вместе со мной в кабинете Болдвина, и во всех меняющихся сценах парламентской жизни мы, конечно, были в постоянном дружеском или полемическом контакте. Джон Саймон и я представляли однако более старое политическое поколение. Я участвовал в различных правительствах с некоторыми перерывами в течение пятнадцати лет, и он почти столько же еще до того, как кто-либо другой из нас получил правительственный пост. Я был во главе Адмиралтейства или министерства амунций во время испытаний Первой мировой войны. Хотя премьер-министр по возрасту был на несколько лет старше меня, я был почти единственным допотопным существом. Это могло стать предметом критики во время кризиса, когда естественно и популярно требовать привлечения молодых сил и новых идей. Я понимал поэтому, что я должен делать крайние усилия, чтобы идти в ногу с поколением, находившимся теперь у власти, и с новыми молодыми богатырями, которые могли в любой момент появиться. Тут я полагался как на свои познания, так и на все свое усердие и умственную энергию.

С этой целью я прибег к тому методу, к которому принудила меня работа в Адмиралтействе в 1914-15 гг., и который, как я убедился, значительно увеличивал мою дневную работоспособность. Я всегда вскоре после полудня ложился отдыхать по меньшей мере на час, используя свою счастливую способность засыпать почти немедленно. Благодаря этому я мог делать в один день работу полутора дней. Природа не приспособила людей работать с восьми часов утра до полуночи без такого освежения блаженным забытием, которого, даже если оно продолжается только двадцать минут, достаточно, чтобы обновить все жизненные силы. Я с сожалением каждый день посылал себя, как ребенка, в постель, но бывал вознагражден тем, что

мог затем бесперебойно работать до двух часов ночи и позже — иногда много позже — и начинать новый день между восемью и девятью часами утра. Я соблюдал этот порядок во все время войны и рекомендую его всем, кому нужно в течение продолжительного времени использовать человеческий организм до последней возможности. Когда Первый морской лорд адмирал Паунд понял мою технику, он усвоил ее с той только разницей, что не ложился в постель, а засыпал в своем кресле. Он довел эту привычку до того, что часто засыпал на заседаниях совета министров. Одного слова о флоте бывало однако достаточно, чтобы сразу же разбудить его. Ничто не ускользало от его бдительного слуха и острого ума.

2.

ЗАДАЧИ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Весь мир был поражен тем, что за сокрушительным ударом Гитлера против Польши и за объявлением войны Англией и Францией последовала лишь продолжительная и гнетущая пауза. В опубликованном его биографом частном письме Чемберлен назвал этот период «войной в сумерках». Это выражение показалось мне настолько верным и выразительным, что я воспользовался им как заглавием для этой части моих воспоминаний. Французские войска не атаковали Германии. По окончании мобилизации они на всем фронте оставались в неподвижном контакте с неприятелем. Кроме разведочных полетов немцы не предприняли никаких воздушных действий против Англии: не было их воздушных атак и против Франции. Французское правительство просило нас воздержаться от воздушных атак против Германии в виду того, что они могли вызвать, как меру возмездия, воздушные атаки против незащищенных французских военных фабрик. Мы ограничивались сбрасыванием листовок, чтобы внушать немцам более высокие моральные принципы. Эта странная фаза войны на суше и в воздухе вызвала общее изумление. Франция и Англия оставались в бездействии, когда германская военная машина всей своей мощью в несколько недель раздавила и поработила Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это.

В отличие от этого, морская война началась с первого же часа, и Адмиралтейство стало центром активных событий. 3-го сентября все наши суда еще совершали по всему свету свои нормальные плавания. Внезапно они оказались мишенью подводных лодок, заранее тщательно размещенных, в особенности на западных направлениях. В девять часов вечера того же дня «Атения», пассажирский пароход в 13.500 тонн, был взорван миной, унеся сто двадцать человеческих жизней, в том числе двадцать восемь американских граждан. Через несколько часов это преступление стало известно. Чтобы предупредить неблагоприятную реакцию в Соединенных Штатах, германское правительство заявило, что я лично распорядился положить бомбу на борт корабля, чтобы разрушением его испортить германо-американские отношения. В недружелюбных кругах этой лжи поверили. 5-го и 6-го у испанских берегов были потоплены «Босния», «Ройал Септер» и «Рио Кларо». Только экипаж «Рио Кларо» был спасен. Все это были большие корабли.

В первую же минуту пребывания в Адмиралтействе я старался выяснить размеры опасности со стороны подводных лодок в ближайшем будущем:

«Директору морской разведки 4 сентября, 1939

Представьте мне сводку о настоящей и ожидаемой в ближайшие месяцы силе германского подводного флота. Прошу различать между океанскими и небольшими подводными лодками. Дайте в каждом случае оценку радиуса действия в днях и милях».

Я немедленно получил информацию, что неприятель имеет шестьдесят подводных лодок и что еще сто будут готовы в начале 1940 года. 5-го был дан детальный ответ. Число лодок, выдерживающих дальнее плавание, было огромно, и указывало на намерение неприятеля как можно раньше начать свои действия далеко в океанах.

В Адмиралтействе существовали подробные планы увеличения в несколько раз наших средств борьбы против подводных лодок. В частности были сделаны приготовления, чтобы выделить восемьдесят шесть самых больших и быстроходных тральщиков и снабдить их асдиками. Переоборудование многих из них подвинулось уже далеко. Во всех деталях была готова также программа строительства во время войны больших и малых истребителей и крейсеров, а также большого количества вспомогательных судов. Выполнение этой программы началось автоматически с объявлением войны. Предыдущая война показала чрезвычайную пользу конвоев. В течение нескольких дней Адмиралтейство контролировало движения всех коммерческих судов, и шкиперам было предписано выполнять приказания относительно их маршрутов или присоединения к конвоям. Однако недостаток в сопровождающих судах вынудил Адмиралтейство установить систему околных путей на океанах, пока неприятель не перейдет к неограниченной подводной войне, а конвоирование пока ограничить главным образом восточной прибрежной полосой Англии. Но потопление «Атении» расстроило эти планы, и с тех пор мы приняли систему конвоирования в северной части Атлантического океана.

Организация конвоирования была уже вполне подготовлена, и владельцы судов были привлечены к регулярной консультации по касающимся их вопросам обороны. Затем были даны инструкции для руководства шкиперов при выполнении многих незнакомых им задач, которые неизбежно выпадали на их долю во время войны. Была подготовлена особая сигнальная система и разного рода снаряжение, чтобы суда могли занять свое место в конвое. Экипажи торгового

флота готовы были к встрече с неизвестным будущим. Не довольствуясь пассивной ролью, они требовали оружия. Международное право всегда признавало законным для торговых судов пользоваться орудиями для самозащиты, и оборонительное вооружение морских торговых судов, как и соответствующее обучение экипажей, составляли часть планов Адмиралтейства, которые стали немедленно приводиться в исполнение. Заставить подводную лодку атаковать из-под воды, а не просто орудийным огнем на поверхности, значило не только дать атакованному кораблю больше шансов ускользнуть, но и заставить атакующего тратить больше мин и часто без результатов. Орудия против подводных лодок, употреблявшиеся в предыдущую войну, были предусмотрительно сохранены, но был серьезный недостаток орудий противовоздушных. Очень много месяцев прошло, пока стало возможным снабдить достаточной самозащитой коммерческие суда, которые тем временем несли тяжелые потери. С самого начала мы намеревались в течение первых трех месяцев войны дать тысяче судов, по меньшей мере, по одному орудию против подводных лодок. Это и было сделано.

Кроме защиты собственного судоходства, мы должны были вытеснить с морей германское торговое судоходство и остановить весь ввоз в Германию. Блокада была проведена самым строгим образом. Для политического руководства ею было образовано министерство экономической войны, а Адмиралтейство ведало выполнением. Как и в 1914 году, германский торговый флот почти тотчас же исчез с открытых морей. Германские суда по большей части укрывались в нейтральных портах, а если бывали настигнуты, спасались бегством. Тем не менее, до конца 1939 г. пятнадцать судов с общим водоизмещением в семьдесят пять тысяч тонн были захвачены и использованы союзника-

ми. Большой германский океанский пароход «Бремен», который сначала укрывался в советском порту в Мурманске, смог вернуться в Германию только потому, что его пощадила английская подводная лодка «Салмон», поступившая правильно, точно соблюдая предписания международного права.*)

Моя первая конференция в Адмиралтействе состоялась вечером 4-го сентября. В виду важности обсуждаемых вопросов, я уже после полуночи, перед тем как идти спать, сам записал ее решения для осведомления и приведения в исполнение.

5-го сентября 1939 г.

1. В настоящей первой фазе, когда Япония держится тихо, а Италия остается нейтральной, хотя и ненадежной, первые атаки будут, видимо, произведены на подступы к Великобритании со стороны Атлантического океана.

2. Устанавливается система конвоев, под которой подразумеваются только конвои против подводных лодок. Все вопросы, касающиеся рейдов крейсеров и тяжелых судов, исключены из данного меморандума.

3. Первый морской лорд имеет в виду передвижение к западным подступам к Великобритании возможно большего числа истребителей и сопровождающих судов с восточного и средиземноморского театров действий с целью, если возможно, прибавить двенадцать из них к эскортированию конвоев. Они должны иметься в распоряжении в течение, примерно, месяца, пока не начнется приток снабженных асдиками тральщиков. Должна быть приготовлена сводка предполагаемых поступлений этих судов в течение октября. Представляется возможным, по крайней мере, при первых поступлениях, подождать со снаряжением их орудиями и полагаться на подводные взрывы. Вопрос об орудиях может быть пересмотрен, когда положение будет менее напряженным.

*) Этой подводной лодкой командовал капитан 3-го ранга Бикфорд, получивший повышение за свои многочисленные подвижки, но вскоре после этого погибший вместе со своим судном.

4. Директор отдела торгового мореплавания должен быть в состоянии каждый день сообщать о продвижении всех британских торговых судов, приближающихся к нашему острову. С этой целью, если необходимо, должны быть приготовлены помещение и дополнительный персонал. Большая карта должна каждое утро показывать все суда на расстоянии двух, а еще лучше трех дней от наших берегов. Руководство каждым судном и наблюдение над ним должны быть предусмотрены и предписаны так, чтобы не было ни одного, о котором нельзя было бы заботиться в индивидуальном порядке, поскольку это позволяют наши ресурсы. Прошу представить мне предложение, как осуществить то, что должно вступить в силу в течение двадцати четырех часов, разработкой чего надо будет заняться позже. Должен быть установлен необходимый контакт с министерством торговли и другими заинтересованными ведомствами, о чем должно быть доложено.

5. Директор торгового мореплавания должен также приготовить завтра схему, по которой капитан или владелец каждого корабля, приходящего с Атлантического океана (включая Бискайский залив), будет сейчас же по прибытии встречен компетентным морским офицером, который от имени директора торгового мореплавания рассмотрит отчет о пути следования корабля, включая зигзаги. Все нарушения или отступления от инструкций адмиралтейства должны отмечаться, и все серьезные отступления должны наказываться, прибегая для примера к увольнению. Адмиралтейство берет на себя ответственность, и шкиперы торговых судов должны повиноваться. Должны быть выработаны детали этой схемы, касающиеся персонала и правил, включая наказания.

6. На ближайшее время представляется благоразумным сохранить перевод торговых путей от Средиземного моря на маршрут вокруг мыса Доброй Надежды. Это не исключает движения конвоев для войск, к которым, конечно, могут быть присоединены имеющиеся под рукой торговые суда. Но эти конвои могут быть только редкими, то есть один в месяц или в три недели, и должны рассматриваться как военно-морские операции, а не как меры охраны торговли.

7. Из сказанного следует, что в этот период, то есть в первые шесть недель или два месяца войны, Красное море тоже будет закрыто для всякого движения, кроме морских операций, и, может быть, прибрежного судоходства к Египту.

8. Это неприятное положение будет облегчено поступ-

лением снабженных асдиками тральщиков и другими средствами. Во-вторых, тем, как определится позиция Италии. Мы не можем быть уверены, что неясность относительно Италии рассеется в ближайшие шесть недель. Но мы будем добиваться от Правительства Его Величества, чтобы положение было как можно скорее выяснено в благоприятном смысле. Тем временем тяжелые суда в Средиземном море будут находиться в состоянии обороны и поэтому смогут отказаться от части миноносцев для их покрытия, которые были бы им нужны, если бы им было предписано приблизиться к итальянским водам.

9. Прорыв какого-либо одного из пяти (или семи) крупных германских судов был бы большим морским кризисом, требующим специального плана. Адмиралтейство не в состоянии снабдить торговые конвои эскортами, достаточными против надводных атак. Против рейдов, если они будут иметь место, можно будет действовать только силами главного флота, который организует необходимые охотничьи отряды для атак на неприятеля, а пока не будут достигнуты результаты, торговое судоходство будет, насколько только возможно, устранено.

Первый лорд передает эти заметки своим коллегам для рассмотрения, к р и т и к и и п о п р а в о к. Он надеется получать предложения для проведения в жизнь в желаемом направлении.

Организация уходящих конвоев вошла в силу почти немедленно. К 8-му сентября начали действовать три дороги, к океану на запад от Ливерпуля и Темзы и конвой вдоль побережья от Темзы к Форту в Шотландии. Персонал для контроля конвоев в этих портах и во многих других как дома, так и за морем был включен в военный план и уже призван. В то же время все суда в Канале и Ирландском море, предназначенные к отправке, но не в составе конвоев, получили предписание направиться в Плимут и Мильфордскую гавань, и все самостоятельные заграничные плаванья были отменены. За морем принимались срочные меры для образования конвоев, возвращающихся домой. Первые из них отбыли 14-го сентября из Фритоуна (в западной Африке) и 16-го из Галифакса в Кана-

де. К концу месяца были в действии регулярные океанские конвои — отбывающие из Темзы и Ливерпуля и прибывающие из Галифакса, Гибралтара и Фри-тоуна.

Необходимость снабжения нашего острова продовольствием и развития нашей способности вести войну сразу осложнилась тягостной потерей южных ирландских портов. Это вынуждало к прискорбному ограничению радиуса действия наших и без того немногочисленных истребителей:

«Первому морскому лорду и другим. 5-го сентября 39 г.

Главы заинтересованных отделов должны составить и направить через Первого морского лорда и морской штаб Первому лорду особый доклад по вопросам, встающим в связи с так называемым нейтралитетом так называемого Ейре. Возникают разные соображения: 1. Что говорит разведка о возможности поддержки подводных лодок ирландскими недовольными элементами в западных ирландских бухтах? 2. Если они бросали в Лондоне бомбы,*) почему они не могут снабжать горячим подводные лодки? Необходима крайняя бдительность.

Во-вторых, требуется работа по вопросу об увеличении радиуса действия наших истребителей, необходимым вследствие невозможности пользоваться Берхавеном и другими южно-ирландскими базами против подводных лодок. Должно быть показано, какое преимущество дало бы обладание такой возможностью.

Министерство должно считаться с тем, что мы сами не можем добиться удовлетворительного решения, потому что вопрос об ирландском нейтралитете связан с политическими проблемами, которыми до сих пор не занимались, и Первый лорд не уверен, может ли он их решить. Но должен быть дан исчерпывающий материал для обсуждения».

**
**

После установления системы конвоев самой насущной необходимостью была надежная база для флота.

*) Это относится к преступлению, не связанному с войной.

5-го сентября в 10 ч. вечера я имел продолжительное совещание по этому вопросу. Оно вызвало много воспоминаний. В войне с Германией Скапа Флоу является стратегическим пунктом, из которого британский флот может контролировать выходы из Северного моря и осуществить блокаду. Только в два последних года предыдущей войны считалось, что британский флот имел достаточное превосходство, чтобы передвинуться южнее к Розиту, где он имел преимущество находиться в первоклассной верфи. Но теперь, благодаря большему расстоянию от германских воздушных баз, Скапа явно было наилучшей позицией, и военный план Адмиралтейства определенно дал ему преимущество.

Осенью 1914 г. по флоту прокатилась волна беспокойства. Высказывалось опасение: «Германские подводные лодки придут за флотом в гавани». В Адмиралтействе никто не верил, что можно подводную лодку провести под водой по запутанным извивающимся каналам, по которым только и можно проникнуть в обширное озеро Скапы. Яростные приливы и течения Пентландского залива, часто достигавшие скорости в восемь или десять узлов, казались в те дни достаточным препятствием. Но сомнения распространились по всей сети, включавшей, может быть, сто больших судов, которые составляли тогда Большой Флот.

Два или три раза, в частности 17-го октября 1914 г., был дан тревожный сигнал, что подводная лодка находится в порту. Орудия стреляли, истребители обшаривали воду, а вся гигантская армада спешно и в гневе выходила в море. В конце концов Адмиралтейство оказалось правым. В ту войну ни одна германская подводная лодка ни разу не преодолела трудностей проникновения в бухту. Только в 1918 г. после бунта в германском флоте подводная лодка толь-

ко с одними офицерами погибла в их последней отчаянной попытке спасти свою честь. Тем не менее у меня остались очень живые и неприятные воспоминания о тех днях и о наших крайних усилиях, чтобы блокировать все доступы и успокоить флот.

Теперь, в 1939 г., надо было иметь в виду две опасности: во-первых, старую — проникновения подводных лодок, во-вторых новую — воздушной атаки. Я с удивлением узнал на моей конференции, что в отношении обоих не было принято достаточных предупредительных мер, чтобы приготовить оборону против современных форм атаки. У каждого из трех главных входов имелись заграждения нового типа против подводных лодок, но каждое из них состояло только из одной полосы сети. Тревогу попрежнему вызывали узкие и извилистые подступы на восточной стороне, защищенные только оставшимися от прошлой войны блокирующими судами, усиленными теперь двумя или тремя добавлениями. В виду увеличения размеров, скорости и мощности подводных лодок ответственные круги не разделяли прежнего убеждения, что сильные приливы и отливы делают подступы непроходимыми для подводных лодок. В результате совещания во второй вечер моего пребывания в Адмиралтействе было дано много распоряжений с целью увеличения числа сетей и блокирующих судов.

Новая опасность, грозящая с воздуха, была почти совершенно игнорирована. Кроме двух противовоздушных батарей для защиты нефтяных танков на острове Хой и стоянки истребителей, в Скапа Флоу не было противовоздушной обороны. Для использования морской авиацией, когда там находится флот, имелся один аэродром около Кирквала, но не были приняты меры для немедленного участия общей авиации (Р.А.Ф.) в обороне, и береговая станция радара, хотя и была в действии, не была достаточно эффек-

тивной. Был одобрен план базировать две эскадрильи истребителей около Вика, но он не мог быть приведен в исполнение до 1940 г. Я потребовал немедленного плана действия. Наша противовоздушная оборона имела столько задач, наши ресурсы были так ограничены, а уязвимых пунктов — включая весь огромный Лондон — было так много, что было бесцельно требовать большего. С другой стороны, защита от воздушных атак нужна была теперь только для пяти или шести больших судов, которые сами имели собственное могущественное противовоздушное оборудование. Чтобы справиться с положением, Адмиралтейство решило обеспечить присутствие двух эскадрилий морских аэропланов-истребителей на то время, когда флот находится в Скапа Флоу.

Самым важным представлялось возможно скорее иметь артиллерию в боевой позиции и пока для этого не было другой возможности, как применить ту же тактику «прятки», к которой мы вынуждены были прибегнуть осенью 1914 г. На западном берегу имеется много закрытых сушей бухт, которые легко защищать против подводных лодок посредством сети индикаторов и непрерывного патрулирования. В предыдущую войну мы считали, что прятанье дает хорошую безопасность, но и тогда мы со страхом думали о любопытстве блуждающего аэроплана, может быть, получившего горючее из рук изменников. Теперь же радиус действия авиации делал всю Великобританию в любое время доступной для фотографической разведки, и потому не было надежного укрытия против большой атаки подводными лодками или с воздуха. Однако, в прикрытии нуждалось так мало судов и их можно было так часто передвигать с одного места на другое, что, не имея другого выбора, мы приняли риск с таким благодушием, какое было только возможно.

Я считал своей обязанностью как можно скорее побывать в Скапа Флоу. Я не видел главнокомандующего, сэра Чарльза Форбса, с июня 1938 г., когда лорд Чатфильд взял меня с собой, чтобы мы вместе посетили школу борьбы против подводных лодок в Портланде. Поэтому я освободил себя от ежедневных заседаний Кабинета и вечером 14-го сентября отправился с небольшим личным штабом в Вик. Большую часть двух следующих дней я посвятил осмотру гавани и входов в нее с их заграждениями и сетями. Я убедился, что они были так же хороши, как в прошлую войну, и что значительные дополнения были сделаны или делались. Я остановился у главнокомандующего на его флагманском корабле «Нельсон» и обсуждал с ним и с главными офицерами его штаба не только Скапа Флоу, но и всю морскую проблему в ее целом. Остальной флот находился в Лох Ю, и 17-го адмирал взял меня туда на «Нельсоне». Когда мы через проход вышли в открытое море, я был удивлен, не видя эскорта истребителей для этого большого корабля. «Я думал, — заметил я, — что вы никогда не выходите в море без, по меньшей мере, двух истребителей, даже для одного броненосца». Но адмирал ответил: «Конечно, это то, чего мы хотели бы. Но у нас нет истребителей, чтобы следовать этому правилу. Кругом много патрульных судов, а через несколько часов мы войдем в Минчи (каналы между Шотландией и Гебридскими островами)».

Как и предыдущие, это был чудесный день. Все шло хорошо, и вечером мы бросили якорь в Лох Ю, где находились другие четыре или пять больших судов флота метрополии. Узкий вход в озеро («лох») был закрыт несколькими рядами сетей индикаторов, и патрулирующие суда с асдиками и подводными снарядами, а также пикетные лодки, были многочисленны и активны. Со всех сторон возвышались во всем

их великолепии пурпуровые холмы Шотландии. Мои мысли возвращались к другим сентябрьским дням четверть века тому назад, когда я в последний раз посетил сэра Джона Желлико с его капитанами в этой же бухте, и нашел их с вытянувшимися на якоре длинными рядами броненосцев и крейсеров, жертв той же неизвестности, которая теперь томила нас. Большинство капитанов и адмиралов тех дней или умерли или давно вышли в отставку. Ответственные старшие офицеры, которые были представлены мне, когда я посещал различные корабли, были в те далекие дни молодыми лейтенантами или даже мичманами. Перед прошлой войной я имел три подготовительных года, чтобы ознакомиться с людьми и одобрить назначения большинства старшего персонала, но теперь это все были новые люди и новые лица. Безупречная дисциплина, манеры и выправка, традиционный церемониал — всё оставалось неизменным. Но эти офицерские формы и должности представляли совершенно иное поколение. Только большинство судов было заложено еще во время моего министерства. Ни одно из них не было новым. Это было странное переживание, словно возврат к более раннему воплощению. Казалось, что я был единственным выжившим в том положении, в котором я был много лет назад. Но нет: пережили время и прежние опасности. Опасность из-под воды, более серьезная вследствие более мощных подводных лодок; опасность с воздуха не только быть выслеженным в своем убежище, но и подвергнуться тяжелой и, может быть, уничтожающей атаке!

Осмотрев утром 18-го еще два корабля и проникшись во время моего визита чувством доверия к главнокомандующему, я проехал на автомобиле от Лох Ю до Инвернеса, где нас ждал наш поезд. По дороге у нас был пикник у ручья, сверкавшего в горячих сол-

нечных лучах. Я был странным образом подавлен моими воспоминаниями.

О, ради Бога! Присядем на землю
И поведаем печальные сказания о смерти королей.

Никто еще не проходил дважды через такие ужасающие бедствия с таким промежутком времени между ними. Никто не переживал их опасности и ответственности во время их в таком высоком положении, как я, или, спускаясь к менее значительному пункту, никто не знал так хорошо, как обращаются с Первыми лордами Адмиралтейства, когда тонут большие суда и дело идет плохо. Если мы в самом деле во второй раз вступили в тот же самый цикл, суждено ли мне еще раз испытать муку отставки? Фишер, Вильсон, Баттенберг, Джеллико, Битти, Пакенхэм, Студри — никого больше нет!

Я чувствовал себя, как тот,
Кто бродит один
В покинутом зале банкета.
Где огни погасли,
Гирлянды отцвели,
И все, кроме него, ушли!

И перед нашим еще неизмеримо более тяжелым испытанием мы теперь очищались? Польша в агонии; Франция — только слабое отражение ее прежнего воинственного пыла; русский колосс уже не союзник, даже не нейтрален и, может быть, станет врагом. Италия не друг. Япония не союзник. Вмешается ли снова Америка? Британская империя осталась нерушимой и единой, но она плохо снаряжена, не готова. Мы все еще господствуем на морях. Но мы, к несчастью, превзойдены в новом смертельном воздушном оружии. Ландшафт выглядел потускневшим.

В Инвернесе мы сели на наш поезд и вечер и ночь провели в дороге до Лондона. Когда на следующее

утро мы сошли с поезда в Юстоне, я с удивлением увидел на платформе Первого морского лорда. У адмирала Паунда был мрачный вид. «У меня для вас дурная новость, Первый лорд. «Кореджиус» был вчера потоплен в Бристольском канале». «Кореджиус» был одним из самых старых наших авианосцев, но в данное время очень нужным судном. Я поблагодарил адмирала за то, что он пришел лично сообщить мне об этом и сказал: «Мы не можем надеяться вести войну без того, чтобы время от времени не случались такого рода вещи. Я видел много их раньше». А затем я взял ванну, и принялся за работу.

От начала войны до формирования наших флотий для защиты от подводных лодок должны были пройти две или три недели. На это время мы решили сравнительно свободно пользоваться авианосцами, чтобы помогать доходить до гаваней безоружным и не организованным в конвои торговым судам, в большом количестве приближавшимся к нашим берегам. Это был риск, на который мы имели право пойти. «Кореджиус» был использован для этой цели в сопровождении четырех истребителей. К вечеру 17-го два из них должны были отправиться на охоту за подводной лодкой, атаковавшей торговое судно. Когда «Кореджиус» в сумерки повернулся против ветра, чтобы дать возможность своим аэропланам выстроиться на его посадочной площадке, он в своей непредвидимой беде напоролся на подводную лодку, что могло случиться в одном случае из ста. Из экипажа в 1260 человек потонуло более 500, включая капитана Макейг-Джонса, пошедшего ко дну вместе со своим судном. За три дня до этого другой, впоследствии ставший знаменитым, авианосец «Арк Ройал» также был при подобных же обстоятельствах атакован подводной лодкой. Мины милостиво прошли мимо, а нападаю-

щая лодка была быстро потоплена сопровождающими миноносцами.

Среди наших морских проблем видное место занимала задача эффективной борьбы против надводных рейдеров, которые неизбежно должны были скоро появиться, как это было в 1914 г.

12-го сентября я написал следующую памятную записку:

«Первый лорд Первому морскому лорду. 12 сентября 39 г.

В прошлом мы старались защищать нашу торговлю против внезапных атак посредством крейсеров. В виду необходимости контролировать обширные океанские пространства, наш принцип был: «Чем больше, тем лучше». В поисках вражеских рейдеров и крейсеров даже небольшие крейсера могут сыграть свою роль, и в случае с «Эмденом» мы вынуждены были сосредоточить более двадцати судов прежде чем он был пойман. Однако более тщательное рассмотрение вопроса о применении крейсеров подсказывает, повидимому, необходимость поисков какой-то новой единицы судов для розыска. В то время как эскадрилья крейсеров из четырех судов может искать на фронте, скажем, восьмидесяти миль, один крейсер в сопровождении авианосца может покрыть триста, а, принимая во внимание движение судна, и четыреста миль. С другой стороны, мы должны опасаться того, что будущие рейдеры будут мощными судами, готовыми, если представится случай, вступить в бой в одиночку. Увеличение числа небольших, слабых крейсеров не является средством очищать моря от мощных рейдеров. Они только становятся легкой добычей. Рейдер, попав в растянутое окружение, справится с одним слабым судном и выйдет из петли.

Каждая единица розыска должна быть в состоянии найти, поймать и убить. Для этого нам требуется известное число крейсеров более сильных, чем крейсера в 10.000 тонн, или пар крейсеров нашего типа в 10.000 тонн. Их должны сопровождать небольшие авианосцы, может быть, с дюжиной или двумя аэропланов и с возможно меньшим водоизмещением. Идеальную единицу розыска составляло бы одно «суд-

но-убийца» или два судна, обладающие только тремя четвертями ударной силы плюс один авианосец, плюс четыре океанских истребителя, плюс два или три специально сконструированных танкера хорошей скорости. Такая крейсирующая формация была бы защищена против подводных лодок, могла бы обыскивать огромное пространство и уничтожать каждого отысканного ею рейдера».

Описанная в этой записке система образования охотничьих групп, включающих балансируемые силы, способные обыскивать большие пространства и справляться с любым рейдером в их поле розыска, была нами развита, насколько позволяли наши ограниченные ресурсы, и я коснусь этого в одной из дальнейших глав. Та же идея была позднее более полно развита Соединенными Штатами в их системе «целевых формаций», которая была важным вкладом в искусство морской войны.

**
*

К концу месяца я считал, что было бы хорошо дать Палате подробный отчет о том, что происходило и почему.

«Первый лорд премьер-министру. 24 сентября 39 г.

Не будет ли уместно, если я сделаю Палате сообщение о войне против подводных лодок и общем морском положении — более пространное, чем Вы можете дать в Вашей речи? Я думаю, что смогу говорить об этом от двадцати пяти до тридцати минут и что это будет полезно. По крайней мере, когда я на днях встретил доверительно шестьдесят представителей печати, они, видимо, были очень успокоены отчетом, который я смог им дать. Если Вы одобряете эту идею, Вы, может быть, скажете в Вашей речи, что я дам более полный отчет во время прений, которые, как я предполагаю, будут иметь место в четверг, так как бюджет будет представлен в среду».

Чемберлэн охотно согласился, и в своей речи 26-го он сказал Палате, что я сейчас же после него сделаю

сообщение о морской войне. Кроме ответов на вопросы, это было мое первое выступление в парламенте с тех пор, как я вступил в правительство. У меня было что рассказать. В первые семь дней наши потери составляли по тоннажу половину недельных потерь в апреле 1917 г., бывшего худшим годом подводных атак в первую войну. Мы уже достигли успехов, во-первых, приведя в действие систему конвоев, во-вторых, спешно проводя вооружение наших торговых судов и, в-третьих, нашей контратакой против подводных лодок. «В первую неделю наши потери от подводных лодок достигли 65.000 тонн, во вторую неделю 46.000 и в третью 21.000. За последние шесть дней мы потеряли всего 9.000 тонн».*) Я все время соблюдал правило не преувеличивать и избегать каких-либо оптимистических предсказаний, которому меня научил тягостный опыт прошлого. «Не следует, — сказал я, — слишком долго останавливаться на этих успокоительных цифрах, так как война полна неприятных неожиданностей. Но я, без сомнения, имею право сказать, что поскольку эти цифры показательны, они не дают основания для излишнего уныния или тревоги».

*) Вот исправленные цифры:

(В тоннах. Число судов показано в скобках).

	От подвод- ных лодок	Другие причины
Первая неделя (3-9 сентября)	64595(11)	
Вторая неделя (10-16 сентября)	53561(11)	11437(2) (мина)
Третья неделя (17-23 сентября)	12750(3)	
Четвертая неделя (24-30 сентября)	4646(1)	5051(1) (над- водный рейдер)
Всего	135552(26)	16488(3)
Общий итог	152.040(29)	

Кроме того, были потери нейтрального и союзного судоходства, составившие 15 судов с общим водоизмещением в 33.527 тонн.

«Тем временем, — продолжал я, — вся наша по всему миру раскинувшаяся торговля продолжается без перерыва и чувствительного сокращения. Большие конвои войск эскортируются к различным назначениям. Вражеские корабли и торговля сметены с морей. Более двух миллионов тонн германского судоходства или спрятаны в немецких или интернированы в нейтральных портах. За первые две недели мы задержали, захватили и сдали на использование для наших нужд на 67.000 тонн больше германских товаров, чем было потоплено в наших судах... Я снова повторяю мое предостережение против слишком оптимистических заключений. Фактически сейчас мы получаем в нашей стране больше снабжения, чем мы имели бы, если бы не было объявления войны, а подводные лодки не начали действовать. Это не выйдет за пределы осторожности, если я скажу, что при таком темпе понадобится много времени, чтобы уморить нас голодом.

Иногда командиры германских подводных лодок старались, насколько могли, вести себя гуманно. Были случаи, когда они давали достаточное предостережение и помогали экипажам добраться до портов. Один немецкий капитан сигнализировал лично мне положение британского судна, которое он только что потопил, и просил прислать помощь. Он подписал свое послание: «Германская подводная лодка». В то время у меня были некоторые колебания, по какому адресу послать ответ. Однако теперь он в наших руках, и с ним обращаются со всем должным уважением. Если даже принять, как надежную цифру, что в первые недели войны было уничтожено шесть или семь подводных лодок,*) то это составляет одну десятую всего существовавшего в момент объявления войны неприятельского подводного флота, вероятно, четверть, а, может быть, и треть всех подводных лодок, которые были активно применены. Но британские атаки против подводных лодок только начинаются. Наши преследующие отряды становятся сильнее с каждым днем. К концу октября мы надеемся иметь втрое больше преследующих сил, чем было в действии в начале войны».

Эта продолжавшаяся только двадцать пять минут речь была чрезвычайно хорошо принята Палатой, и она фактически показала неудачу первой германской

*) Теперь мы знаем, что в сентябре 1939 г. были потоплены только две.

подводной атаки против нашей торговли. Я опасался за будущее, но наши приготовления на 1941 год подвигались теперь со всей возможной быстротой и в том объеме, в каком это позволяли наши ресурсы.

**

К концу сентября у нас было мало оснований быть недовольными результатами от первых столкновений в морской войне. Я чувствовал, что успешно перенял большое министерство, которое я так хорошо знал и любил, наблюдая его критическими глазами. Я теперь знал, что имелось и что делалось. Я знал, где что находилось. Я посетил все главные военные порты и встретился со всеми главными командирами.

Согласно королевскому указу, создавшему министерство, Первый лорд «ответственен перед Короной и Парламентом за всю деятельность Адмиралтейства», и я с уверенностью чувствовал себя готовым выполнить эту обязанность как формально, так и фактически.

В общем сентябрь был для флота благоприятным и плодотворным месяцем. Мы выполнили огромную, трудную и рискованную задачу перехода от мира к войне. В первые недели развернутая по всему свету морская торговля должна была нести потери, внезапно подвергшись подводной войне, ведшейся вопреки формальному международному соглашению без всякого разбора. Но теперь система конвоев была в полном ходу, и торговые суда каждый день десятками оставляли наши порты с орудиями, иногда монтированными под большим углом на корме, и с ядром обученных артиллеристов. Снабженные асдиками тральщики и другие мелкие суда, вооруженные подводными снарядами, были до начала войны хорошо подготовлены Адмиралтейством к выпуску. Теперь они с каждым днем увеличивающимся потоком вступали в

дело с обученными экипажами. Мы все были убеждены, что первая атака подводных лодок на британскую торговлю была разбита и что угроза была сдержана основательным и все более строгим контролем. Было очевидно, что немцы будут строить подводные лодки сотнями, и целые стаи их разной степени законченности были, без сомнения, уже на эллингах. Через двенадцать и, во всяком случае, восемнадцать месяцев мы должны были ожидать начала главной подводной войны. Но мы надеялись, что к тому времени множество наших флотилий и специальных судов против подводных лодок смогут противостоять этой войне с пропорциональным и эффективным превосходством. Увы, только через много месяцев мог быть преодолен горестный недостаток в противовоздушных орудиях, в особенности 3,7-дюймовых и бофорсах. Но были приняты меры, чтобы в пределах наших возможностей получить их для защиты наших военных гаваней. Тем временем флот, царя над океанами, должен будет играть в прятки.

В более широкой области морских операций не было еще никакой определенной угрозы нашей позиции. После временного прекращения движения по Средиземному морю наши суда снова шли через этот неоценимый коридор. Тем временем переправка экспедиционного корпуса во Францию подвигалась гладко. Флот метрополии, сам «где-то на севере», был готов перехватить любой выход немногих тяжелых судов неприятеля. Блокада Германии была осуществлена методами, подобными тем, которые применялись в прошлую войну. Между Шотландией и Исландией был установлен «северный патруль», а к концу первого месяца были захвачены как призы в общей сложности

почти триста тысяч тонн товаров, предназначенных для Германии против ста сорока тысяч тонн, потерянных нами вследствие морских операций противника. По всем морям наши крейсера ловили германские корабли, в то же время осуществляя покрытие против атак рейдеров на наше судоходство. В результате германское судоходство остановилось. К концу сентября около трехсот двадцати пяти германских кораблей с общим водоизмещением почти в 750 тысяч тонн застряли в иностранных портах. Несколько попало затем в наши руки.

Наши союзники также делали свое дело. Французы приняли существенное участие в контроле Средиземного моря. В водах метрополии и в Бискайском заливе они помогали в борьбе против подводных лодок, а в Атлантическом океане могущественная эскадра, базирующаяся на Дакаре, входила составной частью в союзные планы против надводных рейдеров.

Отличился молодой польский флот. В начале войны три современных истребителя и две подводные лодки «Волк» и «Орел» ускользнули из Польши, не боясь германских сил в Балтийском море, и сумели дойти до Англии. Бегство подводной лодки «Орел» — настоящая эпопея. Выйдя из Гдыни, когда немцы вторглись в Польшу, она сначала крейсировала в Балтийском море, затем вышла в нейтральный порт Таллин, чтобы высадить своего больного капитана. Эстонские власти решили интернировать судно, поставили на борт стражу, отобрали карты и затворы орудий. Командующий офицер, не испугавшись, одолел стражу и вышел в море. В следующие недели за подводной лодкой непрерывно охотились морские и воздушные патрули, но в конце концов лодка даже без карт вышла из Балтийского в Северное море. Здесь она смогла дать слабый беспроволочный сигнал британской станции, указав свое предполагаемое место-

положение, и 14-го октября она была встречена и эскортирована в безопасное место британским истребителем.

В сентябре я имел удовольствие получить личное письмо от президента Рузвельта. Я только один раз встретился с ним в прошлую войну. Это было на обеде в Грейс Инн. Я был поражен его великолепной внешностью во всей его молодости и силе. Тогда не было никакого особого повода, кроме обмена приветствиями.

«Президент Рузвельт Черчиллю. 11 сентября 39 г.

Так как Вы и я занимали аналогичные посты в Мировую войну, я хочу, чтобы Вы знали, как я рад, что Вы снова вернулись в Адмиралтейство. Я понимаю, что Ваши проблемы осложнены новыми факторами, но в основном они не очень изменились. Я хочу, чтобы Вы и премьер-министр знали, что я всегда буду рад, если Вы будете лично сноситься со мной обо всем, что Вы хотели бы мне сообщить. Вы всегда можете посылать письма за печатью через вашу или мою специальную почту.

Я рад, что Вы закончили Ваши томы о Мальборо до того, как началась эта история — и я читал их с большим удовольствием».

Я ответил с горячей готовностью и подписался «Морское лицо». Так началась долгая и достопамятная переписка, включившая, может быть, до тысячи сообщений с каждой стороны и продолжавшаяся до его смерти пять лет спустя.

3.

ГИБЕЛЬ ПОЛЬШИ

В то же время за столом военного кабинета мы были свидетелями быстрого и почти механического разрушения более слабого государства по методу и согласно давнему намерению Гитлера. Польша была с трех сторон открыта для германского вторжения. Вторгшиеся армии в общей сложности составляли пятьдесят дивизий, включая все девять танковых дивизий. Из Восточной Пруссии третья армия (восемь дивизий) продвигалась на юг к Варшаве и Белостоку. Четвертой армии (двенадцать дивизий) было предписано, двинувшись из Померании, уничтожить польские войска в Данцигском коридоре и затем идти на юго-восток к Варшаве вдоль обоих берегов Вислы. Фронт против Познанского выступа был занят германскими резервными войсками в оборонительной позиции, а направо от них находилась лицом к югу восьмая армия (семь дивизий), задачей которой было прикрывать левый фланг от главного удара. Этот удар был поручен десятой армии (семнадцать дивизий), направленной прямо на Варшаву. Дальше на юг четырнадцатая армия (четырнадцать дивизий) имела двойную задачу: во-первых, занять важный промышленный район на запад от Кракова, а затем, если на главном фронте дела идут хорошо, идти прямо на Лемберг (Львов) в юговосточной Польше.

Таким образом польские силы вдоль границы должны были быть сначала прорваны, а затем разбиты и окружены двумя клещами: одними с севера и юго-запада в направлении на Варшаву и вторыми, большего охвата «внешними» клещами, образованными третьей армией, продвигающейся через Брест-Литовск, чтобы соединиться с четырнадцатой армией после взятия ею Лемберга. Те части, которые ускользнули из замкнувшихся варшавских клещей, были бы таким образом отрезаны от отступления в Румынию. Более полутора тысяч современных самолетов были брошены на Польшу. Их первой задачей было уничтожить польские воздушные силы, а затем поддерживать армию на полях сражений и, кроме того, атаковать военные сооружения, все сообщения по грунтовым и железным дорогам. Они должны были также повсюду сеять ужас.

Польская армия не выдерживала сравнения с нападающими ни по численности ни по снаряжению, и ее диспозиции не были целесообразны. Все ее силы были рассеяны вдоль границ родной страны. У нее не было центрального резерва. Гордо и надменно отвергая германские притязания, Польша тем не менее боялась быть обвиненной в провокации, если она заблаговременно проведет мобилизацию против накапливавшихся вокруг нее вооруженных масс. Тридцать дивизий, составлявших только две трети ее действующей армии, были готовы или приблизительно готовы встретить первый удар. Быстрое развитие событий и яростная атака германской авиации помешали остальным частям достичь передовых позиций до того, как все было разгромлено, и они участвовали только в окончательной катастрофе. Таким образом тридцать польских дивизий противостояли на длинной окружности почти двойному числу, не имея ничего позади себя. Они были слабее не только по численности. Их артил-

лерия была далеко позади германской, и у них была только одна танковая бригада против девяти германских «панцеров», как те тогда уже назывались. Их конница, которой они имели двадцать бригад, храбро атаковала напиравшие танки и броневики, но не была в состоянии причинить им какой-либо вред своими саблями и копьями. Их девятьсот аэропланов первой линии, из которых, может быть, половина была современных типов, были застигнуты врасплох, и многие из них были разрушены даже прежде, чем они поднялись в воздух.

Согласно плану Гитлера, германские армии вступили в действие первого сентября, и перед ними его авиация атаковала польские воздушные отряды на их аэродромах. В два дня польские воздушные силы были фактически уничтожены. В течение недели германские армии проникли далеко вглубь Польши. Сопротивление было повсюду мужественным, но тщетным. Все пограничные польские армии, за исключением глубоко обойденной на ее флангах познанской группы, были отброшены назад. Лодзинская группа была расколота надвое главным ударом германской десятой армии. Одна половина отступила на восток к Радому, а другая была оттеснена на северо-запад. Через образовавшуюся пустоту две панцерных дивизии устремились прямо на Варшаву. Далее на север германская четвертая армия достигла и перешла Вислу и повернула вдоль нее в своем наступлении на Варшаву. Только польская северная группа была в состоянии сдерживать германскую третью армию. Она скоро была обойдена с фланга и отступила к реке Нареву, где только и была заранее приготовлена довольно сильная оборонительная система. Таковы были результаты первой недели «Блицкрига» (молниеносной войны).

Вторая неделя была ознаменована ожесточенными боями и к концу ее польская армия, номинально на-

считывавшая около двух миллионов человек, перестала существовать как организованная сила. На юге четырнадцатая германская армия продвигалась к реке Саве. К северу от нее четыре польские дивизии, которые отступили к Радому, были там окружены и уничтожены. Две танковые дивизии десятой армии достигли предместий Варшавы, но, не имея с собой пехоты, не могли двигаться дальше вследствие отчаянного сопротивления, организованного городским населением. К северо-востоку от Варшавы третья армия окружала столицу с востока, а ее левая колонна достигла Брест-Литовска в ста милях позади линии фронта.

Польская армия сражалась и умирала в когтях варшавских клещей. К ее познанской группе присоединились вынужденные к этому германским давлением дивизии из торнской и лодзинской групп. В ней было теперь двенадцать дивизий, но сквозь ее южное крыло германская десятая армия неслась к Варшаве, защищаемой только сравнительно слабой восьмой армией. Хотя познанская группа фактически была уже окружена, командующий ею генерал Кущеба решил ударить на юг против фланга главного германского натиска. Эта смелая польская контратака, названная битвой на реке Бзуре, создала кризис, который привлек не только германскую восьмую армию, но также часть десятой, которая была отвлечена от своего объекта Варшавы, и даже с севера один корпус четвертой армии. Под натиском всех этих мощных частей и подавляемая не встречавшей сопротивления воздушной бомбардировкой познанская группа в течение десяти дней вела свою отныне и навеки прославленную борьбу. Наконец, 19-го сентября она была уничтожена.

Тем временем внешние клещи встретились и замкнулись. Четырнадцатая армия дошла 12-го сентября до предместий Лемберга и, повернув к северу, соедини-

лась 17-го с частями третьей армии, которые прошли через Брест-Литовск. Теперь больше не было лазейки для спасения разбросанных и пренебрегающих опасностью людей. 20-го немцы возвестили, что битва на Висле «была одной из величайших битв на истребление всех времен».

Теперь была очередь Советов. В действие вступило то, что они теперь называют «демократией». 17-го сентября русские армии массой прорвались через почти незащищенную восточную границу Польши и широким фронтом покатались на запад. 18-го они заняли Вильну и встретили своих немецких сотрудников в Брест-Литовске. Здесь в прошлую войну, нарушив торжественные соглашения с западными союзниками, они заключили сепаратный мир с Германией кайзера и встали на колени перед ее жесткими условиями. Теперь в Брест-Литовске русские коммунисты, ухмыляясь, пожимали руки Германии Гитлера. Гибель Польши и ее полное порабощение шли параллельно. Варшава и Люблин еще оставались незавоеванными. Соппротивление Варшавы, питаемое в значительной мере порывом ее граждан, было великолепным и безнадежным. После многих дней яростной бомбардировки с воздуха и тяжелой артиллерией, быстро перенесенной по широким боковым дорогам с бездействующего западного фронта, варшавское радио перестало играть польский национальный гимн, и Гитлер вступил в развалины города. Модлин, крепость в двадцати милях вниз по Висле, была занята остатками торнской группы и билась до 28-го. Так в один месяц всё было кончено, и 35-миллионный народ попал в беспощадный зажим тех, кто искали не только завоевания, но и порабощения и даже уничтожения больших масс людей.

Мы видели классический образчик современного «блицкрига»: тесное сотрудничество в сражениях армии и воздушных сил; яростную бомбардировку всех

сообщений и каждого селения, которое казалось привлекательной мишенью, вооружение активной пятой колонны; широкое пользование шпионами и парашютистами; и, самое главное, неудержимые прорывы вперед больших масс танков. Поляки не были последними, кто подвергся этому испытанию.

**
*

Советские войска продолжали продвигаться к той линии, о которой они договорились с Гитлером, и 29-го был формально подписан деливший Польшу русско-германский договор. Я попрежнему был убежден в глубоко и, как я думал, непримиримом антагонизме между Россией и Германией и цеплялся за надежду, что силой событий Советы будут привлечены на нашу сторону. Поэтому я не дал воли негодованию, которое я чувствовал и которое вспыхнуло вокруг меня в кабинете вследствие их бессердечной и жестокой политики. Относительно их у меня никогда не было никаких иллюзий. Я знал, что они не признают кодекса морали и считаются только со своими собственными интересами. Но, по крайней мере, они ничем не были нам обязаны. Кроме того, в смертельной борьбе гнев должен быть подчинен задаче победить главного непосредственного врага. Я решил дать их гнусному поведению наиболее благоприятное толкование. Поэтому в меморандуме, который я написал 25-го сентября для военного кабинета, я взял более спокойный тон.

«Хотя во время недавних переговоров русские были повинны в самой грубой недобросовестности, их поставленное маршалом Ворошиловым условие, что, если они станут союзниками Польши, русские войска должны занять Вильну и Львов, было вполне законным военным требованием. Это было отвергнуто Польшей по основаниям, которые, хотя и были естественными, не могут теперь представляться достаточными. В результате Россия заняла теперь, как враг Поль-

ши, ту же линию и те же позиции, которые она могла бы занять и в качестве очень сомнительного и подозрительного друга. Фактически разница не так велика, как это может казаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали свою способность быстро продвинуться далеко от своих довоенных позиций. Теперь они граничат с Германией, и для Германии совершенно невозможно обнажить свой восточный фронт. Большая германская армия должна быть оставлена, чтобы следить за ним. Как я узнал, генерал Гамелэн считает, что в ней, по меньшей мере, двадцать дивизий. Это вполне может быть двадцать пять или еще больше. Поэтому восточный фронт потенциально существует».

1-го октября я сказал по радио:

«Польша снова раздавлена двумя великими державами, которые в течение полутораста лет держали ее в рабстве, но не смогли сломить дух польского народа. Героическая защита Варшавы показала, что душа Польши неразрушима и что она снова подымется, как скала, которую могут на время захлестнуть волны прибоя, но которая остается скалой.

Россия хладнокровно преследует политику собственных интересов. Мы могли бы хотеть, чтобы русские войска стояли на их теперешней линии, как друзья и союзники Польши, а не как агрессоры. Но то, чтобы русские войска стояли на этой линии, было явно необходимо для защиты России против нацистской угрозы. Во всяком случае эта линия существует, и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не смеет напасть.

Я не могу вам предсказать, что будет делать Россия. Это окутанная тайной загадка внутри загадки. Но, может быть, к ней есть ключ. Этот ключ — национальные интересы России. Интересам и безопасности России не может соответствовать, чтобы Германия утвердилась бы на берегах Черного моря или чтобы она захватила балканские государства и поработила славянские народы юговосточной Европы. Это противоречило бы исторически жизненным интересам России».

Премьер-министр был совершенно согласен. В письме к своей сестре он писал: «Я смотрю так же, как Винстон, чью превосходную речь по радио я только что слушал. Я убежден, что Россия всегда будет действо-

вать, как, по ее мнению, того требуют ее интересы, и я не могу поверить, чтобы она думала, что в ее интересах будет победа Германии и, как следствие, этого, господство Германии над Европой».

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО КАБИНЕТА

Военный кабинет вместе с добавленными к нему членами, начальниками штабов трех частей вооруженных сил и несколькими секретарями собрался в первый раз 4-го сентября. Затем мы собирались ежедневно, а иногда и два раза в день. Я не вспоминаю другого периода такой жаркой погоды — я носил черный жакет из альпага, сшитый, чтобы его носить поверх только полотняной рубашки. Это была именно та погода, которой Гитлер хотел для нападения на Польшу. Большие реки, на которые поляки рассчитывали в своих планах обороны, можно было почти всюду переходить вброд, а почва была достаточно твердой для движения танков и всякого рода средств передвижения. Каждое утро глава всего Генерального штаба генерал Айронсайд, стоя перед картой, делал подробные доклады и давал оценку положения, которые очень скоро не оставили у нас сомнения в том, что сопротивление Польши будет быстро сломлено. Каждый день я делал Кабинету доклад о делах Адмиралтейства, обычно состоявший из перечня наших торговых судов, потопленных подводными лодками. Состоявший из четырех дивизий экспедиционный корпус начал переправляться во Францию, а воздушное министерство жаловалось на то, что ему не позволяют бомбардировать военные объекты в Германии. Помимо этого, было много дел, касающихся внутреннего фронта, и, ко-

нечно, много говорилось о внешней политике, в частности о позиции Советской России и Италии, и о политике, которую следует вести на Балканах.

Самым важным шагом было образование Комитета по наземным силам под руководством Самуэля Хора, в то время Лорда хранителя печати. Он должен был рекомендовать военному кабинету размеры и организацию армии, которую мы должны были сформировать. Я был членом этой небольшой группы, которая собиралась в министерстве внутренних дел, и в один особенно знойный день, выслушав генералов, согласилась на том, что мы должны немедленно приступить к созданию армии в пятьдесят пять дивизий со всеми военными заводами, мастерскими и органами снабжения, необходимыми для такой армии. Мы надеялись, что к восемнадцатому месяцу войны две трети этой внушительной силы будут уже посланы во Францию или будут уже способны вступить в действие. Самуэль Хор во всем проявлял ясность суждения и активность, и я его постоянно поддерживал. С другой стороны, воздушное министерство опасалось, что такая армия и ее снабжение потребуют слишком много людей и квалифицированной рабочей силы, что помешает выполнению составленных на бумаге обширных планов создания в два или три года мощных воздушных сил. Аргументы Кингслея Вуда произвели впечатление на премьер-министра, который колебался согласиться на армию таких размеров со всем, что с ней связано. В военном кабинете мнения по этому вопросу разделились, и прошла неделя или даже больше до того, как было решено принять рекомендацию Комитета по наземным силам в пользу армии в пятьдесят пять дивизий, по крайней мере, как цель.

Я считал, что как член военного кабинета, я был обязан руководиться соображениями общего характера, и постоянно подчинял основной концепции свои

ведомственные требования для Адмиралтейства. Я старался установить широкую основу для согласия с премьер-министром, а также предоставить в его распоряжение мои знания в той области, которую я изучил раньше. Ободряемый его любезностью, я написал ему ряд писем по разным проблемам по мере того, как они возникали. Я не хотел быть вынужденным спорить с ним на заседаниях кабинета, и всегда предпочитал излагать свои мысли на бумаге. Почти во всех случаях мы оказывались в согласии, и хотя первое время у меня было впечатление, что он держится очень настороже, я рад сказать, что его доверие и расположение ко мне росли с месяца на месяц. Это засвидетельствовано его биографом. Я также писал письма другим членам военного кабинета и разным министрам, с которыми я имел ведомственные или другие дела. Военный кабинет был несколько стеснен тем, что он редко заседал без секретарей или военных экспертов. Это был серьезный и деловой орган, и преимущество свободного обсуждения между людьми, так тесно связанными общей задачей, без каких-либо формальностей и ведения протоколов, было очень велико. Такое заседание было важным дополнением к официальным заседаниям, на которых велась практическая работа, и решения записывались для руководства и действия. Для ведения дел величайшей трудности необходимы обе эти формы.

Я очень интересовался судьбой огромной массы тяжелой артиллерии, которую я, как министр вооружений, заготовил во время прошлой войны. Это — оружие, на изготовление которого требуется полтора года. Но для армии, как для наступления так и для обороны, очень важно иметь в своем распоряжении большое количество тяжелых батарей. Я вспоминал борьбу, которую Ллойд-Джордж в 1915 г. вел с военным министерством, и все политические осложнения в связи

с вопросом о создании превосходства в очень тяжелой артиллерии и о том, как Ллойд-Джордж был оправдан событиями. Характер наземной войны, как он обнаружился восемь месяцев позднее, в 1940 г., оказался в высшей степени отличным от того, что было в 1914-18. Но, как будет видно ниже, этими большими орудиями были удовлетворены важнейшие нужды обороны наших островов. Я считал, что у нас имеется похороненное сокровище, пренебрегать которым было бы безумием.

По этому, как и по другим вопросам, я написал премьер-министру:

«Первый лорд премьер-министру. 10-го сентября 1939

Я надеюсь, что Вы ничего не имеете против того, что я частным образом посылаю Вам эти несколько пунктов.

1. Я попрежнему склонен думать, что мы не должны брать на себя инициативу бомбардировок, за исключением непосредственной зоны операций французских армий, где мы, конечно, должны помогать. В наших интересах, чтобы война велась в соответствии с более гуманными представлениями о войне и чтобы мы не предупредили немцев, а следовали за ними в неизбежном вне сомнений процессе усиления ее жестокости и ожесточения. Каждый новый день дает больше убежищ населению Лондона и других больших городов, и через две недели или около того будет гораздо больше сравнительно надежных убежищ, чем теперь.

2. Вы, несомненно, знаете, что нам было сообщено об условиях, в каких находится наш небольшой экспедиционный корпус во Франции, и что у него недостаточно танков, обученных групп, управляющих траншейными мортирами, и больше всего недостает тяжелой артиллерии. Если окажется, что нехватает тяжелых батарей, то это вызовет справедливую критику... В 1919 г., после войны, когда я был помощником военного министра, я распорядился, чтобы вся масса тяжелых орудий была собрана на складах, смазана и тщательно хранилась. Я также помню, что в 1918 г. я произвел две двенадцатидюймовые гаубицы по запросу главного штаба, чтобы они в 1919 г. поддержали продвижение в Германию. Они никогда не были использованы, но в то время они были, так сказать, последним словом в этой области. Это

не мелочь, которую легко потерять... Мне представляется наиболее необходимым и спешным, во-первых, выяснить, что мы имеем на складах, во-вторых, немедленно привести это в исправное состояние и заняться производством современной амуниции. Там, где дело касается этой тяжелой амуниции, я смогу помочь в Адмиралтействе, потому что мы там очень рады всему крупному.

3. Вы, может быть, хотите знать, каким принципам я следуя при пересмотре морской программы нового строительства. Я предполагаю приостановить работу, кроме трех или, может быть, четырех новых броненосцев, и не беспокоиться сейчас о кораблях, которые не могут вступить в действие до 1942 г. Это решение должно быть пересмотрено через шесть месяцев. Этим изменением я сберегаю производственную способность, чтобы помочь армии. С другой стороны, я должен делать большие усилия, чтобы увеличить флот небольших судов против подводных лодок. В этой области количество имеет решающее значение... Большое количество выйдет в 1940 г., но далеко недостаточное, если иметь в виду, что нам, может быть, придется летом 1940 г. иметь дело с 200 или 300 подводных лодок.

4. Что касается снабжения армии и его отношения к воздушным силам, то разрешите мне предоставить в Ваше распоряжение мой опыт и знания, которые были не выучены, а куплены дорогой ценой. Если министр снабжений сделает разметку по расчету на пятьдесят пять дивизий, то это в данное время не помешает ни авиации, ни Адмиралтейству, потому что (а) предварительные работы по нахождению участков и постройке фабрик в течение многих месяцев не будут требовать квалифицированной рабочей силы. Понадобятся месяцы для рытья ям для фундаментов, кладки бетона, кирпичей и известки, для канализации и т. д.; для всего этого достаточно обычных строительных рабочих, и (б) если Вы не сможете вследствие других нужд осуществить фронт в пятьдесят пять дивизий на двадцать четвертый месяц, Вы сможете, не меняя масштаба, перенести срок на тридцать шестой месяц или даже позже. С другой стороны, если министр не сделает большой разметки с самого начала, будут досадные задержки, когда придется расширять существующие фабрики. Предоставьте ему сделать его разметки в большом масштабе, а интересы авиации и армии Вы будете защищать, меняя расписание по времени. Построенную фабрику не обязательно использовать, если это не нужно, но,

если ее нет, Вы можете оказаться беспомощным, когда потребуются новые усилия. Вы можете достигнуть достаточных результатов, только если эти большие фабрики будут пущены в ход.

5. До настоящего момента (полдень) нет сообщения о новых потерях от подводных лодок, то есть тридцать шесть часов без событий. Может быть, все они отправились на виканд! Но я всё время сижу в ожидании удара. Тем не менее, я убежден, что все будет в порядке».

Я также написал доктору Бурджину:

«Первый лорд министру снабжений. 10 сентября 1939.

В 1919 году, когда я был в военном министерстве, я дал предусмотрительную инструкцию собрать на складе и смазать всю массу тяжелой артиллерии. Теперь, повидимому, она найдена. Я думаю, что первое, что Вы должны сделать, это забрать этот запас и в самом спешном порядке привести его в исправное состояние, а также изготовлять тяжелую амуницию. Возможно, что Адмиралтейство будет в состоянии помочь Вам тяжелыми снарядами. Не стесняйтесь об этом просить».

Ответ был самым удовлетворительным:

«Министр снабжений Первому лорду. 11 сентября 1939

Подготовка самой тяжелой артиллерии для пользования ею была со времени сентябрьского кризиса 1938 года неусыпной заботой военного министерства. Работа по приведению в готовность орудий и установок — как 9,2-дюймовых орудий, так и 12-дюймовых гаубиц — началась в январе.

Это снаряжение было в 1919 году очень надежно спрятано и благодаря этому оказалось в общем не в плохом состоянии. Однако, некоторые его части испортились и требовали обновления, что и делалось все время в текущем году. Мы, без сомнения, будем иметь часть снаряжения готовой в этом месяце, и этой работе я, конечно, отдаю приоритет.

Я очень благодарен за Ваше письмо. Вы будете рады узнать, как много уже делается в рекомендованном Вами направлении».

«Первый лорд премьер-министру. 11 сентября 1939 г.

Все говорят, что надо иметь министерство судоходства.

Сегодня на нашем собрании с владельцами судов президент палаты судоходства оказывал на меня сильное давление в этом смысле. Министр торговли просил меня поддержать его в этом требовании, хотя это, конечно, сильно ограничит его функции. Я убежден, что будут настойчивые требования в парламенте. Более того, эта мера представляется мне правильной по существу. Функции должны быть трех родов:

а) Обеспечить максимальную полезность и экономию грузов в соответствии с военной политикой кабинета и давлением событий.

б) Обеспечить и организовать очень обширную программу судостроения, необходимую, как предосторожность, на случай тяжелых потерь от подводных лодок, атаку которых можно ожидать летом 1940 года. Это должно включать изучение строительства бетонных судов, чтобы на время напряженного положения со сталью уменьшить запросы на нее.

в) Забота, поддержка и ободрение моряков торгового флота, которым снова и снова придется выходить в море после того, как они попадали под мины и были спасены. В войне такого рода эти моряки торгового флота являются самой важной и потенциально грозной силой.

Министр торговли уже говорил Вам, что понадобятся две или три недели, чтобы отделить те части его министерства, из которых должно быть образовано министерство торгового судоходства. Мне представляется очень разумным разрешить такой переходный период. Если министр будет назначен и это будет объявлено, то он подберет себе необходимый личный состав и постепенно переймет соответственные отделы министерства торговли. Важным представляется также приступить к созданию министерства торгового судоходства до того, как начнется давление со стороны парламента и судоходных кругов и до того, как нам скажут, что имеются основательные нарекания на существующую систему».

После тянувшегося месяц обсуждения это министерство было образовано, и об этом было объявлено 13-го октября, Чемберлэн избрал в качестве его руководителя сэра Джона Гилмура. Этот выбор подвергся

критике, как неудовлетворительный. Гилмур был очень приятный шотландец и хорошо известный член парламента. Он занимал министерские посты при Болдвине и Чемберлене. Его здоровье слабело, и он умер через несколько месяцев после своего назначения. Его преемником был Рональд Кросс.

«Первый лорд премьер-министру.

15 сентября 1939

Так как я буду в отсутствии до понедельника, сообщаю Вам, что я думаю об общем положении.

Я считаю в высшей степени невероятным, чтобы немцы предприняли наступление на западе в такое позднее время... Их наиболее вероятным планом было бы, без сомнения, нажимать через Польшу, Венгрию и Румынию в направлении к Черному морю, и возможно, что Гитлер имеет соглашение с Россией, по которому та получит часть Польши и вернет себе Бессарабию.

Для Гитлера было бы целесообразно использовать в течение зимних месяцев его европейские связи и источники продовольствия и тем показать своему народу зрелище постоянных успехов и внушить ему убеждение в ослаблении блокады. Я поэтому не боюсь, что он будет атаковать на западе прежде чем заберет легкую добычу, которая ждет его на востоке. Тем не менее, я твердо держусь мнения, что мы должны делать все приготовления к нашей обороне на западе. Надо приложить все усилия к тому, чтобы побудить Бельгию принять необходимые предохранительные меры в контакте с французской и британской армиями. В то же время нужно днем и ночью укреплять всеми мыслимыми средствами французскую границу позади Бельгии. В особенности следует создать надежную систему обороны, комбинируя разные препятствия танковым атакам, сажая вертикально рельсы, роя глубокие рвы, сооружая бетонные преграды, закладывая в одних местах полевые мины, а в других готовя наводнения и т. д. Атака трех или четырех германских танковых дивизий, которая была так эффективна в Польше, может быть остановлена только физическими препятствиями, защищаемыми энергичными войсками и мощной артиллерией. Без физических препятствий нельзя успешно сопротивляться танкам.

Я очень рад, что имеется в распоряжении вся масса тяжелой артиллерии, собранной мною на складах в 1919 году.

В ней имеются 32 двенадцатидюймовых, 145 девятидюймовых, большое количество восьмидюймовых и около 200 шестидюймовых гаубиц с очень большим количеством снарядов. В сущности это тяжелая артиллерия не для нашего небольшого экспедиционного корпуса, а для большой армии. Нужно, не теряя времени, доставить часть этих орудий на фронт, так, чтобы, если у наших войск будет нехватка в чем-нибудь другом, они не страдали от недостатка тяжелой артиллерии...

Я надеюсь, что Вы уделите тому, о чем я пишу, должное внимание. Я делаю это только потому, что хочу помочь Вам в Вашей ответственности и уменьшить мою собственную».

Премьер-министр ответил 16-го:

«Я внимательно читаю и принимаю во внимание все Ваши письма, и если я на них не отвечал, то только потому, что я вижу Вас каждый день, а кроме того потому, что, насколько я мог заметить, наши взгляды очень близко сходятся... На мой взгляд, урок польской кампании состоит в способности достигшей полного господства в воздухе авиации парализовать операции наземных сил... Поэтому, хотя я должен, конечно, ждать отчета комитета по наземным силам прежде чем составить свое мнение, мне представляется, что следует дать абсолютный приоритет быстрому усилению нашей авиации, и размеры нашей активности на земле должны быть определены нашими ресурсами, наличными после того, как мы обеспечим расширение авиации».

«Первый лорд первому министру. 18-го сентября 1939

Я вполне разделяю Ваше убеждение, что авиации должна занимать первое место среди наших забот, и даже иногда думаю, что она может оказаться основным средством, при помощи которого будет достигнута победа. С другой стороны, меморандум воздушного министерства, которым я как раз сейчас занимаюсь, повидимому, полон обширных и неопределенных требований, которые в данный момент не обоснованы и, если им дать абсолютный приоритет, ослабили бы другие обязательные формы военной активности. Я готовлю замечания об этом меморандуме и приведу только одну цифру, которая меня в нем поразила.

Если авиационная промышленность может с имеющимися в настоящее время 360.000 рабочих производить около тысячи аэропланов, то непостижимо, почему требуются

1.050.000 человек для производства 2000 в месяц. Следовало бы ожидать очень существенное «сокращение при увеличении количества», в особенности при применении массового производства. Я не могу представить себе, чтобы немцы стали употреблять что-либо похожее на миллион человек для производства двух тысяч машин в месяц. Принимая, вообще говоря, выпуск двух тысяч аэропланов в месяц, как цель, я пока что не убежден, что это предъявит такие требования к нашей военной производственной способности, как это вытекает из меморандума.

Я хочу, чтобы армия планировалась в размере пятидесяти или пятидесяти пяти дивизий, потому что я сомневаюсь, чтобы Франция согласилась на такое разделение усилий, при котором мы получили бы море и воздух, а ей предоставили почти целиком платить кровью на земле. Для нас такое разделение было бы, конечно, приятно, но мне не нравится перспектива быть вынужденными вести войну в одиночестве.

Очень опасно давать какому-либо ведомству абсолютный приоритет. Во время той войны Адмиралтейство пользовалось своим приоритетом произвольно и эгоистично в последний год, когда оно имело подавляющее влияние, и к нему еще присоединился американский флот. В общих интересах я каждый день сдерживаю подобные тенденции.

Как я упоминал в первом письме к Вам, план производства артиллерийских снарядов, пушек, заводов горючего и снабжение их взрывчатыми веществами и сталью не конкурирует непосредственно с фабриками для производства аэропланов, требующих совсем другого рода рабочую силу. Это вопрос умелого приспособления. С другой стороны, заготовка механических средств передвижения прямо конкурирует и должна быть тщательно регулирована. Будет предусмотрительно в большом масштабе создать фабрики для производства амунции для армии, а затем дать им потреблять лишь столько, сколько позволяют наши ресурсы и требует характер войны. Фактор времени — регулятор, который можно применять в зависимости от обстоятельств. Если же не начать сейчас строить фабрики, то потом не будет возможности выбора.

Я думаю, что было бы правильно сообщить французам о нашем намерении сформировать армию в пятьдесят или пятьдесят пять дивизий. Но, без сомнения, надо оставить открытым вопрос о том, будет ли это достигнуто на двадцать четвертый, тридцатый или сороковой месяц.

К концу той войны мы имели около девяноста дивизий на всех фронтах, производили по две тысячи аэропланов в месяц и содержали флот, гораздо более сильный, чем было нужно, и много больше того, который предусматривают наши теперешние планы. Я не считаю поэтому несовместимыми задачи иметь пятьдесят или пятьдесят пять дивизий и выпускать по две тысячи аэропланов в месяц, хотя, конечно, современные дивизии и современная авиация требуют гораздо больше индустриальной работы — поскольку все стало гораздо более сложным».

* * *

«Первый лорд премьер-министру. 21-го сентября 1939

Я хотел бы знать, имеете ли Вы в виду устройство собраний министров военного кабинета, чтобы на них говорить без секретарей или военных экспертов. Я не нахожу, чтобы на наших официальных заседаниях достаточно производительно обсуждались большие проблемы. Мы являемся министрами, ответственными за ведение войны, и я убежден, что будет в интересах дела, если мы время от времени будем собираться, как особая группа. На начальников штаба возложено много такого, что выходит за пределы их профессиональной области. Мы с пользой получаем от них много ценных, освещающих вопросы докладов. Но я позволяю себе указать Вам, что иногда мы должны обсуждать только общее положение. Мне кажется, что во многих пунктах мы не доходим до корней проблем.

Я не говорил об этом с кем-либо из коллег и не имею понятия, какого они мнения. Сообщаю Вам мое, считая это своим долгом.

24-го сентября я писал министру финансов:

«Как человек, который сам прошел через машину казначейства, я много думаю о Вас и Ваших проблемах. Я ожидаю сурового бюджета, основанного на обложении широких слоев зажиточных людей. Но я думаю, что Вы должны это связать с энергичной кампанией против излишних трат. Судя по незначительным результатам, достигаемым нашими теперешними гигантскими расходами, я думаю, что никогда еще не получалось так мало «ценностей за деньги», как теперь. В 1918 году для предотвращения лишних трат имелось

много неприятных предписаний, которые, в конечном счете, послужили достижению победы. Вы, без сомнения, можете сделать это сильным пунктом Вашего заявления в среду. Надо постараться объяснить людям, чего они должны избегать. Это отнюдь не доктрина воздержания от расходов. Все, даже предметы роскоши, надо потреблять расчетливо, пока больше не создается. Возьмем для примера письменные принадлежности — их употребление должно быть немедленно урегулировано во всех учреждениях. Конверты должны снова и снова покрываться клеем и выглаживаться. Хотя это кажется мелочью, но это учит каждого чиновника экономить — а у нас их теперь миллионы.

В 1918 году на фронте проводилась активная «кампания экономии», и ею начали гордиться, смотря на нее, как на часть общего дела. Почему бы с самого начала не внедрить эту идею в нашем экспедиционном корпусе во всех зонах, кроме находящихся в данный момент под огнем?

В Адмиралтействе я стараюсь сократить большие проекты улучшений во флоте, если они могут быть в силе лишь после 1941 года, а в некоторых случаях даже, если они не могут быть проведены до конца 1940 года. Надо остерегаться, чтобы те, кто занимаются укреплениями, и другие лица в министерстве не поглотили наши силы проектами, рассчитанными на продолжительное время, которые могут дать результаты только после того, как будет решена наша судьба.

Я вижу, что наши министерства после излишнего голодания теперь полны ненужным жиром. С Вашей точки зрения, будет много лучше действовать вместе с Вашими надсмотрщиками как к р и т и к и излишней расточительности, а не как задерживающая сила. Не мешайте министерствам действовать во время кризиса, предоставьте им ответственность; но быстро требуйте их к ответу за каждую неудачу в экономии.

Я надеюсь, что Вы не рассердитесь за то, что я пишу Вам об этом, потому что я так же сильно заинтересован в экономной трате денег, как в ведении войны, составной частью которого она является. Во всех этих делах Вы можете рассчитывать на мою поддержку, а также на мое повиновение в качестве главы расходующего министерства государственному контролю».

В каждой войне, в которой Королевский флот претендовал на господство на морях, он должен был платить за это, давая неприятелю крупные мишени. Каперы, рейдующие крейсеры, а больше всего подводные лодки собирали крупные пошлины на жизненных линиях нашей торговли и подвоза продовольствия. Поэтому на нас всегда падала основная задача обороны. Отсюда возникает опасность, что мы будем втянуты или сами опустимся до оборонительной морской стратегии и образа мышления. Развитие последнего времени усилило эту тенденцию. Когда я в течение обоих великих войн одно время управлял Адмиралтейством, я всегда старался преодолеть эту манию обороны, ища возможных форм контрнаступления. Заставить неприятеля гадать, где ему будет нанесен ближайший удар, может оказать неизмеримую помощь тем, кто должен сопровождать до гавани сотни конвоев и тысячи торговых судов. В Первую мировую войну я надеялся сначала в Дарданелах, а потом в атаке на Боркум и другие Фризские острова найти средства вернуть себе инициативу и заставить более слабую морскую державу заниматься собственными, а не нашими проблемами. В 1939 году, когда я опять был призван в Адмиралтейство и как только были удовлетворены непосредственные потребности и отражены опасности, я не мог удовлетвориться политикой «конвоя и блокады». Я стал серьезнее искать способа атаковать Германию морскими средствами.

Прежде и больше всего привлекало Балтийское море. Господство британского флота на Балтийском море дало бы выгоды, может быть, решающего значения. Скандинавия, освобожденная от угрозы германского вторжения, тем самым была бы, естественно, вовлечена в нашу систему мировой торговли, если не в фактическое военное сотрудничество. Укрепившейся на Балтийском море британский флот протянул бы

России руку и этим, вероятно, оказал бы решающее влияние на советскую политику и стратегию. Эти факты не оспаривались ответственными и хорошо осведомленными людьми. Господство на Балтийском море было, очевидно, высшим призом не только для британского флота, но и для Британии. Можно ли было его завоевать? В эту войну германский флот не был препятствием. Наше превосходство в тяжелых судах заставляло нас желать вступить в бой где бы и когда бы не представился для этого случай. Минные поля могли быть вычищены более сильным флотом. Подводные лодки не могли парализовать флот, охраняемый достаточно сильными флотилиями. Но теперь, вместо могущественного германского флота 1914 и 1915 годов, была авиация, грозная, неизвестных размеров и, без сомнения, с каждым месяцем усиливающаяся.

Если бы было возможно два или три года тому назад заключить союз с Советской Россией, то его можно было бы реализовать, присоединив к русскому флоту британскую эскадру с базой в Кронштадте. В свое время я рекомендовал это в кругу моих друзей. Нельзя знать, было ли возможно такое соглашение. Это было, без сомнения, одним из средств сдержать Германию; но были и более легкие методы, которые не были применены. Теперь же, осенью 1939 года, Россия была враждебно нейтральна, балансируя между антагонизмом и фактическим участием в войне. Швеция имела несколько подходящих гаваней, которые могли бы быть базами для британского флота. Но от Швеции нельзя было ожидать, чтобы она подвергла себя опасности германского вторжения. Без господства на Балтийском море нельзя было просить у Швеции гавань. Без шведской гавани не могло быть господства над Балтийским морем. Здесь был тупик в стратегическом планировании. Можно ли было из него выйти?

Исследование всегда верное средство. Как будет видно дальше, во время войны я заставил штабы долго изучать различные возможные операции, но в результате обычно убеждался в том, что от них лучше отказаться или что они не могут быть координированы с общим ведением войны. Первой из этих операций было завоевание господства на Балтийском море.

**
*

На четвертый день моего пребывания в Адмиралтействе я распорядился, чтобы морской штаб приготовил план прорыва в Балтийском море. Отдел планирования быстро ответил, что Италия и Япония должны оставаться нейтральными, что угроза воздушных атак, повидимому, не допускает этой операции; но что, помимо этого, операция заслуживает тщательного планирования и, если будет сочтена осуществимой, должна быть осуществлена в марте 1940 года или еще раньше. Тем временем я вел пространные разговоры с одним из моих друзей с 1911-12 гг. директором морского строительства сэром Стэнли Гудаллом, который сразу увлекся этой идеей. Я назвал план «Екатериной» по имени Екатерины Великой, потому что главным образом думал о России. 12-го сентября я смог написать подробный меморандум для заинтересованных ведомств.

Адмирал Паунд ответил 20-го, что успех будет зависеть от того, что Россия не присоединится к Германии, и от того, что будет обеспечено сотрудничество Норвегии и Швеции. Он ответил также, что мы должны быть в состоянии выиграть войну против любой комбинации держав, не рассчитывая на те силы, которые будут посланы в Балтийское море. Он был целиком за изучение вопроса. 21-го сентября он согласился на то, чтобы адмирал граф Корк и Оррери, моряк с огромным опытом и выдающихся способностей, перешел на

работу в Адмиралтейство, где ему были предоставлены помещение, зачаток штаба и вся информация, необходимая для изучения и планирования наступательной операции в Балтийском море. Для этого был подходящий прецедент в прошлую войну, когда я, с полного согласия лорда Фишера, вернул в Адмиралтейство для специальной работы такого же рода знаменитого адмирала «буксира» Вильсона. И в эту войну было несколько случаев, когда важные решения такого рода выносились непринужденно и дружески, не вызывая и малейшего недовольства заинтересованных начальников штабов.

Идеи лорда Корка, как и мои, базировались на постройке линейных кораблей, специально приспособленных к тому, чтобы выдержать воздушную и минную атаку. Я хотел приспособить два или три корабля типа «Ройал Соверейн» для действий в прибрежных водах, дав им усиленные надделки против мин и сильно бронированные деки против воздушных бомб. Ради этого я готов был пожертвовать одной или даже двумя башнями и семью-восемью узлами скорости. Совершенно независимо от балтийской операции это дало бы нам возможность наступательных действий у вражеских берегов Северного моря и даже еще больше в Средиземном. Ничто не могло быть готово раньше поздней весны 1940 года, даже если бы оправдались самые благоприятные расчеты морских конструкторов и верфей. Из этого мы поэтому и исходили.

26-го сентября лорд Корк представил свой предварительный отзыв, основанный, конечно, на чисто военном изучении вопроса. Он считал операцию, которой ему, без сомнения, пришлось бы руководить, вполне осуществимой, но рискованной. Считаясь с ожидаемыми потерями при проходе, он требовал превосходства над германским флотом по меньшей мере на тридцать процентов. Чтобы осуществить операцию в 1940 году,

сосредоточение флота и вся необходимая тренировка должна была быть закончена к середине февраля. Поэтому время не позволяло бронировать палубы и усилить защиту бортов кораблей типа «Ройал Соверейн», на что я рассчитывал. Это был другой тупик. Все же, если над всем этим работать, можно оказаться в состоянии действовать, может быть, на год позже. Но на войне, как и в жизни, всё находится в движении. Если возможно спокойно планировать на год или на два вперед, возможны и лучшие решения.

Во всем этом я имел сильную поддержку со стороны заместителя начальника штаба адмирала Тома Филиппса (погибшего на «Принце Уэльском» в конце 1941 года вблизи Сингапура) и адмирала Фрэзера, главного инспектора и третьего морского лорда. Последний рекомендовал прибавить к атакующему флоту четыре быстрых торговых судна компании «Глен Лайн», которым предстояло сыграть свою роль в других событиях.

Одной из моих первых обязанностей в Адмиралтействе было рассмотреть существующие программы строительства новых судов и вступившие в силу с началом войны расширенные программы.

В каждый данный момент в Адмиралтействе имелись в процессе выполнения по меньшей мере четыре следовавших одна за другой программы. В 1936 и 1937 годах были заложены пять новых броненосцев, которые должны были войти в состав флота в 1940 и 1941 годах. В 1938 и 1939 годах парламент утвердил постройку еще четырех броненосцев, которые не могли быть закончены раньше чем через пять или шесть лет с момента отдачи распоряжения об их постройке. В различных стадиях стройки находились девятнадцать крейсеров. Договорные ограничения в течение двадцати лет

не давали развернуться строительному гению Королевского флота и его искусству проектирования. Все наши крейсера были продуктом старания подчиняться договорным ограничениям и «джентльменским соглашениям». Таким образом в мирное время суда строились так, чтобы из года в год сохранить силу флота при всех политических трудностях. Во время войны все строительство должно направляться определенной тактической целью. Я очень хотел построить несколько крейсеров по 14.000 тонн с 9,2-дюймовыми орудиями, с хорошей броней против восьмидюймовых снарядов и со скоростью выше скорости «Дейчланд» или любого другого германского крейсера. До сих пор это было невозможно вследствие договорных ограничений. Теперь, когда мы были от них свободны, суровые приоритеты военного времени накладывали такой же безусловный запрет на такие долгосрочные планы.

Нашей самой насущной нуждой и нашим самым слабым местом были истребители. В программу 1938 года не было включено ни одного, но в 1939 году были заказаны шестнадцать. Всего в верфях находилось тридцать два таких судна, и только девять из них могли быть выпущены до конца 1940 года. Непреодолимое стремление делать каждую флотилию лучше предыдущей затянуло время постройки на два, а скорее на три года. Морскому командованию, естественно, хотелось, чтобы по Атлантическому океану носились превосходные суда, достаточно обширные, чтобы вместить все новейшие усовершенствования в артиллерии и, в особенности, в противовоздушных орудиях. Очевидно, этот ход мыслей скоро приводит к тому, что истребители не строятся совсем, а строятся только небольшие крейсера. Водоизмещение достигает или даже превышает две тысячи тонн, и экипаж более чем в двести человек совершает плавание по морям в лишенных брони судах, представляющих легкую добычу для

любого обыкновенного крейсера. Истребитель является главным оружием против подводных лодок, но с увеличением его размеров он сам становится привлекательной мишенью. Переходят границу, за которой охотник сам становится дичью. Сколько бы мы ни имели истребителей, это не было бы слишком много, но постоянные усовершенствования и увеличения размеров сильно ограничили количество, которое могло быть построено, и вызвали крайне опасное замедление их стройки.

С другой стороны, на морях редко было меньше двух тысяч британских торговых судов, и в наших портах прибытия и отбытия за неделю вместе составляли несколько сот океанских кораблей и несколько тысяч судов прибрежных сообщений. Ввести в действие систему конвоев, патрулировать проливы, охранять сотни портов на британских островах, обслуживать наши базы во всем мире, охранять непрерывную работу минных тральщиков — все это требовало огромного увеличения числа небольших вооруженных судов. Размеры и быстрота строительства были решающими факторами.

Моей обязанностью было приспособить наши программы к потребностям момента и добиться возможно большего увеличения числа судов для борьбы с подводными лодками. С этой целью были установлены два принципа. Прежде всего надо было или отложить или сильно отсрочить выполнение долгосрочной программы, чтобы сосредоточить рабочую силу и материал на том, что мы могли получить в течение первого года или первых полутора лет. Во-вторых, нужно было выработать новые типы судов против подводных лодок, которые были бы достаточно хороши для действий на подступах к нашему острову и тем освободили бы более крупные истребители для более отдаленных миссий.

По всем этим вопросам я адресовал моим морским коллегам ряд записок:

«Считаясь с тем, что к концу 1940 года следует ожидать возобновления угрозы подводных лодок в гораздо большем масштабе, тип строящихся истребителей должен больше отвечать требованиям их численности и быстроты стройки, чем размера и мощности. Надо иметь возможность проектировать истребители, которые могут быть построены менее чем в один год, и в этом случае надо немедленно начать строить по меньшей мере пятьдесят. Я вполне сознаю необходимость пропорциональности между судами, ведущими флотилии, и большими истребителями, способными выполнять океанские миссии, но считаю, что пополнение наших флотов пятидесятью средними истребителями срочной постройки освободит все более крупные суда для океанских миссий и сражений».

Во время войны обостряется конфликт между долгосрочной и краткосрочной политикой. Я распорядился остановить всякую работу по сооружению больших судов, которые не могли вступить в действие до конца 1940 года, и стройка которых могла конкурировать с неотложно необходимым строительством. Я предписал также, что наш флот против подводных лодок должен пополняться судами, которые могут быть построены в двенадцать, а, если возможно, в восемь месяцев. Для первого такого типа мы воскресили название «корвет». Заказы на пятьдесят восемь таких судов были даны незадолго до начала войны, но ни одно не было еще заложено. Более поздние и улучшенные суда подобного же типа были названы «фрегатами». Кроме того, большое число мелких судов разных типов, в частности тральщиков, должны были быть переделаны и снабжены орудиями, подводными снарядами и асдиками. Для прибрежных миссий требовалось также большое количество моторных лодок нового выработанного Адмиралтейством типа. Заказы были даны на всей территории до наших границ, — включая Канаду.

И тем не менее мы не достигли всего, чего хотели. Возникли неизбежные при данных обстоятельствах задержки, вследствие чего выпуск судов верфями далеко не отвечал нашим ожиданиям.

В продолжительных дискуссиях мои взгляды на балтийскую стратегию и перестройку броненосцев в конце концов восторжествовали. Были составлены проекты и даны заказы. Однако выдвигались те или иные основания, некоторые из них очень серьезные, чтобы не начинать работы. Говорилось о том, что броненосцы типа «Ройал Соверейн» могут понадобиться для конвоирования в случае, если прорвутся германские карманные броненосцы или крейсера с восьмидюймовыми орудиями. Указывалось на то, что эта программа создавала недопустимые затруднения для другой жизненно необходимой работы, и можно было привести веские доводы в пользу других приоритетов для рабочей силы и брони. Я глубоко сожалел, что никогда не смог осуществить свою концепцию эскадры кораблей с очень тяжело бронированными деками, со скоростью не более пятнадцати узлов и с целой щетиной противовоздушных орудий — кораблей, как никакие другие, способных противостоять воздушным и подводным атакам. Когда в 1941 и 42 годах такое значение получили оборона Мальты и доставка туда подкреплений, когда так насущно необходимо было бомбардировать итальянские порты и прежде всего Триполи, другие так же почувствовали эту нужду, как и я. Но тогда было уже слишком поздно.

Во время всей войны броненосцы типа «Ройал Соверейн» оставались источником убытков и опасений. Ни один из них не был перестроен, как это было с броненосцами типа «Королевы Елизаветы», и когда, как

мы увидим, представилась возможность направить их в действие против японского флота, проникшего в апреле 1942 года в Индийский океан, единственная забота и адмирала, бывшего на месте, и адмирала Паунда, и министра обороны была о том, чтобы как можно скорее отгородить их от неприятеля на как можно больше тысяч миль.

Одним из первых моих шагов, когда я перенял Адмиралтейство и стал членом Военного кабинета, было образовать собственный статистический отдел. В этом я положился на профессора Линдемана, моего друга и доверенного советника стольких лет. Все это время мы сообща формировали свои взгляды и делали расчеты. Я поместил его в Адмиралтействе с полдюжиной статистиков и экономистов, на которых можно было положиться, что они будут считаться только с реальными фактами. Под руководством Линдемана эта группа способных людей, имея доступ ко всей официальной информации, была в состоянии непрерывно снабжать меня картами и диаграммами, иллюстрировавшими всю войну, поскольку это было в пределах доступных нам данных. С неустанным упорством они изучали и анализировали все министерские бумаги, которые циркулировали между членами Военного кабинета, а также выполняли все изыскания, какие я хотел.

В то время не было общей правительственной статистической организации. Каждое министерство представляло свое дело по собственным цифрам и данным. Воздушное министерство считало одним способом, военное другим. Министерство снабжения и министерство торговли, думая одно и то же, говорили на разных диалектах. Иногда это приводило к недоразумениям и трате времени, когда тот или другой пункт вызывал

шум в Кабинете. Но я с самого начала имел свой собственный надежный и постоянный источник информации, каждая часть которой приводилась в связь со всем остальным. Хотя в начале эта информация покрывала только один сектор, она очень помогала мне составлять правильное и всеобъемлющее суждение о бесчисленных фактах и цифрах, которые нас затопляли.

5.

ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ

Немедленно после начала войны наша экспедиционная армия начала переправляться во Францию. В то время, как перед прошлой войной на подготовку были затрачены по меньшей мере три года, на этот раз военное министерство только весной 1938 года образовало особую секцию для такой подготовки. Теперь имелись два серьезных фактора. Во-первых, снаряжение и организация современной армии были много сложнее, чем в 1914 году. Во-вторых, преувеличенная боязнь воздушных атак на перевозившие войска суда и порты высадки побудила военное министерство пользоваться только более южными французскими портами и Сэн Назаром, который стал главной базой. Это удлинило сообщения армии и вследствие этого замедлило прибытие, развертывание и снабжение британских войск и по дороге в изобилии поглощало лишнее количество всякого материала.*)

Как это ни странно, до войны не было решено, на какой части фронта должны быть развернуты наши

*) Передовые отряды британского экспедиционного корпуса начали высаживаться во Франции 4-го сентября. Первый корпус высадился 19-го сентября и 2-й 3-го октября. Главная квартира сначала была с 15 сентября расположена в Ле Мансе. Главное движение войск шло через Шербург, средства передвижения и запасы направлялись через Брест и Нант, а сборные пункты были в Ле Мансе и Лавале.

войска, но всего вероятнее было, что это будет к югу от Лилля; это было подтверждено 22-го сентября. К середине октября четыре британских дивизии профессиональных по качеству своих солдат, сформированные в два армейских корпуса, находились на своих позициях вдоль франко-бельгийской границы. Это требовало передвижения в двести пятьдесят миль по грунтовым и железным дорогам от отдаленных портов, которые были выбраны для высадки. Три пехотных бригады, которые прибыли отдельно в течение октября и ноября, были в декабре 1939 года соединены в пятую дивизию, 48-ая дивизия прибыла в январе 1940 года, за ней в феврале последовали 50-ая и 51-ая, а в марте 42-ая и 44-ая, что составило все вместе десять дивизий. По мере роста их численности наши войска занимали все большую часть фронта. Но, конечно, нигде не было контакта с неприятелем.

Когда британские экспедиционные войска заняли назначенные им позиции, они нашли готовым более или менее законченный искусственный противотанковый ров, и на каждой тысяче или около того ярдов имелись обширные и хорошо видные бетонные укрепления, приспособленные для огня пулеметов и противотанковых орудий вдоль рва. Имелось также непрерывное проволочное ограждение. Большая часть деятельности наших войск в эти странные осень и зиму была направлена на улучшение приготовленной французами линии обороны и на организацию своего рода Линии Зигфрида. Несмотря на холод, дело подвигалось быстро. Аэроснимки показывали, в какой мере немцы продолжали свою Линию Зигфрида на север от Мозеля. Несмотря на преимущества, которые давали им ресурсы их страны и принудительный труд, мы, по видимому, не отставали от них. Ко времени майского наступления 1940 года наши войска соорудили чetyреста бетонных укреплений. Были вырыты сорок миль

облицованного рва и растянуто большое количество проволоки. Огромные требования ставила длинная, растянувшаяся до Нанта линия сообщений. Были построены сооружения для баз, улучшены дороги, проложены сто миль ширококолейной железной дороги, была вырыта обширная система подземного кабеля, и были почти закончены несколько туннелей для главных квартир командования армии и корпусов. Были устроены или улучшены почти пятьдесят аэродромов со стартовыми дорожками, потребовавшими более пятидесяти тысяч тонн бетона.

Над всем этим армия усердно работала, а чтобы разнообразить ее опыт, бригады по очереди передвигались на находящийся вблизи Меца в контакте с неприятелем сектор французского фронта, где, по крайней мере, были действия патрулей. Все остальное время наши войска употребляли на тренировку. Это было, действительно, необходимо. Достигнутая до начала войны степень подготовки была значительно ниже той, которой достигла четверть века тому назад армия сэра Джона Френча. В течение нескольких лет у нас не было больших военных упражнений. Регулярная армия была на двадцать тысяч человек, в том числе пять тысяч офицеров, меньше установленного для нее контингента, и при системе Кардвела, которая должна была обеспечить оборону Индии, главная часть этой нехватки падала на части, находившиеся дома и бывшие вследствие этого едва ли больше чем кадрами. Мало продуманное, хотя и внушенное благими намерениями, удвоение территориальной армии в марте 1939 года и создание милиции в мае того же года принудили взять у регулярной армии много инструкторов. Зимние месяцы во Франции были хорошо использованы, и всякого рода программы тренировки были добавлены к основной работе по фортификациям. Нет сомнения, что во время предоставленной ей передышки наша ар-

мия значительно усилила свою боеспособность. Ее мораль и дух крепки, несмотря на напряженную работу и отсутствие каких-либо боевых действий.

За нашим фронтом вдоль всей линии сообщений были накоплены огромные массы запасов и амуниции. Между Сеной и Соммой хранилось снабжение на десять дней, и дополнительное снабжение на семь дней находилось к северу от Соммы. Это последнее спасло нашу армию после германского прорыва. В виду господствовавшего спокойствия постепенно были использованы один за другим и порты к северу от Гавра. Дьепп стал госпитальной базой, Фекан был использован для амуниции, и к концу мы пользовались в общей сложности тринадцатью французскими гаванями.

Неизмеримо преимущество, которое имеет, не связанное ни законами, ни договорами правительство перед странами, где военные импульсы возникают лишь после того, как преступник нанес свой удар, и которые должны соответственно строить свои планы. Это преимущество огромно. С другой стороны, если победа агрессоров не является абсолютной и окончательной, то может наступить день расплаты. Гитлер, не сдерживаемый ничем, кроме превосходящей силы, мог бить когда и где он хотел, но две западные демократии не могли нарушить бельгийский нейтралитет. Крайнее, что они могли сделать, было прийти на помощь, когда Бельгия их позовет, но было вероятно, что это не случится, пока — увы — не будет слишком поздно. Конечно, если бы за пять предшествовавших войне лет политика Англии и Франции была бы мужественной и решительной, соблюдала бы святость договоров и действовала с одобрения Лиги Наций, Бельгия, может

быть, и примкнула бы к своим старым союзникам и допустила бы образование общего фронта. Это создало бы чрезвычайно сильную гарантию безопасности и, может быть, предотвратило бы бедствия, которым было суждено разразиться.

Такой союз, правильно организованный, создал бы вдоль бельгийской границы до моря щит против того страшного обходного движения, которое чуть не привело к нашей гибели в 1914 году и должно было сыграть свою роль в разгроме Франции в 1940 году. Кроме того, это открыло бы возможность быстрого проникновения из Бельгии в сердце германской промышленности на Руре и этим прибавило бы могучее оружие для удержания Германии от агрессии. В худшем случае, участь Бельгии была бы не более тяжелой, чем та, которая ее действительно постигла. Но если мы вспомним безучастное отношение Соединенных Штатов, кампанию Макдональда за разоружение Франции, повторные грубые отказы и унижения, с которыми мы мирились в различных случаях нарушения Германией статей мирного договора о разоружении, нашу пассивность при нарушении нейтралитета Рейнской области, наше приятие поглощения Австрии, мюнхенский пакт и допущение занятия немцами Праги — если вспомнить всё это, то никто, кто был в те годы ответствен за политику Англии и Франции, не имеет права осуждать Бельгию. В период нерешительности и умиротворения бельгийцы цеплялись за нейтралитет и успокаивали себя тщетной надеждой на то, что они смогут удержать на своей укрепленной границе германских агрессоров до тех пор, пока не подоспеют на помощь английская и французская армии.

**

В 1914 году дух французской армии, в которой после 1870 года пламя поддерживалось и передавалось от

отцов к сыновьям, был неистово наступательным. Согласно ее доктрине, численно более слабая сторона может отразить нападение только контрнаступлением, не только стратегическим, но и тактическим в каждом отдельном пункте. Вначале французы шли вперед под звуки Марсельезы в своих голубых мундирах и красных панталонах. Где это случалось, немцы, хотя и были нападающими, оставались на своих местах и стреляли с уничтожающими результатами. Апостол наступательной религии, полковник Гранмэзон погиб на передовой линии битвы за свою родину и свою теорию. В своем «Мировом кризисе» я объяснил, почему от 1914 до 1916 или 1917 года преимущество было на стороне обороны. Магазиновая винтовка, эффективность которой мы сами испытали в Южно-африканской (бурской) войне, может наносить наступающим в открытой местности войскам тяжелые, если не решающие потери. Помимо этого постоянно увеличивалось количество пулеметов.

Затем появились большие артиллерийские сражения. Определенное пространство громилось сотнями, а вскоре и тысячами орудий. Но когда после героических жертв французы и англичане продвигались против прочно окопавшихся немцев, их встречали последовательные линии укреплений, и те обширные воронки, которые они создавали своим огнем, чтобы уничтожить первые неприятельские линии, являлись, даже после достигнутого успеха, решающим препятствием для дальнейшего продвижения. Единственным выводом, который можно было сделать на основании этого тяжелого опыта, было то, что оборона является хозяйкой положения. Более того, за прошедшие с тех пор четверть столетия, сила огня орудий колоссально возросла. Но, как станет ясно из дальнейшего, это действовало в двух противоположных направлениях.

Теперь это была совсем другая Франция, чем та,

которая в августе 1914 года устремилась против своего старинного врага. Дух реванша исчерпал в победе свою миссию и себя самого. Вожди, поддерживавшие его, умерли. Французский народ понес ужасающую потерю в полтора миллиона своих мужчин. Для значительного большинства французов наступательные действия ассоциировались с начальными неудачами в 1914 году, с поражением генерала Нивелля в 1917 году, с затяжными боями на Сомме и у Пасшендэле, а больше всего с сознанием того, что сила огня современных орудий опустошает ряды нападающих. Ни во Франции, ни в Англии не было достаточного понимания значения того факта, что танки можно сделать способными выдерживать артиллерийский огонь и что они могут продвигаться на сто миль в день. Бросающая яркий свет на этот вопрос книга, опубликованная несколько лет тому назад полковником де Голлем, не нашла отклика. Влияние престарелого маршала Петэна в Высшем военном совете тяжело давило на французское военное мышление, закрывая двери новым идеям и выражалось, в частности, в пренебрежении к тому, что странным образом называлось «наступательным оружием».

Задним числом политика Линии Мажино часто осуждалась. Она, без сомнения, поддерживала оборонительную психологию. Тем не менее, для защиты границы в несколько сот миль всегда является разумной предосторожностью загородить ее, насколько это только возможно, укреплениями и тем сэкономить количество войск в неподвижных позициях и «канализировать» возможное нападение. Правильно использованная во французской концепции войны Линия Мажино принесла бы Франции огромную пользу. Ее можно было бы представить себе имеющей длинный ряд драгоценных ворот для вылазок, а, главное, запирающей большие отрезки фронта для того, чтобы образовать общие резервы или «маневренную массу». Считаясь с

невыгодным для Франции соотношением числа населения между ней и Германией, Линию Мажино следует считать разумной и предусмотрительной мерой. Напротив, поразительно то, что она не была продолжена, по крайней мере, вдоль реки Мааса. Она была бы тогда надежным щитом, дающим свободу острому нападающему французскому мечу. Но маршал Петэн противился этому продолжению. Он был твердо убежден, что по характеру своей местности Арденны, как проход для вторжения во Францию, можно считать исключенными. Так и было решено. Когда я в 1937 году был в Меце, генерал Жиро объяснил мне наступательную концепцию Линии Мажино. Она, однако, не была осуществлена, и Линия Мажино не только поглотила в себе очень большое количество хорошо обученных строевых солдат и техников, но оказывала парализующее действие на военную стратегию и на бдительность нации.

Новая авиация правильно рассматривалась как революционный фактор во всех операциях. Принимая во внимание сравнительно небольшое количество воздушных сил, которыми в то время располагали обе стороны, ее значение даже преувеличивалось и, главным образом, считалось благоприятным для обороны, как средство препятствовать концентрации и дезорганизовать сообщения атакующей армии. Французское верховное командование даже считало период мобилизации наиболее критическим вследствие возможности разрушения железнодорожных центров, хотя германская авиация, как и союзная, была по своей численности далеко недостаточна для такой задачи. Эти сообщения руководителей авиации шли по правильному пути и нашли свое оправдание в последние годы войны, когда численность авиации возросла в десять или двадцать раз. В начале войны они были преждевременны.

В Англии острят, что военное министерство всегда готовится к последней войне. Но это, вероятно, верно и для других ведомств и других стран, и, несомненно, было верно для французской армии. Я также находился под впечатлением превосходства обороны, при условии, что она ведется активно. У меня не было ни обязанности, ни постоянной информации, чтобы проинформировать нужную переоценку. Я знал, что бойня предыдущей войны глубоко врезалась в душу французского народа. Немцам было дано время построить Линию Зигфрида. Как страшно было бросить против этой стены огня и бетона то, что оставалось от мужского населения Франции! В первые месяцы Второй мировой войны я не расходился со всеобщим взглядом на оборону, и я считал, что противотанковые заграждения и полевые орудия, умело расположенные и с соответствующей амуницией, могут парализовать или разбить танки в темноте или в естественном или искусственном тумане.

В тех проблемах, которые Всевышний ставит своим служителям, вряд ли что-либо повторяется, а если это как будто происходит, то с таким изменением, которое делает бессмысленным и неподходящим такое обобщение. Человеческий разум, если только его не вдохновляет исключительная гениальность, не может преодолеть раз установленных заключений, в которых он был воспитан. Однако нам предстояло увидеть, как после восьми месяцев бездействия обеих сторон, Гитлер начал большое наступление во главе с массами неуязвимых для пушек, мощно бронированных танков, разбивающих все средства сопротивления обороны, и в первый раз за столетия, а, может быть, впервые с тех пор, как был изобретен порох, сделавших артиллерию на некоторое время почти бессильной на полях сра-

жений. Нам также предстояло увидеть, что возросшая сила огня сделала современные сражения менее кровопролитными, позволяя удерживать необходимые позиции с помощью очень небольшого количества людей, уменьшая таким образом число человеческих мишеней.

Ни одна граница не привлекала к себе столько стратегического внимания и не изучалась так, как та, которая простирается через Нидерланды между Францией и Германией. Каждая особенность поверхности, ее возвышенности и водные пути в течение столетий изучались всеми генералами и во всех военных школах Западной Европы в свете последней военной кампании. В данное время были две линии, к которым союзники могли продвинуться в случае, если немцы вторгнутся в Бельгию и союзники решат прийти ей на помощь; эти две линии могли быть заняты по хорошо подготовленному, секретному и внезапно осуществляемому плану, если Бельгия их попросила бы об этом. Первую из этих линий можно назвать линией Шельды. Она недалеко от французской границы, и ее занятие не связано с серьезным риском. В худшем случае, не было бы вреда держать ее, как «ложный фронт», в лучшем случае, ее можно развить в зависимости от событий. Вторая линия претендует на гораздо большее. Она простирается вдоль Мааса через Живе, Динан, Намюр и, минуя Лувэн, до Антверпена. Если бы эта более рискованная линия была захвачена союзниками и удержана в тяжелых сражениях, то это сильно сдержало бы сосредоточенный на их правом крыле порыв германского наступления. А если бы их армии оказались слабее союзных, то это было бы превосходным вступ-

лением для овладения важнейшим центром германского военного производства в Рурской области.

Так как продвижение через Бельгию без ее согласия исключалось по соображениям международной морали, то оставалось только продвижение от франко-германской границы. Наступление в восточном направлении через Рейн севернее и южнее Страсбурга выводило бы, главным образом, в Шварцвальд, который, как и Арденны, считался в то время местностью неблагоприятной для наступательных операций. Правда, поднимался вопрос о наступлении от фронта Страсбург-Мец в северо-восточном направлении во Пфальц. Такое наступление, опираясь правым флангом на Рейн, могло дать господство над этой рекой на север до Кобленца или Кельна. Это приводило бы в местность, удобную для сражения, и возможности такого наступления со многими вариантами были в течение очень многих лет предметом военных игр в штабных школах Западной Европы. Но в этом секторе Линия Зигфрида с ее основательно построенными цементовыми бункерами, поддерживающими один другого, и организованная в глубину с огромным количеством проволоки, в сентябре 1939 была уже трудно преодолимой. Самой ранней датой, в которую французы могли начать большое наступление, был, вероятно, конец третьей недели сентября. Но к тому времени польская кампания уже кончилась. В середине октября немцы имели на западном фронте семьдесят дивизий. Мимолетное численное превосходство Франции исчезало. Наступление от ее восточной границы обнажило бы ее гораздо более важный северный фронт. Если бы даже при первом натиске французская армия имела начальные успехи, ей было бы крайне трудно удержать занятое на востоке пространство, и она была бы под угрозой всей мощи германской контратаки на севере.

Это ответ на вопрос: «Почему надо было оставаться пассивным, пока Польша не была разгромлена?» Эта битва была проиграна уже несколькими годами раньше. В 1938 году, когда еще существовала Чехословакия, имелись еще хорошие шансы на победу. В 1936 году еще не могло быть действительного сопротивления. В 1933 году распоряжение Лиги Наций вызвало бы бескровное подчинение. Нельзя осуждать одного генерала Гамелэна за то, что он в 1939 году не пошел на риск, который, вследствие сделанных ошибок, так возрос со времени предыдущих кризисов, в которых и французское и британское правительство отступали.

Комиссия английских начальников штабов высчитывала, что к 18 сентября Германия мобилизовала не меньше 116 дивизий всех видов, которые распределялись следующим образом: 42 дивизии на западном фронте, 16 дивизий в центральной Германии, 58 дивизий на восточном фронте. Теперь мы знаем из неприятельских документов, что этот расчет был почти совершенно точен. Германия имела всего от 108 до 117 дивизий. Польша была атакована 58 наилучше подготовленными дивизиями. Оставалось 50 или 60 дивизий различного качества. Из них 42 дивизии (14 активных, 25 резервных и 3 ландвера) стояли вдоль западного фронта от Аахена до швейцарской границы. Германские танки либо были в действии в Польше, либо еще не существовали, и большой выпуск танков заводами вряд ли уже начался. Британский экспедиционный корпус был не больше, чем символической поддержкой. Он мог развернуть две дивизии в первую и еще две во вторую неделю октября. Несмотря на огромное относительное усиление Германии со времени Мюнхена, германское высшее командование с большой опаской оглядывалось на запад, пока Польша не была покорена, и только деспотический авторитет Гитлера, его сила воли и пять раз оправдавшееся убеждение в неже-

лании Франции и Англии сражаться победили или заставили германское командование пойти на то, что оно считало неоправдываемым риском.

Гитлер был убежден, что французская политическая система прогнила насквозь и что это заразило и французскую армию. Он знал, насколько сильны во Франции коммунисты и что их сила будет использована, чтобы ослабить или парализовать всякое действие, раз Риббентроп и Молотов договорились, и Москва обвинила французское и английское правительства в том, что они начали капиталистическую и империалистическую войну. Он был убежден, что Англия проникнута пацифизмом и вырождается. По его мнению, хотя Чемберлэн и Даладье были вынуждены воинственным меньшинством в Англии дойти до объявления войны, но они оба будут воевать как можно меньше и, раз Польша будет сокрушена, примирятся с совершившимся фактом, как они за год до этого сделали по отношению к Чехословакии. В ряде случаев, которые были хорошо известны, инстинкт Гитлера оправдался, а аргументы и опасения его генералов оказались ошибочными. Он не понимал, какая глубокая перемена произошла в Великобритании и во всей Британской империи, лишь только был дан сигнал к войне, и как те, кто были самыми упорными поборниками мира, сразу превратились в неугомонных тружеников во имя победы. Он не мог понять умственную и духовную силу нашего островного народа, который, как бы он ни был против войны и подготовки к ней, в течение столетий привык рассматривать победу, как свое приращенное право. Но во всяком случае, британская армия не могла быть фактором в начале войны, и Гитлер был уверен, что французская армия сердцем своим не участвовала в войне. И это, действительно, было верно. Он добился своего, и его приказам повиновались.

Наши военные думали, что после полного поражения Польши Германия будет держать в Польше около 15 дивизий, из которых значительная часть будет низшего качества. Если у нее есть сомнения относительно договора с Россией, общее число может быть увеличено до 30 дивизий на востоке. При самом неблагоприятном предположении Германия сможет поэтому снять с восточного фронта больше 40 дивизий и располагать на западе 100 дивизиями. К тому времени Франция мобилизует 72 дивизии вдобавок к войскам, стоявшим в крепостях, равносильным 12 или 14 дивизиям, и налицо будут 4 дивизии британского экспедиционного корпуса. 12 французских дивизий понадобятся, чтобы оберегать границу с Италией, 76 останутся против Германии. Неприятель будет, таким образом, иметь превосходство четырех к трем, и можно ожидать, что он образует добавочные резервные дивизии, доведя в близком будущем общее число дивизий до 130. Против этого Франция будет иметь еще 14 дивизий в Северной Африке, часть которых может быть оттуда взята, и те новые силы, которые Англия сможет постепенно доставлять.

Что касается авиации, то наши начальники штабов считали, что после разрушения Польши, Германия сможет сконцентрировать на Западе более двух тысяч бомбардировщиков против 950 французских и английских взятых вместе.*) Поэтому было ясно, что, окончив с Польшей, Гитлер и на земле и в воздухе будет гораздо сильнее, чем англичане и французы вместе. Поэтому не могло быть и речи о французском наступлении против Германии. Каковы же в таком случае

*) В действительности Германия имела тогда 1546 бомбардировщиков.

были возможности германского наступления против Франции?

Тут были, очевидно, три возможности. Во-первых, вторжение через Швейцарию. Этим был бы обойден южный фланг линии Мажино, но это было связано с большими географическими и стратегическими трудностями. Во-вторых, вторжение во Францию через общую границу. Это представлялось невероятным, так как считалось, что германская армия не была достаточно снаряжена и вооружена для массивной атаки против линии Мажино. И, в-третьих, вторжение во Францию через Голландию и Бельгию. Это был бы обход линии Мажино и не было бы связано с такими потерями, которые, вероятно, пришлось бы понести во фронтальной атаке против постоянных укреплений. Начальники штабов считали, что для такой атаки Германии нужно будет усилить уже находящиеся на западе войска, переведя с востока двадцать девять дивизий и расположив позади них еще четырнадцать. Такое передвижение не может быть закончено, а атака с полной артиллерийской поддержкой не может быть начата раньше чем через три недели, а приготовления к ней должны будут быть обнаружены нами за две недели до удара. По времени года для Германии будет поздно предпринимать такую большую операцию, но ее возможность нельзя было исключать.

Мы, конечно, должны будем стараться задержать передвижение германских войск с востока на запад воздушными атаками на их сообщения и пункты концентрации. Поэтому можно было ожидать предварительной воздушной борьбы с целью ослабить или уничтожить союзную авиацию атаками на аэродромы и авиационные заводы, и, что касается Англии, то это не было бы нежелательно. Нашей ближайшей задачей было бы противодействовать германскому продвижению

через Нидерланды. Мы не могли встретить эту атаку так далеко впереди, как в самой Голландии, но в интересах союзников было остановить ее; если возможно, в Бельгии.

«Мы осведомлены, — писали начальники штабов, — что, по французской идее, в случае если бельгийцы будут еще держаться на Маасе, французские и британские войска должны занять линию Живе-Намюр, причем британский оккупационный корпус должен действовать на левом крыле. Мы считаем, что было бы ошибочно принять этот план, если планы занятия этой линии не будут заблаговременно согласованы с Бельгией до германского наступления... Если теперешняя позиция не изменится так, что можно будет подготовить план заблаговременного занятия линии Живе-Намюр (иначе: Маас-Антверпен), мы решительно держимся того мнения, что германское наступление должно быть встречено на подготовленных позициях на французской границе».

В этом случае, конечно, было бы необходимо бомбардировать бельгийские и голландские города и железнодорожные узлы, которыми германские войска пользовались или их занимали.

Здесь нужно рассказать последующую историю этого важного вопроса. Он был поднят 20 сентября в Военном кабинете и после короткого обсуждения передан в Верховный военный совет. Верховный совет своевременно запросил разъяснение у генерала Гамелэна. В своем ответе генерал Гамелэн только указал, что вопрос о плане «Д» (то есть продвижение к линии Маас-Антверпен) был освещен в докладе французской делегации. В этом докладе место, имеющее оперативный характер, гласило: «Если призыв будет сделан своевременно, англо-французские войска войдут в Бельгию, но не для того, чтобы завязать встречное сражение. К допустимым линиям обороны относятся линия Шельды и линия Маас-Антверпен». Обсудив французский ответ, британские начальники штабов предста-

вили Кабинету новый доклад, в котором они говорили об альтернативе продвижения к Шельде, но совсем не упоминали о связанном с гораздо большими обязательствами продвижении к линии Маас-Антверпен. Когда начальники штаба 4 октября представили свой второй доклад, они не коснулись важнейшей альтернативы плана «Д». Поэтому Военный кабинет считал сам собой разумеющимся, что взгляды британских начальников штаба встретили согласие, и что не требуется больше никаких шагов или решений. Я присутствовал на обоих этих заседаниях Кабинета и не знал, что какой-либо существенный вопрос остался нерешенным. Так как в течение октября не последовало никакого положительного соглашения с бельгийцами, то считалось, что продвижение будет ограничено Шельдой.

Тем временем генерал Гамелэн, ведя секретные переговоры с бельгийцами, предложил: во-первых, чтобы бельгийская армия продолжала держаться в полном составе, и, во-вторых, чтобы бельгийская оборона была подготовлена на более выдвинутой линии от Намюра до Лувэна. В начале ноября было достигнуто соглашение с бельгийцами по этим пунктам, и с 5 по 14 ноября в Венсенне и Ла Ферте состоялся ряд конференций, на которых (или вернее — на некоторых из которых) присутствовали Айронсайд, Ньюол и Горт. 15-го ноября генерал Гамелэн издал свою Инструкцию №8, подтверждавшую соглашение от 14-го, на основании которого Бельгии будет оказана помощь продвижением на линию Маас-Антверпен, «если обстоятельства позволят». 17 ноября в Париже заседал Союзный Верховный совет. Чемберлэн взял с собой лорда Галифакса, лорда Чатфильда и сэра Кингслея Вуда. В то время я еще не достиг положения, при котором меня должны были бы приглашать сопровождать премьер-министра на такие заседания. Было принято решение: «В виду важности удержания германских сил как можно

дальше на восток, необходимо сделать все усилия, чтобы в случае германского вторжения в Бельгию удерживать линию Маас-Антверпен». На этом заседании Чемберлен и Даладьё настаивали на значении, которое они придавали этому решению, и после этого оно определяло все действия. Это было фактическим решением в пользу плана «Д», и оно сменило до сих пор принятое соглашение о скромном продвижении к Шельде.

Как новое добавление к плану «Д», вскоре появилось задание седьмой французской армии. Идея продвижения этой армии по приморскому флангу союзных армий впервые зародилась в начале ноября. Командование ею было поручено генералу Жиро, который не знал покоя, имея резервную армию, расположенную вокруг Реймса. Целью этого расширения плана «Д» было двинуться через Антверпен в Голландию, чтобы помочь голландцам, и, во-вторых, занять некоторые части голландских островов Валхерен и Беверланд. Все это было бы хорошо, если бы немцы были остановлены уже на канале Альберта. Генерал Гамелэн этого хотел. Генерал Жорж считал это выше наших сил и предпочитал, чтобы названные войска были оставлены в резерве в центре линии. Мы ничего не знали об этих разногласиях.

В этом положении мы провели зиму и ждали весны. Никаких новых стратегических решений не было принято французским и британским штабами или правительствами за шесть месяцев, которые отделяли нас от германского удара.

БОРЬБА УГЛУБЛЯЕТСЯ

Гитлер воспользовался своими успехами, чтобы предложить союзникам свой план мира. Как одно из их печальных последствий, наша политика умиротворения и вообще наше отношение к приходу Гитлера к власти убедили его в том, что ни мы, ни Франция не способны воевать. 3-го сентября, день объявления войны Англией и Францией, были для него неприятным сюрпризом. Но он твердо верил, что зрелище быстрого и сокрушительного уничтожения Польши заставит упадочные демократии понять, что дни, когда они могли влиять на судьбы восточной и центральной Европы, миновали навсегда. В то время он был вполне уверен в России, которую он насытил, дав ей польскую территорию и балтийские государства. И, действительно, в октябре он мог послать в Мурманск захваченное американское торговое судно «Город Флинт» с захватившим его немецким экипажем. В этой стадии он не хотел продолжать войну против Франции и Англии. Он был убежден, что Правительство его Величества будет радо согласиться с достигнутым им в Польше решением и что предложение мира даст Чемберлену и его старым коллегам возможность, объявив войну для спасения чести, выйти из беды, в которую их вогнали воинственные элементы парламента. Ему ни на минуту не приходило в голову, что теперь Чемберлен, а с ним вся Британская империя и Содружество народов ре-

шили добиться его крови или погибнуть в этой попытке.

После раздела Польши с Германией следующим шагом России было заключение трех «договоров о взаимной поддержке» с Эстонией, Латвией и Литвой. Эти балтийские государства были наиболее яростными антибольшевистскими областями Европы. Во время гражданской войны 1918-20 годов они отделились от Советского правительства и жесткими методами, какими в тех областях проводятся революции, построили тип общества, основным принципом которого была вражда к коммунизму и к России. В частности, из Риги поток яростно антибольшевистской пропаганды в течение двадцати лет каждый день растекался по всему миру по радио и другими путями. Однако, за исключением Латвии, они не связали себя с гитлеровской Германией. Немцы согласились включить их в свою сделку с Россией, и Советское правительство двинулось теперь на свою добычу с накопившейся ненавистью и жадным аппетитом. Эти три государства были давними завоеваниями Петра Великого и составляли часть царской империи. Они были немедленно заняты значительными силами, против которых не было возможности сопротивляться. Зверская ликвидация всех антикоммунистических и антирусских элементов была проведена обычными методами. Исчезло большое число людей, которые двадцать лет жили в условиях свободы на родной земле и представляли преобладающее большинство своего народа. Значительная часть их была отправлена в Сибирь. Остальные ушли дальше. Этот процесс был изображен, как «договоры о взаимной поддержке».

**

У себя мы занимались увеличением нашей армии и авиации и всеми необходимыми мерами для усиления

ния нашей морской мощи. Я продолжал сообщать мои идеи премьер-министру и, насколько это было допустимо, настаивал на них перед своими коллегами.

«Первый лорд премьер-министру

1 октября 39.

В этот викэнд я позволяю себе написать Вам о нескольких больших вопросах.

1. Когда мы подвергнемся наступлению в пользу заключения мира, необходимо будет укрепить позицию Франции. Хотя у нас под ружьем около миллиона человек, наше участие является и будет в течение многих месяцев оставаться незначительным. Мы должны сказать французам, что мы, хотя и в другой форме, но делаем такие же большие усилия, как в 1918 году; что мы создаем армию в пятьдесят пять дивизий, которая будет введена в действие, где понадобится, так скоро, как она сможет быть обучена и снаряжена, учитывая нашу большую долю в поставке авиации.

В настоящее время наша регулярная армия дает четыре или пять дивизий, вероятно, превосходящих всё, что имеется в этой области. Но не воображайте, что наши территориальные дивизии после шестимесячного или около того обучения смогут без ненужных потерь и печальных результатов противостоять регулярным немецким войскам с их, по меньшей мере, двухгодичной службой и лучшим снаряжением; или же что они смогут сражаться бок о бок с французскими войсками, из которых многие прошли трехлетнюю службу. Единственный способ быстро увеличить нашу армию во Франции — это привезти профессиональные войска из Индии и использовать их, как кадры, по которым будут формироваться территориальные и призывные части. Я не пытаюсь входить здесь в детали, но в принципе следует послать в Индию 60.000 территориальных войск для поддержания там внутренней безопасности, и в том же темпе вернуть в Европу 40 или 45 тысяч регулярных войск. Эти войска должны быть отправлены на юг Франции, где зимняя погода более благоприятна, чем у нас, и имеется больше средств для военного обучения. Там они должны стать ядром и остовом для восьми или десяти хороших полевых дивизий. К концу весны качество этих войск будет равно качеству тех, против которых или рядом с которыми они должны будут сражаться. Самый факт, что эти силы будут

формироваться в зимние месяцы во Франции, будет для французов большим ободрением и удовлетворением.

2. Я был очень озабочен цифрами, которые министерство авиации дало о своих боевых силах. Оно имело к началу войны сто двадцать эскадрилий, которые фактически свелись к девятистам шести или едва трем четвертям годных для действия. Обыкновенно ожидается, что при мобилизации будет значительное увеличение. В данном случае имело место резкое сокращение. Случилось то, что у многих эскадрилий пришлось выпотрошить обученный персонал, механиков, запасные части и т. д., чтобы образовать боееспособную воздушную силу, а обломки этих эскадрилий были брошены в большой омут, который называется резервом. Если зимние месяцы пройдут без большой атаки, то в этот же омут утечет масса новых машин и большое количество тренированных пилотов. Даже учитывая каждое оправданное сокращение, мы должны быть в состоянии формировать, по крайней мере, по шести эскадрилий в месяц. Гораздо лучше формировать эскадрильи, которые останутся в резерве, чем только иметь обширное свалочное место с запасными пилотами, запасными аэропланами и запасными частями. В настоящее время неравенство с немцами ужасающее. Я убежден, что увеличение может быть достигнуто, если Вы этого потребуете.

3. Защитные мероприятия и расходы «Обороны против воздушных налетов» основаны на совершенно неправильной оценке степени опасности для каждой части местности, которую она покрывает. Нужно составить графики районов, являющихся мишенями, и пути полета, по которым они могут быть достигнуты. В этих районах должно быть сосредоточено большое количество полностью занятых служащих. Лондон, конечно, является главной мишенью, найдется достаточно и других. В этих пунктах уличное освещение надо устроить так, чтобы оно могло быть контролируемо воздушной стражей, как только будет дана тревога. И в то время как устройство убежищ должно быть ускорено и они должны укрепляться днем и ночью, дух населения надо поддерживать театрами и кинематографами до начала настоящей атаки. В большей части сельских местностей можно сначала разрешить несколько измененное освещение и места развлечений должны оставаться открытыми. В этих районах не должно быть платного персонала. Все должно быть добровольно, и правительство должно ограничиться указания-

ми, предоставляя остальное местной активности. В этих местностях, составляющих семь восьмых Объединенного Королевства, газовые маски следует держать дома, а носить с собой их нужно только в местах, отмеченных как мишени. Право же, нет оснований, почему такие распоряжения не могли бы быть отданы в ближайшую неделю».

**
*

Катастрофы, поразившие Польшу и балтийские государства, побуждали меня тем сильнее желать удерживать Италию от участия в войне и всеми доступными средствами создать некоторую общность между ею и нами. Но война тем временем продолжалась, и я был занят рядом административных вопросов.

«Первый лорд министру внутренних дел 7. 10. 39

Несмотря на то, что обычно у меня здесь работы на полный день, я не могу не беспокоиться о внутреннем фронте. Вы знаете мое мнение о ненужных и в большей части страны бессмысленных строгостях всех этих затемнений, ограничениях развлечений и тому подобного. Но как обстоит дело с бензином? Разве флоту не удалось доставить запасы? Разве на воде не больше приближающихся и, вероятно, прибывающих запасов, чем было бы, если бы мир не был нарушен? Мне говорили, что очень большое число отдельных лиц и большая часть предприятий стеснена ограничениями. Без сомнения, лучше всего ввести rationоны по установленной цене и сверх этого разрешить свободную покупку с уплатой высокого налога. Публика будет платить за передвижение, налог увеличит доходы, больше автомобилей будут выпускаться с платежами за регистрацию, и коммерческая деятельность в стране будет подыматься.

Взгляните теперь на rationирование, как оно установлено министерством продовольствия, чтобы выиграть войну. Конечно, надо иметь rationирование, но мне говорили, что, например, мясные rationоны у нас только немногим лучше, чем в Германии. Необходимо ли это, раз море остается открытым?

Если мы будем иметь большую убыль вследствие воздушной или поверхностной атаки, необходимо будет применять все эти строгости. Но пока что нет оснований пред-

полагать, что флоту не удастся или не удастся доставлять запасы.

Далее: в чем дело со всеми людьми среднего возраста, многие из которых служили в прошлую войну, которые полны энергии и опыта, и десяткам тысяч которых говорят, что они не нужны и что им только остается регистрироваться в местных бюро труда? Это, без сомнения, очень нелепо. Почему бы не организовать особую стражу в полмиллиона мужчин свыше сорока лет (если они хотят быть добровольцами) и поставить всех наших состарившихся героев во главе и в центре таких новых частей? Пусть эти пятьсот тысяч расхаживают и заставляют молодых и активных вылезать из их квартир. Если нехватает мундиров, достаточно будет повязок, и меня заверили, что ружья во всяком случае имеются в изобилии. На основании того, что Вы мне раз говорили, я думал, что эта идея Вам нравится. Если да, давайте ее осуществлять.

Я постоянно слышу со всех сторон жалобы на недостаток организации на внутреннем фронте. Нельзя ли нам этим заняться?»

**
*

Среди всех этих забот на нас внезапно обрушилось событие, затронувшее Адмиралтейство в его самом чувствительном пункте.

Я упоминал тревожное известие будто подводная лодка была в н у т р и С к а п а Ф л о у, в результате чего наш главный флот вечером 17 октября 1914 года вышел в море. Тогда тревога была преждевременной. Теперь, почти день в день четверть века спустя, она оказалась реальностью. В 1.30 ночи 14 октября 1939 года германская подводная лодка, не побоявшись волн и течений, проникла через наши оборонительные сооружения и потопила стоявший на якоре броненосец «Ройал Ок». Сначала из залпа торпед только одна ударила в нос корабля и вызвала глухой взрыв. Находившимся на борту адмиралу и капитану представлялось настолько невероятным, что торпеда

могла ударить в таком надежном месте, как Скапа Флоу, что они приписали взрыв какой-нибудь внутренней причине. Прошло двадцать минут, пока подводная лодка снова зарядила свои трубы и выпустила новый залп. На этот раз три или четыре торпеды, ударив быстро одна за другой, сорвали у корабля дно. Меньше чем в две минуты он опрокинулся и потонул. Большинство экипажа было на боевых постах, но быстрота, с которой корабль перевернулся, сделала почти невозможным спасение для тех, кто находился внизу.

Можно привести здесь описание, основанное на немецком отчете того времени.

В 01.30 14 октября 1939 года корабль Его Величества «Ройал Ок», стоявший на якоре в Скапа Флоу, был торпедирован подводной лодкой «У47» (лейтенант Прин). Операция была тщательно планирована самим адмиралом Деницом, флагманом подводных лодок. Прин вышел из Киля 8 октября, в ясный и светлый осенний день, и, пройдя через Кильский канал, взял северо-северо-западный курс на Скапа Флоу. 13 октября в четыре часа утра лодка лежала около Оркнейских островов. В семь часов утра на поверхности; дует свежий ветер, ничего в поле зрения; в полутьме маячит линия отдаленного берега; длинные полосы северного сияния освещают голубые пятна на небе. Курс на запад. Лодка подбирается все ближе к Голмскому проливу, восточному подходу к Скапа Флоу. К несчастью, именно эти каналы не были полностью блокированы. Между двумя затопленными кораблями оставался узкий проход. Берег был близко. Можно было видеть человека, возвращавшегося домой на велосипеде по береговой дороге. Затем внезапно открылся весь залив. Киркский пролив был пройден. Лодка была внутри. К северу под берегом была видна большая тень лежащего на воде броненосца с длинной мачтой, поднимающейся словно кусок филиграна на черной ткани. Ближе, ближе, все трубы наготове, никакого тревожного сигнала, ни звука, кроме плеска воды, глухого шипения от давления воздуха и резкого щелканья рычага трубы. Огонь! — пять секунд, десять секунд, двадцать секунд. Затем раздается сотрясающий взрыв и в темноту подымается столб воды. Прин

ждал несколько минут, чтобы сделать второй залп. Трубы готовы. Огонь. Торпеды ударяют в середину корабля. Раздается ряд сокрушительных взрывов. «Ройал Ок» тонет вместе с 786 офицерами и матросами, включая контр-адмирала Благрова (контр-адмирал второй боевой флотилии). «У47» спокойно ускользает назад через брешь. Блокирующий корабль прибыл двадцать четыре часа спустя.

Этот эпизод, который следует считать подвигом командира германской подводной лодки, потряс общественное мнение. Он мог бы быть политически смертельным для любого министра, ответственного за довоенные меры предосторожности. Но, как новый человек, я был застрахован против таких упреков, а, кроме того, оппозиция не пыталась нажать капитал на этом несчастье. Напротив, Александер был сдержан и выражал сочувствие. Я обещал строжайшее расследование.

При этом случае премьер-министр сделал в Палате сообщение о германских воздушных атаках на залив Форт (в Шотландии), имевших место 16 октября. Это была первая германская попытка атаковать наш флот с воздуха. Двенадцать или больше аэропланов, подлетая по два или по три одновременно, бомбардировали стоявшие в заливе крейсера. Крейсера «Саутхэмптон» и «Эдинбург» и контр-миноносец «Могаук» получили легкие повреждения. 25 офицеров и матросов были убиты или ранены. Но четыре неприятельских бомбардировщика были сбиты — три нашими эскадрильями истребителей и один противовоздушной артиллерией. Вполне возможно, что только половина бомбардировщиков вернулась домой благополучно. Это был хороший урок.

На следующее утро, 17-го, была воздушная атака, и старый «Айрон Дюк», старое, снятое с боевой службы и разоруженное судно, служившее теперь кораблем-складом, был поврежден близкими к нему промахами. Он устроился на дне в мелководном месте и

продолжал делать свое дело во все время войны. Еще один вражеский аэроплан был сбит и упал в пламени. Флота, к счастью, в гавани не было. Эти события показали, как необходимо было усовершенствовать оборону Скапы против всех видов атаки, прежде чем разрешить пользоваться этой гаванью. Только почти через шесть месяцев мы могли использовать ее несравненные преимущества.

Атака на Скапа Флоу и потеря «Ройал Ока» вызвали немедленную реакцию Адмиралтейства. 30-го октября я в сопровождении Первого морского лорда отправился в Скапу для второй конференции по этим вопросам на флагманском корабле адмирала Форбса. Система обороны, на которой мы согласились, включала усиление пловучих заграждений, добавочные блокирующие суда в угрожаемых восточных каналах, а также контролируемые минные поля и другие приспособления. Эти грозные преграды должны быть усилены добавочными патрульными судами и орудиями, расположенными так, чтобы покрывать все подступы. Против воздушных атак было намечено поставить восемьдесят тяжелых и сорок легких противовоздушных орудий с многочисленными прожекторами и усилить оборону посредством заградительных воздушных шаров. На Оркнейских островах и на континенте в Вике было организовано значительное покрытие истребителями. Мы надеялись, что все эти мероприятия будут закончены или, по крайней мере, достаточно продвинуты, чтобы можно было вернуть флот в марте 1940 года. Тем временем, Скапа могла служить базой для снабжения топливом миноносцев. Но для больших судов нужно было найти другие убежища.

Эксперты расходились по вопросу о выборе других баз. Мнение Адмиралтейства было в пользу Клайда, но адмирал Форбс возражал, так как это означало бы по лишнему дню плавания к его главному району операций и обратно. Это в свою очередь потребовало бы увеличить состав его миноносцев и вынудило бы большие суда оперировать в двух подразделениях. Другой возможностью был Розит, который был нашей главной базой в последний период прошлой войны. Он был удобнее расположен географически, но был более уязвим для воздушных атак. Я резюмировал достигнутые на этой конференции решения в записке, которую я составил по возвращении в Лондон.*)

**
*

Мои отношения с Чемберленом настолько окрепли, что 13-го ноября он и миссис Чемберлен пришли обедать с нами в здании Адмиралтейства, где мы занимали комфортабельную квартиру на мансарде. Нас было четверо. Хотя при Болдвине мы были коллегами в течение пяти лет, моя жена и я никогда не встречались с Чемберленами при таких обстоятельствах. По счастливой случайности я навел разговор на его жизнь на Багамских островах, и я с удовольствием узнал, что мой гость охотно предается личным воспоминаниям в такой степени, в какой я этого раньше не замечал. Он рассказал всю, до тех пор известную мне лишь в самых общих чертах, историю его усилий выращивать сизаль (алоэ) на пустынном вест-индском островке вблизи Нассау. Его отец, великий «Джо», был твердо убежден, что это был случай одновременно развить имперскую индустрию и упрочить семей-

*) Было решено сделать главной базой Розит и провести ряд мер для его укрепления. (Примечание переводчика).

ные финансы. В 1890 году его отец и Остин вызвали его из Бирмингама в Канаду, где они долго изучали этот проект. Около сорока миль от Нассау в Караибском заливе имелся маленький пустынный, почти необитаемый остров, почва которого, как говорили, подходила для выращивания сизаля. После тщательного обследования его сыновьями, Джозеф Чемберлэн купил участок земли на острове Андросе и ассигновал капитал, необходимый для развития этой культуры. Оставалось только вырастить сизаль. Остин посвятил себя Палате общин. Поэтому эта задача выпала на долю Невиля.

Он повиновался, не только исполняя сыновний долг, но с убеждением и рвением. Следующие пять лет его жизни ушли на старания вырастить сизаль в этом пустынном месте, время от времени разрушаемом ураганами. Жил он почти нагим, борясь с трудностями в доставании рабочих рук и всякими другими препятствиями и имея в образе городка Нассау единственный просвет цивилизации. Как он нам сказал, он настоял на ежегодном трехмесячном отпуске в Англии. Он построил небольшую гавань, пристань и короткую железную дорогу или трамвай. Он использовал все виды удобрения, считавшиеся пригодными для этой почвы, и в общем вел совершенно примитивное существование на открытом воздухе. Но сизаля не было! По крайней мере, такого, который можно было бы поставлять на рынок. После шести лет он убедился, что план не может удасться. Он вернулся домой, представ пред лицом своего грозного родителя, который отнюдь не был доволен результатом. Из его рассказа я заключил, что, хотя его и нежно любили в семье, но были очень огорчены потерей пятидесяти тысяч фунтов.

Я был очарован и тем, как Чемберлэн оживал во время рассказа, и самим рассказом об его мужествен-

ных усилиях. Я думал про себя: «Как жаль, что Гитлер, когда он встречал в Берхтесгадене, Годесберге и Мюнхене трезвого английского политика с его зонтиком, не знал, что на самом деле он говорит с закаленным пионером с отдаленных окраин Британской Империи!» Это был, действительно, единственный интимный частный разговор с Невилем Чемберленом, о котором я помню за почти двадцать лет совместной работы.

Во время обеда война продолжалась, и происходили события. Вместе с супом пришел офицер из военной комнаты внизу и сообщил, что потоплена подводная лодка. Вместе со сладким он пришел опять и сообщил, что потоплена вторая подводная лодка, а когда дамы готовились оставить столовую, он пришел в третий раз сообщить, что потоплена третья. До того времени ничего подобного еще не было в один день, и должен был пройти еще год до того, как это повторилось. Когда дамы удалялись, миссис Чемберлен спросила меня с наивным и очаровательным видом: «Вы все это заранее так устроили?» Я заверил ее, что, если она придет еще раз, мы устроим такие же события.*)

Наша вытянутая в длину и разреженная линия блокады к северу от Оркнейских островов состояла главным образом из вооруженных коммерческих крейсеров с поддерживавшими их в некоторых местах военными судами. Она, без сомнения, в любой момент могла подвергнуться внезапной атаке германских линейных кораблей и, в частности, двух быстрых и наиболее мощных бронированных крейсеров «Шарнгор-

*) Увы, послевоенный анализ не подтвердил этих оптимистических сообщений.

ста» и «Гнейзенау». Мы не могли предотвратить такую атаку и надеялись принудить нападающих к решительному сражению.

К вечеру 24 ноября вооруженный коммерческий крейсер «Равалпинди», патрулировавший между Исландией и Фаройскими островами, увидел близко приближавшееся к нему неприятельское военное судно. Наш корабль принял чужестранца за карманный броненосец «Дейчланд» и сделал соответственное донесение. Командующий офицер, капитан Кеннеди, не мог иметь какие-либо иллюзии относительно исхода такой встречи. Его корабль был приспособленный пассажирский пароход с бортовым залпом из четырех старых шестидюймовых орудий, а его предполагаемый противник имел шесть одиннадцатидюймовых орудий, кроме другого мощного вооружения. Тем не менее, он принял неравный бой, решив защищать свой корабль до последней возможности. Неприятель открыл огонь на расстоянии около десяти километров, и «Равалпинди» отвечал. Такое неравное сражение не могло долго продолжаться, но оно продолжалось, пока «Равалпинди» со всеми орудиями, выведенными из действия, не превратился в горящую развалину. Он потонул после наступления темноты со своим капитаном и двумястами семьюдесятью людьми своего доблестного экипажа. Уцелели только тридцать восемь человек, из которых двадцать семь были взяты в плен, а остальные, пробыв тридцать шесть часов в ледяной воде, были подобраны британским судном.

В действительности, в бою участвовал не броненосец «Дейчланд», а линейный крейсер «Шарнгорст». Этот корабль вместе с «Гнейзенау» за два дня до этого вышел из Германии, чтобы атаковать наши атлантические конвои, но, встретив и потопив «Равалпинди» и боясь последствий того, что они были обнаружены, оба судна прервали свою миссию и вернулись

в Германию. Поэтому героическая борьба «Равалпинди» не была напрасной. Крейсер «Ньюкастль» видел оружейный огонь и, откликнувшись на первое сообщение «Равалпинди», прибыл вместе с крейсером «Дельхи» на место действия, где застал горящий корабль еще на воде. Он преследовал неприятеля и в 6 ч. 15 мин. пополудни сквозь сгущающуюся темноту и сильный дождь увидел два корабля. В одном из них он опознал бронированный крейсер, но потерял в темноте контакт, и неприятелю удалось спастись.

Надежда принудить эти два германских корабля к сражению доминировала у всех, кого это касалось, и главнокомандующий сейчас же вышел в море со всем своим флотом. Неприятель, когда его видели в последний раз, уходил на восток, и большие силы, включая подводные лодки, были быстро организованы, чтобы перехватить его в Северном море. Однако мы не могли не считаться с возможностью, что, избежавшись от преследования, неприятель мог возобновить движение на запад и войти в Атлантический океан. Мы опасались за наши конвои, и положение требовало применения всех наличных сил. Были установлены морские и воздушные патрули, чтобы наблюдать за всеми выходами из Северного моря, и могущественный отряд крейсеров продолжал это наблюдение до самых берегов Норвегии. В Атлантическом океане броненосец «Уорспайт» оставил свой конвой, чтобы обыскать Датский пролив и, ничего не найдя, обошел с севера Исландию, чтобы примкнуть к вахте на Северном море. «Худ», французский линейный крейсер «Дюнкерхен» и два французских крейсера были отправлены в исландские воды, а «Репалз» и «Фюриуз» направились по тому же назначению из Галифакса. К двадцать пятому ноября четырнадцать английских крейсеров вместе с миноносцами и подводными лодками и с поддержкой броненосцев «прочесывали»

Северное море. Но судьба нам не благоприятствовала. Ничего не было найдено, как и не было признаков движения неприятеля на запад. Несмотря на очень суровую погоду, усердные поиски продолжались в течение семи дней.

На пятый день, когда мы в Адмиралтействе напряженно ждали и все еще лелеяли надежду, что мы не упустим эту великолепную добычу, наши наблюдательные станции сообщили, что они слышат подводную лодку. Из этого мы заключили, что была произведена атака на один из наших кораблей в Северном море. Вскоре германское радио заявило, что капитан Прин, потопивший «Ройал Ок», потопил крейсер к востоку от Шетландских островов. Я был вместе с адмиралом Паундом, когда пришло это известие. Британское общественное мнение чрезвычайно чувствительно к потоплению британский судов и, если потеря «Равалпинди» с его героической борьбой и гибелью стольких жизней не будет отомщена, то это будет тяжелым обвинением против Адмиралтейства. «Почему, — спросят, — такое слабое судно было подвергнуто опасности без достаточной поддержки? Неужели германские крейсера могут как им угодно рыскать даже по зоне блокады, где находятся наши главные силы? Неужели налетчики могут ускользать невинно?»

Мы дали сейчас же сигнал выяснить эту тайну. Когда мы опять сошлись через час, мы пережили несколько очень тяжелых минут. Я вспоминаю это, потому что этот момент подчеркнул сильное товарищеское чувство между нами, и также с адмиралом Томом Филипсом, который был при этом. «Я беру на себя всю ответственность», — сказал я, как это было моим долгом. «Нет, ответственность лежит на мне», — сказал Паунд. Мы в отчаянии жали друг другу руки. Как мы оба ни были закалены в войне, было невоз-

можно выдерживать такие удары без ощущения острой боли.

Но оказалось, что никто не был виноват. Через восемь часов выяснилось, что речь шла о «Норфольке» и что он не был поврежден. Он не встретил никаких подводных лодок, но сообщил, что воздушная бомба упала близко за кормой. Однако капитан Прин не был хвастуном. То, что «Норфольк» принял за бомбу, упавшую с облачного неба, было немецкой торпедой, которая немного промахнулась и взорвалась позади корабля. Наблюдая через перископ, Прин видел большой всплеск воды, скрывший от него корабль. Он погрузился, чтобы избежать ожидаемого залпа. Когда через полчаса он поднялся для нового наблюдения, видимость была слабой, и крейсера не было видно. Так возникло его сообщение. Облегчение от пережитого мучения несколько ослабило горечь известия, что «Шарнгорст» и «Гнейзенау» благополучно вернулись в Балтийское море. Теперь известно, что они прошли сквозь линию наших крейсеров, патрулировавших у норвежских берегов, 26-го ноября. Погода была туманная, и ни одна из сторон не видела другой. Современный радар обеспечил бы контакт, но тогда его еще не было. Впечатление публики было неблагоприятным для Адмиралтейства. Мы не могли сторонним людям дать почувствовать обширность морей и напряженность усилий, которые флот делал в таком количестве областей. После более чем двух месяцев войны и нескольких серьезных потерь нам нечего было показать с нашей стороны. Мы все еще не могли ответить на вопрос: «Что же делает флот?»

7.

МАГНИТНАЯ МИНА**Ноябрь и декабрь 1939 года**

В начале ноября я ездил во Францию для совещания с французскими морскими специалистами о наших совместных операциях. Адмирал Паунд и я проехали на автомобиле около сорока миль от Парижа до главной квартиры французского флота, где нас устроили в парке, расположенном вокруг старинного замка герцога де Нуай. Прежде чем мы приступили к совещанию, адмирал Дарлан объяснил мне, как во Франции регулируются дела Адмиралтейства. Он не позволяет морскому министру Кампэнки присутствовать, когда обсуждаются вопросы оперативные. Они относятся к чисто профессиональной области. Я сказал, что Первый морской лорд и я составляем единое целое. Дарлан сказал, что он это признает, но во Франции дело обстоит иначе. «Впрочем, — добавил он, — министр приедет на завтрак». Затем мы два часа занимались морскими делами, достигнув во многом взаимного согласия. К завтраку появился Кампэнки. Он знал свое место и радушно председательствовал за едой. Мой зять Дункан Сандис, который был в роли моего адъютанта, сидел рядом с Дарланом. Большую часть завтрака адмирал потратил на то, чтобы объяснить ему пределы, которыми по французской системе ограничен штатский министр. Перед отъездом я посетил

герцога в его замке. Герцог и его семья казались погруженными в меланхолию, тем не менее он показал нам свой очень красивый дом и свои сокровища искусств.

Вечером я дал в отдельном кабинете в отеле Риц небольшой обед в честь Кампэнки. Я составил себе о нем высокое мнение. Сильное впечатление производили его патриотизм, его рвение, его острый ум и больше всего его решимость победить или умереть. Я не мог мысленно не сравнивать его с адмиралом, который, ревниво оберегая свое положение, сражался на совсем другом фронте, чем мы. Паунд оценивал его так же, как я, хотя мы оба признавали все, что Дарлан сделал для французского флота. Не следует недооценивать Дарлана или неправильно понимать его побуждения. Он отождествлял себя с французским флотом, а французский флот прославлял его, как своего вождя и восстановителя. Он занимал свой пост в течение семи лет, в то время как обязанности морского министра выполнялись сменявшимися один другого призрачными министрами. Он был одержим идеей держать политиков на их месте, в качестве болтунов в Палате депутатов. Паунд и я хорошо ладили с Кампэнки. Этот крепкий корсиканец никогда не колебался и не проявлял слабости. Когда он умирал, разбитый, под гневными взорами Виши, его последние слова выражали надежду на меня. Я всегда буду считать это честью для себя.

Вот то сообщение, суммировавшее наше положение в тот момент, которое я сделал на нашем совещании.

«Сообщение Первого лорда французскому Адмиралтейству.

1. Пока только морская война началась со всей силой. Нападение подводных лодок на коммерческие суда, почти оказавшееся в 1917 году роковым, сдерживается англо-французскими морскими силами. Мы должны ожидать значитель-

ного увеличения числа германских подводных лодок (и возможно, что некоторое количество они получают взаймы от России). Это не должно вызвать страха при условии, что все наши меры против них будут приняты с максимальной быстротой и в самых широких размерах. Представители Адмиралтейства детально изложат нашу обширную программу. Но ее полное развитие будет достигнуто лишь в конце 1940 года. Тем временем необходимо закончить и ввести в строй каждое имеющееся судно для борьбы против подводных лодок.

2. Нет сомнений в эффективности асдиков, которые много лучше всего, что было известно в прошлую войну. Этот метод позволяет двум миноносцам делать то, на что в 1917-18 годах требовалось десять. Но это относится только к преследованию. Для конвоев существенно количество. Конвой в безопасности только, когда сопровождается снабженными асдиками судами. И это относится к военным судам так же, как и к коммерческим конвоям. Подводным лодкам будет нанесено поражение, когда будет обеспечено, что за любой атакой на французские или британские суда последует контратака с помощью асдиков.

Британское Адмиралтейство готово доставить и приспособить асдики на каждом французском судне, действующем против подводных лодок. Издержки невелики, и расчеты могут быть произведены позднее. Но любое французское судно, посланное в Англию для приспособления, будет обслуживаться немедленно, и мы также в каждом случае обеспечим ознакомление с методом и необходимую подготовку. Всего удобнее делать это в Портланде, родине асдиков, где имеются все приспособления. Если это желательно, мы имеем в виду снарядить пятьдесят французских судов.

3. Но мы серьезно надеемся, что французский флот увеличит число снабженных асдиками судов и с максимальной быстротой закончит всё, что может войти в действие в 1940 году. После того, как это будет налажено, через шесть месяцев, начиная с сегодняшнего дня, можно будет заняться 1941 годом. В настоящее время будем иметь в виду 1940 год и в особенности весну и лето. Шесть больших миноносцев, заложенных в 1936 и 1937 гг., будут крайне необходимы для океанских конвоев до того, как подводная война достигнет в 1940 году своей высшей точки. Кроме того, четырнадцать небольших миноносцев, частью заложенных в 1939 году, частью запроектированных теперь, будут играть неоценимую роль, не потребовав больших запросов

на рабочую силу и материалы. Итого — двадцать судов, которые могут быть готовы в 1940 году и которые, снабженные асдиками, будут важными орудиями для отражения подводного наступления 1940 года. Мы позволим себе еще упомянуть, как чрезвычайно желательные суда, шесть сторожевых минных тральщиков, заложенных в 1936 году, и двенадцать, заложенных в 1937 году, а также шестнадцать истребителей подводных лодок по программе 1938 года. Мы снабдим все эти суда асдиками и всеми нужными приспособлениями. Мы будем их снаряжать, как только они будут готовы, как если бы это было во время сражения. Мы, однако, не можем придавать этим небольшим судам такое же значение, как вышеупомянутым большим и средним миносцам.

4. Не следует забывать, что результатом поражения подводных лодок будет полное господство союзных флотов над всеми океанами мира, возможность для могущественных нейтральных стран прийти к нам на помощь, а также получение ресурсов из всех частей Французской и Британской империй и сохранение торговли, доставляющей богатство, необходимое для продолжения войны.

5. В британском Адмиралтействе мы провели резкую линию между большими кораблями, которые могут быть закончены в 1940 году, и кораблями более поздней закладки. В частности, мы прилагаем все усилия, чтобы закончить броненосцы «Георг V» и «Принц Уэльский» в этом году, если возможно, к осени. Это необходимо, потому что появление «Бисмарка» до того, как оба эти судна будут готовы, будет величайшим несчастьем, так как его нельзя будет ни захватить, ни уничтожить, и он сможет свободно плавать по океану, расстраивая все сообщения. Но и Франция имеет такой огромной важности корабль, как «Ришелье», который может быть готов осенью 1940 года или даже раньше, и который, без сомнения, будет необходим, если два новых итальянских судна будут закончены в 1940 году к тем срокам, которые, по итальянским заявлениям, были намечены. Не иметь эти три линейных корабля в действии до конца 1940 года было бы чрезвычайно серьезной ошибкой морской стратегии и могло бы повлечь за собой крайне неприятные последствия не только морские, но и дипломатические. Мы надеемся поэтому, что все усилия будут приложены к тому, чтобы закончить «Ришелье» как можно раньше.

Что касается последующих линейных кораблей британского и французского флотов, то о них лучше будет гово-

рить в следующем апреле или мае, когда мы будем яснее видеть ход и характер войны.

6. Британское Адмиралтейство выражает свою благодарность французским коллегам и товарищам за то замечательное содействие, которое они с начала войны оказывали общему делу. Это содействие шло гораздо дальше обещаний и соглашений, заключенных до войны. Эскортируя домой конвой от Сьерра Леоне, французские крейсера и миноносцы сыграли роль, которая иначе не могла быть выполнена и невыполнение которой означало бы уничтожение большего количества торговых судов. Крейсера и контрминоносцы, включая «Дюнкерхен», которые прикрывали прибытие конвоев на западных путях, были в то время единственным средством отразить германские рейдера. Удержание французских подводных лодок вблизи Тринидада было в высшей степени желательной услугой. И, более всего, те два миноносца, которые непрерывно эскортируют проходящие и уходящие конвои между Гибралтаром и Брестом, являются существенным облегчением наших ресурсов, которые, хотя обширны и постоянно возрастают, но находятся в полном напряжении.

Наконец, мы чрезвычайно признательны за предоставление авианосцу «Аргусу» возможности тренировать пилотов британской морской авиации в благоприятных условиях средиземноморского климата.

7. Обращаясь к более общей перспективе войны: тот факт, что неприятель не имеет боевой линии, позволил нам широко рассеять наши морские силы по океанам, и мы имеем семь или восемь охотничьих групп, к которым присоединились две французских, и каждая из которых в состоянии поймать и уничтожить такое судно, как «Дейчланд». Мы крейсируем теперь в Северном Атлантическом, Южном Атлантическом и Индийском океанах. Результатом было то, что неприятельские рейдеры предпочли не наносить потерь конвоям, как мы с уверенностью ожидали до войны. Тот факт, что наверняка одно, а, может быть, два судна типа «Дейчланд» в течение нескольких недель находились на главных путях торгового мореплавания в Атлантическом океане, ничего не достигнув, позволяет нам спокойнее относиться к этому виду атак, который раньше считался крайне опасным. Мы не можем исключить возможность их возобновления в более энергичной форме. Британское Адмиралтейство не видит возражений против того, чтобы большие суда, целесообразно группированные, плавали во всю

ширь по океанам, где нет опасности воздушных атак, осуществляя действительное и наглядное господство Союзников над простором вод.

8. В скором времени мы должны будем заняться перевозкой во Францию передовых частей канадских и австралийских войск. Для этого целесообразно расположить на большом протяжении наши охотничьи группы. Будет также необходимо сопровождать броненосцами многие из наиболее крупных конвоев, переплывающих Атлантический океан. Мы намерены, несмотря на суровую погоду, постоянно поддерживать северную блокаду от Гренландии до Шотландии. Для этой блокады будут употреблены двадцать пять вооруженных торговых судов, усиленных четырьмя крейсерами по 10.000 тонн и с восьмидюймовыми орудиями. За ними все время будут находиться главные боевые силы британского флота, и именно новейшие броненосцы — либо «Худ», либо другой из крупных кораблей, этого будет совершенно достаточно, чтобы вызвать на бой или преследовать «Шарнгорста» и «Гнейзенау», если они сделают попытку прорваться. Имея в виду ситуацию на Балтийском море, мы не считаем вероятным, чтобы эти суда получили такое задание. Тем не менее, мы постоянно держим наготове силы, необходимые, чтобы с ними справиться.

Мы надеемся, что, если оба союзных флота будут продолжать эту стратегию, то у Италии не будет искушения вступить в войну против нас, и способность сопротивления Германии будет наверняка сломлена.

Французское Адмиралтейство ответило, что оно торопит окончание постройки упомянутых судов и что оно с благодарностью принимает предложение дать ему асдики. Не только «Ришелье» будет закончен в июле 1940 года, но осенью будет закончен и «Жан Барт».

**

В середине ноября адмирал Паунд представил мне проект восстановления минных заграждений между Шотландией и Норвегией, как они были в 1917-18 гг. организованы британским и американским Адмирал-

тействами. Я не любил такого чисто оборонительного вида войны, который пытается компенсировать материальными средствами активные действия большого масштаба. Но постепенно мое воображение иссякло, и я примирился. 19-го ноября я представил проект Военному кабинету:

«СЕВЕРНЫЙ БАРРАЖ

Меморандум Первого лорда Адмиралтейства.

После тщательного рассмотрения я представляю моим коллегам настоящий проект. Нет сомнения, что его осуществление очень существенно затруднит выход и возвращение домой подводных лодок и надводных рейдеров. Это можно считать предусмотрительной мерой против усиления подводной войны и гарантией против выступления России на стороне неприятеля. Этим мы запрем и будем держать под полным контролем все подступы как к Балтийскому, так и к Северному морям. Сущность таких наступательных минных полей в том, что при постоянной бдительности превосходных морских сил неприятель будет лишен возможности очистить проходы через них. Когда это будет осуществлено, мы будем чувствовать себя на морях за этим ограждением гораздо свободнее, чем теперь. Их постепенное, но неуклонное усиление будет известно неприятелю и будет действовать угнетающе на его мораль. Издержки, к сожалению, должны быть велики, но казначейство уже подготовило значительные кредиты, а северный барраж является лучшей формой применения этого способа ведения войны (то есть, минирования)».

Это было высоко компетентной рекомендацией, и именно такие предложения без труда проходят в серьезном и дальновидном Кабинете. Проект был, однако, сметен событиями, но уже после того, как было затрачено очень много денег. Позднее минные заграждения были искусно применены для других задач.

**
*

Вскоре возникла новая грозная опасность для нашего существования. В сентябре и октябре около дю-

жины торговых судов были потоплены при входе в наши гавани, несмотря на то, что проводились тщательные поиски мин. Адмиралтейство сразу заподозрило применение магнитных мин. Для нас они не были новостью; в небольшом масштабе мы даже сами начали их применять к концу прошлой войны. В 1936 году особая комиссия в Адмиралтействе разрабатывала меры против магнетически направляемых снарядов, но она занималась, главным образом, мерами против магнитных торпед или мин, плавающих на поверхности. Тогда еще не было полностью осознано, какие страшные потери могут нанести лежащие на дне мины, заложенные на значительной глубине с морских судов или аэропланов. Не имея образчиков такой мины, нельзя было изобрести и средств против нее. В сентябре и октябре потери от мин, главным образом, союзных и нейтральных судов достигли пятидесяти шести тысяч тонн, и это дало Гитлеру смелость сделать в ноябре туманный намек на его новое «секретное оружие», против которого нет защиты. Однажды вечером, когда я был в Чартвелле, адмирал Паунд приехал ко мне серьезно встревоженный. Шесть судов были потоплены на пути к Темзе. Каждый день в британские гавани входили и из них выходили сотни судов, и от их движения зависело наше существование. Вполне возможно, что гитлеровские эксперты сказали, что эта форма атаки обречет нас на гибель. К счастью, он начал в небольшом масштабе, с ограниченными резервами и производительной способностью.

Судьба благоприятствовала нам и более непосредственно. 22-го ноября между 9 и 10 часами вечера был замечен немецкий аэроплан, который сбросил в море около Шубюринеса большой предмет, прикрепленный к парашюту. В этом месте берег опоясан большим пространством ила, который во время прибоя

закрывается водой, и сразу было очевидно, что чем бы ни был сброшенный предмет, его можно будет осмотреть, а, может быть, и вытащить, когда спадет вода. Для нас это было настоящее счастье. В ту же самую ночь, еще до полуночи, в Адмиралтейство были вызваны два высоко квалифицированных офицера, помощники капитана Уври и Льюис с корабля «Вернон», который был в то же время учреждением нашего флота, занимавшимся разработкой подводного оружия. Первый морской лорд и я расспрашивали этих офицеров и выслушали их планы. В половине второго они уже ехали на автомобиле в Саусэнд, чтобы сделать рискованную попытку вытащить сброшенный предмет. 23-го ноября, еще до восхода солнца, в полной темноте и, пользуясь только сигнальной лампой, они обнаружили мину, лежавшую, примерно, на четырехста пятьдесят метров ниже высшего пункта прибоа, но так как вода еще подымалась, они могли только ее осмотреть и подготовить меры, чтобы заняться ею после следующего прибоа.

Опасная операция началась вскоре после полудня. К тому времени было обнаружено, что в иле вблизи от первой лежала еще одна мина. Уври и старший унтер-офицер Болдвин занялись первой миной, а Льюис и старший матрос Вернкомб держались на безопасном расстоянии на случай катастрофы. После каждой заранее условленной операции Уври сигнализировал Льюису, так, чтобы то, что было установлено, могло быть применено для разоружения второй мины. В конце концов и для первой мины потребовались соединенные усилия, и их умение и преданность долгу были щедро вознаграждены. В тот же вечер Уври и его спутники прибыли в Адмиралтейство, чтобы сообщить, что мина была вытащена в полной сохранности и находится на пути в Портсмут для детального обследования. Я принял их с энтузиазмом.

Затем я собрал в самой большой комнате восемьдесят или сто офицеров и чиновников и попросил Уври все рассказать возбужденной аудитории, глубоко со знававшей всю важность происшедшего. С этого момента менялось все положение. Знания, добытые предыдущей исследовательской работой, могли быть немедленно применены, чтобы выработать практические меры борьбы против особых свойств данной мины.

Теперь нашли себе применение вся мощь и все знания нашего флота, и прошло немного времени, как эксперименты и испытания начали давать практические результаты. Контр-адмиралу Уэк-Уокеру было поручено координировать все практические меры, требуемые обстоятельствами. Мы сразу работали во всех направлениях, во-первых, вырабатывая активные средства атаковать мины новыми методами выметания мин и их взрывания, а, во-вторых, пассивными средствами защиты судов от возможных мин в неочищенных или недостаточно очищенных каналах. Для этой второй цели была выработана в высшей степени эффективная система демагнетизирования судов, опоясывания их электрическим кабелем. Это получило название «дегаусизации» и было немедленно применено к судам всех типов. Торговые суда получали такое снаряжение во всех наших более значительных портах без чувствительного замедления их плавания. В военном флоте дело было облегчено наличием высоко квалифицированного технического персонала.

**
*

Серьезные потери продолжались. 21-го ноября новый крейсер «Бельфаст» был минирован в Фортском заливе, а 4 декабря броненосец «Нельсон» был минирован, когда он входил в Лох Ю. Оба судна смогли однако дойти до верфи. В течение того же времени

два миноносца погибли, а еще два и один минный заградитель были повреждены у восточного побережья. Заслуживает внимания, что германская разведка не смогла разузнать о мерах предосторожности, скрывших повреждение «Нельсона» до тех пор, пока он не был потоплен и снова не был в действии. А между тем в Англии с самого начала об этом знали многие тысячи.

Опыт скоро вооружил нас новыми и более простыми методами «дегаусизации». Моральное действие их успеха было колоссально, но чтобы победить усилия противника, мы больше всего полагались на преданную, смелую и упорную работу вылавливателей мин и на терпеливое искусство технических специалистов, вырабатывавших и поставлявших снаряжение, которым те пользовались. С этого времени, несмотря на много тревожных периодов, мы всегда справлялись с минной опасностью, и, в конце концов, она стала уменьшаться. В день Рождества я писал премьер-министру:

25 декабря 1939 г.

«Здесь всё очень спокойно, но я думаю, что Вам будет приятно узнать, что мы достигли заметных успехов в борьбе против магнитных мин. Первые два средства, которые мы применили, чтобы их взрывать, оказались эффективными. Две мины были взорваны магнетическим выметанием и две запалами, снабженными тяжелыми катушками. Это имело место у порта А (Лох Ю), где интересующий нас инвалид («Нельсон») всё еще ждет очищения прохода, чтобы отправиться в лечебное заведение в Портсмуте. Кроме того, похоже на то, что размагничивание военных и торговых судов может быть выполнено посредством простого, быстрого и недорогого способа. Все наши лучшие приспособления близки к окончанию. В ближайшие десять дней вступят в действие аэропланы и магнитное судно — «Борд», и мы все уверены, что опасность от магнитных мин будет скоро устранена.

Мы также изучаем возможные варианты такого рода атаки, а именно мины акустические и сверхзвуковые. Трид-

цать преданных делу специалистов занимаются этими возможностями, но я еще не могу сказать, что они уже нашли средство противодействия»...

Стоит задуматься над этой стороной морской войны. Фактически значительная часть всех наших военных усилий должна была быть посвящена борьбе против мин. Большое количество материала и денег было отвлечено от других задач, и на одних минных тральщиках много тысяч людей днем и ночью рисковали своей жизнью. Максимум был достигнут в июне 1944 г., когда на этом были заняты почти шестьдесят тысяч человек. Ничто не могло ослабить рвение нашего торгового флота; его мораль росла вместе с грозным осложнением минных атак и нашими эффективными мерами против них. Тяжкий труд и неослабное мужество этих людей были нашим спасением. Мореплавание, от которого зависело наше существование, продолжалось без перерывов.

Первое впечатление от минных атак меня глубоко взволновало, и, кроме защитных мер, которые мы были вынуждены принимать, я искал средств для возмездия. Посещение мною накануне войны Рейна сосредоточило мое воображение на этой замечательной и величайшей важности артерии. Уже в сентябре я поднял в Адмиралтействе вопрос о пускании в Рейн речных мин по воде или с воздуха. В виду того, что этой рекой пользуются для судоходства многие нейтральные страны, мы, конечно, могли предпринять это только в том случае и после того, как немцы возьмут на себя инициативу ведения против нас войны такими неразборчивыми средствами. Теперь, когда они стали это делать, мне представлялось, что надлежащим ответом на потопление минами без всякого разбора су-

дов при входе в британские гавани, были бы подобные и, по возможности, еще более эффективные атаки на Рейне.

Поэтому 17-го ноября я составил несколько записок, из которых следующая дает наиболее точное представление о моем плане.

«Контролеру (и другим).

1. В качестве меры возмездия может оказаться необходимым пустить в Рейн большое количество пловучих мин. Это легко может быть сделано в любом пункте между Страсбургом и Лаутером, где левым берегом является французская территория. Генерал Гамелэн очень заинтересовался этой идеей и просил меня разработать ее для него.

2. Представим себе ясно объект, который имеется в виду. По Рейну проходит огромное количество очень больших барж, и он является главной артерией германской торговли и жизни. Эти баржи, построенные только для речного плавания, не имеют ни двойных килей, ни подразделений посредством переборок. Проверить эти детали нетрудно. Кроме того, имеются, по меньшей мере, двенадцать составленных из судов мостов, недавно проложенных через Рейн, от которых зависят немецкие армии, сосредоточенные в районе Саарбрюкен-Люксембург.

3. Поэтому требуются небольшие мины, может быть, не больше футбольного мяча. Быстрота течения самое большее около семи миль в час, а в обыкновенное время три или четыре, но это очень легко проверить. Поэтому мина должна иметь часовой механизм, который делает ее опасной, лишь когда она пройдет известное расстояние, так чтобы она отошла от французской территории и несла разрушение дальше вниз по Рейну до слияния с Мозелем и еще дальше. Мина должна автоматически потонуть или, еще лучше, взорваться до того, как она достигнет голландской территории. Пройдя известное расстояние, которое может варьироваться, мина должна взрываться от легкого соприкосновения. Было бы хорошо, если бы сверх того мина, если выйдет на берег, могла через некоторое время взорваться, что, наверное, вызвало бы тревогу на том или другом немецком берегу.

4. Необходимо, кроме того, чтобы мина плыла на достаточном расстоянии под поверхностью, чтобы ее не было видно, когда вода вздувается. Следует спроектировать гид-

ростатический клапан, приводимый в действие небольшим цилиндром со сжатым воздухом. Я не делал расчетов, но предполагал бы, что сорок восемь часов были бы максимальным временем для действия мины. Другим средством было бы пускать в реку очень большое количество камуфляжных шаров — оловянных оболочек, которые вызывали бы замешательство и истощение противодействующих средств.

5. Что они могут предпринять против этого? Очевидно, через реку будут положены сети. Но эти сети будут прованы плывущими по течению обломками, и, за исключением границы, они создадут большие трудности для судоходства. Во всяком случае, когда наша мина их коснется, она взорвется и образует в сетях большую дыру. После дюжины и больше таких взрывов проход будет снова свободен, и другие мины будут проходить через него. Для разрыва сетей можно было бы пользоваться особыми большими минами. Я не могу себе представить других способов защиты, но, может быть, они придут в голову офицерам, которым поручено изучение проблемы.

6. Наконец, поскольку будет применяться очень большое количество таких мин и процедура в течение месяцев будет проводиться ночь за ночью, чтобы сделать невозможным пользование водным путем, необходимо думать об упрощении, которое требуется для массового производства».

Военному кабинету план понравился. Его члены считали правильным и справедливым, что, раз немцы пользуются магнитными минами, чтобы подстергать и разрушать все, союзные или нейтральные суда, входящие в британские порты, то мы должны в ответ парализовать, насколько мы сможем, все их обширное судоходство на Рейне. Были получены необходимые разрешения и приоритеты, и работа началась полным ходом. Вместе с воздушным министерством мы вырабатывали план минировать Рурскую часть Рейна, сбрасывая мины с аэропланов. Я поручил всё дело контр-адмиралу Фицджеральду, служившему под начальством Первого морского лорда. Этот блестящий офицер, погибший позднее, командуя атлантическим кон-

воем, внес огромный личный вклад во всё дело. Технические проблемы были решены. Было обеспечено достаточное снабжение минами, и несколько сот наших матросов и морских солдат были организованы для применения их, когда для этого настанет время. Всё это происходило в ноябре, и мы не могли быть готовы до марта. И в мирное время и на войне всегда приятно, когда ваша сторона получает какое-нибудь подкрепление.

8.

СРАЖЕНИЕ У РИО ДЕ ЛА ПЛАТА

Хотя мы несли больше всего потерь и больше всего рисковали вследствие подводных лодок, атаки надводных рейдеров на наше океанское судоходство, если бы они могли продолжаться, были бы еще более грозной опасностью. Три германских карманных броненосца, разрешенных Версальским договором, были сооружены с дальновидным намерением сделать их истребителями коммерческого судоходства. Их шесть 11-дюймовых орудий, скорость в 26 узлов и их броня были мастерски втиснуты в пределы водоизмещения в десять тысяч тонн. Ни один британский крейсер не мог с ними тягаться. Германские крейсера с 8-дюймовыми орудиями были более современны, чем наши, и применение их в качестве рейдеров также было огромной угрозой. Кроме того, неприятель мог пользоваться закамуфлированными, тяжело вооруженными торговыми судами. Мы живо помнили опустошения, произведенные в 1914 году «Эмденом» и «Кенигсбергом», и как они вынудили нас сосредоточить не меньше тридцати военных и вооруженных торговых судов, чтобы их уничтожить.

До начала войны были слухи и сообщения о том, что, по меньшей мере, один карманный броненосец уже отбыл из Германии. Флот нашей метрополии производил поиски, но ничего не нашел. Теперь мы знаем, что и «Дейчланд» и «Адмирал граф Шпее» отплы-

ли из Германии между 21 и 24 августа и, миновав опасную зону, вышли в океан еще до того, как мы организовали нашу блокаду и северные патрули. 3-го сентября «Дейчланд», пройдя через датские проливы, подстерегала вблизи Гренландии. «Граф Шпее» незамеченным пересек североатлантический торговый путь и был уже далеко на юг от Азорских островов. Каждого сопровождало вспомогательное судно, чтобы пополнять топливные и другие запасы. Оба сначала бездействовали, потерявшись в просторах океана. Пока они не наносили ударов, они не имели добычи. Пока они не наносили ударов, они были вне опасности. Отданные германским Адмиралтейством 4-го августа приказания были хорошо задуманы.

«ЗАДАЧИ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ»

Всеми возможными средствами расстраивать и разрушать неприятельское торговое судоходство... Вступать в бой с морскими силами неприятеля, даже более слабыми, следует лишь в том случае, если это способствует главной задаче.

Частые перемены местонахождения в районе операций будут создавать неуверенность и ограничивать торговое судоходство неприятеля, даже если не будет осязаемых результатов. Временный отход в более отдаленные области также будет усиливать неуверенность неприятеля. Если неприятель будет защищать свое судоходство превосходными силами, так что прямые успехи будут невозможны, самый факт такого ограничения судоходства будет означать, что мы значительно ухудшили условия его снабжения. Ценные результаты также будут достигнуты, если карманные броненосцы будут продолжать находиться в районе конвоев».

Британское Адмиралтейство грустно согласилось бы со всеми этими разумными соображениями.

30 сентября «Граф Шпее» потопил около Пернамбуку пlyingший вне конвоя британский пассажирский

пароход «Клемент», в 5 тысяч тонн водоизмещения. Известие это взбудоражило Адмиралтейство. Это был сигнал, которого мы ждали. Немедленно были организованы несколько охотничьих групп, состоявших из всех имевшихся в распоряжении авианосцев, поддерживаемых броненосцами, линейными крейсерами и крейсерами. Каждая группа из двух или более судов считалась достаточной, чтобы поймать и уничтожить карманный броненосец.

Всего в течение следующих месяцев поиски двух рейдеров заняли формацию из девяти охотничьих групп, составленных из двадцати трех могущественных судов. Мы также были вынуждены выделить три броненосца и два крейсера, как добавочный эскорт для более значительных североатлантических конвоев. Это потребовало очень сурового ограничения наших домашнего и средиземноморского флотов, у которых пришлось взять двенадцать судов самых мощных типов, включая три авианосца. Действуя от баз, широко раскинутых по Атлантическому и Индийскому океанам, эти охотничьи группы покрывали главные области, через которые шло наше судоходство. Чтобы атаковать наши торговые суда, неприятель должен был находиться в пределах досягаемости, по меньшей мере, одной из групп. Чтобы дать представление о размерах этих операций, я прилагаю полный состав охотничьих групп в момент их максимальной силы.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТНИЧЬИХ ГРУПП — 31 ОКТЯБРЯ 1939 Г.

<u>Группа</u>	<u>Состав</u>		<u>Район действия</u>
	Броненосцы и линейные крейсера	Крейсера	Авианосцы
Ф		«Бервик» «Йорк»	Северная Америка и Вест-Индия
Джи		«Кумберленд» «Экзетер» «Аякс» «Ахиллес»	Восточное побережье Южной Америки
Эйч		«Суссекс» «Шропшайр»	Мыс Доброй Надежды
Ай		«Корнуэлл» «Дорсетшайр»	«Игл» Цейлон
Джей	«Малайя»		«Глориуз» Аденский залив
К	«Реноун»		«Арк Ройал» Пернамбуко-Фритоун
Л	«Репалз»		«Фюриуз» Атлантические конвои
Икс		Два французских крейсера типа «Гермес»	Пернамбуко-Дакар
Игрек	«Страсбург»	«Нептун» Один французский крейсер	Пернамбуко-Дакар

Кроме того, броненосцы «Ривендж», «Резолюшон», «Уорспайт» и крейсера «Эмеральд» и «Энтрепрайз», как дополнительный эскорт для североатлантических конвоев.

В это время главной целью американских правительств было держать войну как можно дальше от их берегов. 3-го октября собравшиеся в Панаме делегаты двадцати одной американской республики решили провозгласить зону американской безопасности, предлагая установить пояс от трехсот до шестисот миль от их берегов, внутри которого не должны иметь место никакие военные действия. Мы хотели содействовать нераспространению войны на американские воды — до известной степени это было нам фактически выгодно. Поэтому я поспешил известить президента Рузвельта, что, если Америка будет просить всех участников войны соблюдать такую зону, то мы немедленно заявим о своей готовности исполнить это пожелание — сохраняя, конечно, наши права согласно международному праву. Мы не будем возражать, как бы далеко на юг ни простиралась эта зона при условии, что она будет эффективно охраняться. Для нас было бы очень трудно признать зону безопасности, охраняемую каким-либо слабым нейтральным государством. Но если это возьмет на себя флот Соединенных Штатов, у нас не будет опасений. Чем больше военных судов Соединенных Штатов будут крейсировать вдоль южно-американского побережья, тем будет приятнее для нас, так как немецкий рейдер, за которым мы охотимся, может быть, предпочтет тогда уйти из американских вод на южно-американский торговый маршрут, где мы готовы с ним расправиться. Но если надводный рейдер будет оперировать из американской зоны или искать в ней убежище, то мы должны ожидать или того, что мы будем защищены, или что нам будет разрешено самим защищать себя от вреда, который он может принести.

В тот момент мы еще точно не знали о потоплении около Мыса Доброй Надежды трех судов между 5 и 10 октября. Все три плыли самостоятельно. Изве-

ствий о бедствии получено не было, и подозрения возникли лишь, когда они во-время не прибыли. Прошло еще некоторое время до того, как можно было заключить, что они стали жертвами рейдера.

Неизбежная разбросанность наших сил беспокоила меня и других, в особенности, поскольку наш главный флот укрывался на западном побережье Англии.

«Первому морскому лорду и заместителю начальника
морского штаба.

21 октября, 39.

Появление «Шеера» около Пернамбуко, а затем тайна его передвижений и почему он не атакует торговые суда, ставят вопрос — не хотят ли немцы вызвать широкое рассеяние наших добавочных судов и, если так, то почему? Как заметил Первый морской лорд, более естественно было бы, если бы они хотели концентрации наших судов в английских водах, чтобы иметь мишени для воздушных атак. Кроме того: как могли они предвидеть, в какой мере мы будем реагировать на слух, что «Шеер» находится в южной части Атлантического океана? Все это представляется довольно бесцельным, но немцы не такой народ, чтобы делать что-либо без основания. Убеждены ли Вы, что это был «Шеер», а не выдумка или подделка?

Я вижу, что германское радио хвастается, что они выгоняют наш флот из Северного моря. В данный момент это менее лживо, чем большинство их утверждений. Поэтому на восточном побережье может возникнуть опасность от надводных судов. Нельзя ли расположить флотилии наших подводных лодок далеко в море поперек вероятной линии неприятельского продвижения? Им, может быть, будет нужен миноносец, чтобы делать для них разведку. Они должны быть далеко от линии сторожевых тральщиков. Вполне возможно, что что-то произойдет теперь, когда мы, чтобы выиграть время, отступили на известное расстояние.

Я меньше всего склонен возбуждать «боязнь вторжения», против которой я так неуклонно боролся в ранний период 1914-15 гг. Всё же, может быть, начальникам штабов следовало бы подумать, что случится, если, например, двадцать тысяч человек будут перевезены и высадятся, скажем, в Гарвиче или Вебборн Хуке, где глубокая вода доходит до берега. Эти двадцать тысяч могут сделать обучение массо-

вых контингентов Хор-Белиши гораздо более реалистичным, чем это можно ожидать теперь. Длинные темные ночи будут способствовать таким планам. Сделало ли военное министерство какие-либо приготовления на такой случай? Вспомним, каково в настоящее время наше положение в Северном море. Я не считаю это вероятным, но возможно ли это физически?»

**

«Дейчланд», которая должна была беспокоить наши жизненные линии сообщения через северо-западную часть Атлантического океана, истолковала полученные инструкции с разумной осторожностью. За два с половиной месяца ее крейсирования она ни разу не приблизилась к конвою. Ее упорные старания ускользнуть от британских сил помешали ей уничтожить больше двух судов, из которых одно было небольшим норвежским кораблем. Третий корабль, американский «Сити оф Флинт», с грузом для Англии, был захвачен, но, в конце концов, отпущен немцами из одного норвежского порта. В начале ноября «Дейчланд» проскользнула назад в Германию, еще раз пройдя через арктические воды. Однако, одно присутствие этого могущественного корабля около нашего главного торгового пути, создавало, что и было намерением, серьезное напряжение для наших эскортов и охотничьих групп в северной части Атлантического океана. Мы бы фактически предпочли ее активность воплощаемой ею туманной угрозе.

«Граф Шпее» проявил больше смелости и воображения и скоро был в центре внимания в южной части Атлантического океана. В этой обширной области могущественные союзные силы вступили в действие в середине октября. Одна группа состояла из авианосца «Арк Ройал» и линейного крейсера «Ренаун», действовавших от Фритоуна в связи с французской группой из

двух тяжелых крейсеров и британского авианосца «Гермес», базировавшихся на Дакаре. У Мыса Доброй Надежды были два тяжелых крейсера «Суссекс» и «Шропшайр», а у восточного берега Южной Америки, прикрывая важные сообщения с Рио де ла Плата и Рио де Жанейро, рыскала группа коммодора Харвуда, включавшая крейсера «Кумберленд», «Экзетер», «Аякс» и «Ахиллес». «Ахиллес» был новозеландским судном с экипажем, главным образом, из новозеландцев.

Тактика «Графа Шпее» состояла в том, чтобы появиться на короткое время в каком-нибудь пункте, расправиться с жертвой и снова исчезнуть без следа в пустынях океана. После его второго появления дальше на юг от дороги вокруг Мыса Доброй Надежды, во время которого он потопил только одно судно, почти в течение одного месяца не было больше никаких признаков его деятельности. За это время наши охотничьи группы производили розыски на большое расстояние во всех направлениях, и особая бдительность была предписана в Индийском океане. Это, действительно, было его назначение, и 15-го октября он потопил небольшой британский танкер в Мозамбикском канале между Мадагаскаром и континентом. Обнаружив, таким образом, свое присутствие в Индийском океане, чтобы отвлечь в этом направлении погоню, его капитан Лансгдорф, — быстро повернул назад и, держась далеко на юг от Мыса Доброй Надежды, вернулся в Атлантический океан. Этот маневр не был непредвиденным, но наши планы его перехватить были расстроены быстротой его ухода. Адмиралтейству было отнюдь не ясно, скитается ли один корабль или два, и усилия делались как в Индийском, так и в Атлантическом океане. Мы также думали, что это был не «Шпее», а тождественный с ним «Шеер». Несоответствие между силой противника и мерами, которые мы были вынуждены предпринимать, было очень досад-

ным. Оно напомнило мне тревожные недели в декабре 1914 года перед операциями у Корнеля, а потом у Фалкландских островов, когда мы должны были в семи или восьми различных пунктах в Тихом океане и южной части Атлантического быть готовым к прибытию адмирала фон Шпее с прежним изданием «Шарнгорста» и «Гнейзенау». Прошло четверть века, но та же самая задача стояла перед нами. Для нас было прямо облегчением узнать, что «Шпее» снова появился на дороге Мыс Доброй Надежды-Фритоун, потопив еще два судна 2-го и одно — 7-го декабря.

С самого начала войны специальной заботой и обязанностью коммодора Харвуда было охранять наше судоходство между Рио де ла Плата и Рио де Жанейро. Он был убежден, что «Шпее» рано или поздно придет к Плата, где его ожидала самая богатая добыча. Харвуд тщательно продумал тактику, которую он применит при встрече. Все вместе его крейсера «Кумберленд» и «Экзетер» с 8-дюймовыми и «Аякс» и «Ахиллес» с 6-дюймовыми орудиями могли не только поймать, но и потопить «Шпее». Однако потребность в топливе и ремонтах делала мало вероятным, что все четыре будут налицо «в тот день». Если нет, исход будет сомнительным. Услышав, что 2-го декабря была потоплена «Дорик Стар», Харвуд сделал правильное предположение. Хотя «Шпее» был на расстоянии более трех тысяч миль, Харвуд считал, что он направится к Плата. Удачно и с толком он рассчитал, что «Шпее» может прибыть 13-го. Он приказал всем силам, находившимся в его распоряжении, сконцентрироваться у Плата 12-го декабря. К сожалению, «Кумберленд» ремонтировался у Фалкландских островов, но «Экзетер», «Аякс» и «Ахиллес» были утром 13-го в центре судоходных до-

рог около устья реки. И действительно в 6.14 пополудни на востоке был замечен дым. Наступало долгожданное столкновение.

Расположив свои силы так, чтобы атаковать карманный броненосец по широко расходящимся направлениям и этим рассеять его огонь, Харвуд, находясь на «Аяксе», двинулся вперед с максимальной скоростью своей небольшой эскадры. Капитан Лангсдорф по первому взгляду думал, что имеет дело только с одним крейсером и двумя миноносцами, и также пошел полным ходом навстречу. Но через несколько минут он распознал силу своих противников и понял, что предстоит смертельный бой. Обе стороны приближались одна к другой примерно на пятьдесят миль в час. Лангсдорф имел всего одну минуту, чтобы решить, что делать. Правильной тактикой для него было бы немедленно повернуть в сторону и как можно дольше держать атакующих под ударом своих превосходных по дальности действий и весу снарядов 11-дюймовых орудий, на огонь которых британские суда сначала не могли бы отвечать. Таким образом он выиграл бы для своего беспрепятственного обстрела разницу между сложением и вычитанием скоростей. Вполне возможно, что он вывел бы из строя одного из своих врагов, прежде чем они могли открыть по нему огонь. Но он решил, наоборот, продолжать свой курс и направился на «Экзетер». Поэтому боевые действия начались почти одновременно с обеих сторон.

Тактика Харвуда обнаружила свое преимущество. 8-дюймовые залпы «Экзетера» попали в «Шпее» в самом начале сражения. Тем временем и крейсера с 6-дюймовыми орудиями также били тяжелыми ударами и с хорошим эффектом. Скоро «Экзетер» получил попадание, которое сбило башню Б, разрушило все сообщения на мосту, убило или ранило почти всех, кто на нем был, и временно сделало невозможным управление

кораблем. Но к этому времени неприятель уже не мог больше игнорировать крейсера с 6-дюймовыми орудиями, и «Шпее» направил на них свое главное вооружение, дав этим «Экзетеру» передышку в критический момент. Германский броненосец, под ударами с трех сторон, нашел британскую атаку слишком жаркой и вскоре повернул в сторону под прикрытием дымовой завесы с явным намерением дойти до Рио де ла Плата. Лангсдорфу следовало бы сделать это раньше.

После этого поворота «Шпее» еще раз атаковал «Экзетера», тяжело пораженного 11-дюймовыми снарядами. Все его передние орудия были выведены из строя. В середине корабля был большой пожар, и «Экзетер» имел сильный крен. Капитан Белл, уцелевший при взрыве на мосту, собрал около себя двух или трех офицеров в кормовой контрольной станции и держал свой корабль в действии с одной оставшейся башней, пока в 7.30 и эта башня не перестала действовать вследствие расстройства давления. Он не мог уже ничего делать. В 7.40 «Экзетер» повернул, чтобы идти на ремонт, и больше участия в сражении не принимал.

«Аякс» и «Ахиллес», уже перешедшие к преследованию, продолжали бой с величайшей энергией. «Шпее» повернул против них все свои тяжелые орудия. В 7.25 у «Аякса» были сбиты две задние башни, и «Ахиллес» также имел повреждения. Эти два легких крейсера не могли соперничать с неприятелем в силе орудий, и, убедившись, что его амуниция приходит к концу, Харвуд решил выйти из боя до наступления темноты, когда у него будет больше шансов использовать свое более легкое вооружение, а, может быть, и торпеды. Поэтому он под прикрытием дыма повернул в сторону, и неприятель за ним не последовал. Этот жаркий бой продолжался час двадцать минут. В остальную часть дня «Шпее» шел к Монтевидео, а британские крейсера мрачно следовали за ним по пятам,

лишь время от времени обмениваясь огнем. Вскоре после полуночи «Шпее» пришел в Монтевидео и залег там, чиня свои повреждения, пополняя запасы, высаживая на берег раненых, переводя персонал на немецкое торговое судно и посылая донесения Фюреру. «Аякс» и «Ахиллес» залегли вне гавани с твердым решением загнать «Шпее» до гибели, если он рискнет выйти. Тем временем, вечером 14-го, «Кумберлэнд», плывший полным ходом от Фалкландских островов, занял место чрезвычайно искалеченного «Экзетера». Прибытие этого крейсера с восьми-дюймовыми орудиями восстановило приблизительное равновесие ставшей ненадежной ситуации.

Большую часть дня 13-го я провел в военной комманде Адмиралтейства, откуда мы с величайшим волнением следили за драмой этой блестящей операции. С концом дня наша тревога не кончилась. Чемберлен в это время посещал армию во Франции. Я писал ему 17-го декабря:

17-го декабря 1939.

«Если «Шпее» вырвется, что может случиться этой ночью, мы надеемся возобновить операцию 13-го с «Кумберлэндом» с его восемью 8-дюймовыми орудиями вместо 6-дюймового «Экзетера». Теперь «Шпее» знает, что «Ренаун» и «Арк Ройал» берут горячее в Рио, так что сейчас у него наилучший шанс. «Дорсетшайр» и «Шропшайр», плывущие через океан от Мыса Доброй Надежды, находятся все еще на расстоянии один трех, другой — четырех дней. К счастью, «Кумберлэнд» был под рукой у Фалкландских островов, когда «Экзетер» был тяжело поврежден. Он получил свыше ста попаданий, одна башня была сбита, три орудия сметены, шестьдесят офицеров и матросов убиты и двадцать ранены. «Экзетер», действительно, вел один из самых блестящих и энергичных из до сих пор известных боев против превосходства дальности боя и количества металла. Все мыслимые предосторожности приняты, чтобы не дать «Шпее» ускользнуть незамеченным, и я сообщил Харвуду (он теперь адмирал и кавалер ордена Бани 2-й степени), что он может атаковать где угодно за трехмильным пределом.

Для нас однако предпочтительнее, чтобы «Шпее» был интернирован, так как это менее почетно для германского флота, чем если он будет потоплен в действии. Кроме того, сражение такого рода полно случайностей, и никогда не следует искать ненужного кровопролития.

Все канадцы благополучно прибыли сегодня утром, Их приветствовали Антони, Масси и, я уверен, большая часть населения Гринока и Глазго. Мы намерены устроить им сердечный прием. Они должны направиться в Адлершот, куда Вы, без сомнения, скоро приедете, чтобы их повидать.

Сегодня было десять воздушных атак на отдельные суда вдоль восточного побережья от Вика до Дувра. Некоторые торговые суда просто со злости обстреливались из пулеметов, и некоторые из наших моряков пострадали, находясь на палубах.

Я уверен, что Вы провели время на фронте в высшей степени интересно, и думаю, что Вы найдете, что перемена — лучший вид отдыха».

С того момента, как мы узнали, что завязалось сражение, мы сейчас же распорядились, чтобы у Монтевидео сконцентрировались большие силы, но наши охотничьи группы естественно были рассеяны, и ни одна не была хотя бы на две тысячи миль от места действия. Группа «К», включавшая «Реноун» и «Арк Ройал», заканчивала плавание, начатое за десять дней до этого у Кэптоуна, и находилась теперь в шестистах милях на восток от Пернамбуко и в двух тысячах пятистах милях от Монтевидео. Еще дальше на север крейсер «Нептун» с тремя истребителями только что отделился от французской группы «Икс» и направлялся на юг, чтобы присоединиться к группе «К». Всем было приказано направиться к Монтевидео, но сначала они должны были набрать горючего в Рио. Однако нам удалось создать впечатление, что они уже оставили Рио и со скоростью в тридцать узлов приближались к Монтевидео. По другую сторону океана группа «Эйч» возвращалась к Мысу Доброй Надежды после продолжительного плавания вдоль африканского по-

бережья. В Кэптоуне мог быть немедленно использован только «Дорсетшайр», которому было приказано немедленно присоединиться к отряду адмирала Харвуда, но ему нужно было сделать более четырех тысяч миль. Позднее за ним последовал «Шропшайр». Кроме этого, чтобы сторожить возможное бегство «Шпее» на восток, группа «Ай», состоявшая из «Корнуэлла», «Глочестера» и авианосца «Игл», находившаяся в тогдашней остиндской стоянке в Дурбане, была предоставлена в распоряжение главнокомандующего южно-атлантического флота.

**
*

Тем временем капитан Лангсдорф телеграфировал 16 декабря германскому Адмиралтейству:

«Стратегическое положение у Монтевидео. Кроме крейсеров и истребителей «Реноун» и «Арк Ройал». Ночью строгая блокада; бегство в открытое море и прорыв в наши воды безнадежны... Прошу решения, потопить ли судно, несмотря на недостаточную глубину залива у Плата, или предпочесть интернирование».

На совещании под председательством Фюрера и в присутствии Рэдера и Иодля было решено дать следующий ответ:

«Пытайтесь всеми средствами продлить пребывание в нейтральных водах. Если возможно, пробейтесь к Буэнос-Айресу. Не интернироваться в Уругвае. Если судно будет потоплено, постарайтесь основательно разрушить».

Это распоряжение было подтверждено германским верховным командованием, когда позднее германский посланник в Монтевидео сообщил, что дальнейшие попытки продлить семидесятидвухчасовое ограничение стоянки были бесплодны.

Соответственно этому, 17 декабря, после полудня более семисот человек с багажом и провиантом были

перевезены со «Шпее» на находившееся в гавани торговое судно. Вскоре затем адмирал Харвуд узнал, что «Шпее» подымает якорь. На глазах у необозримой толпы он в 6.15 вышел из гавани и медленно направился в море, жадно ожидаемый британскими крейсерами. В 8.54, когда солнце заходило, аэроплан с «Аякса» сообщил: «Граф Шпее» себя взорвал». «Реноун» и «Арк Ройал» все еще были за тысячу миль.

Лангсдорф был убит гибелью своего корабля. Хотя он получил полномочия от своего правительства, он писал 16 декабря:

«Я могу только своей смертью доказать, что боевые силы Третьей Империи готовы умирать за честь флага. Я один несу ответственность за потопление карманного броненосца «Адмирал граф Шпее». Я счастлив, что могу заплатить своей жизнью за какой-либо урон для чести флага. Я следую своей судьбе с верой в дело и в будущее нашей нации и моего Фюрера».

В эту ночь он застрелился.

Так закончилась первая угроза британскому торговому мореплаванию на океанах. Ни один рейдер не показывался до весны 1940 года, когда началась новая кампания, пользовавшаяся переоборудованными торговыми судами. Они могли легче избежать открытия, но, с другой стороны, чтобы с ними справиться, нужны были менее значительные силы, чем для уничтожения карманного броненосца.

Как только прибыло известие о гибели «Шпее», я стал торопиться привести домой наши широко рассеянные охотничьи группы. Но «Альтмарк», вспомогательный корабль при «Шпее», все еще оставался в море, и мы думали, что на нем находятся экипажи девяти потопленных рейдером кораблей.

«Первому морскому лорду

17 декабря 39 г.

Теперь, когда Южный Атлантический океан за исключением «Альтмарка» фактически очищен, представляется чрезвычайно важным привести домой «Реноун» и «Арк Ройал» вместе, по меньшей мере, с одним крейсером с восьмидюймовыми орудиями. Это очень облегчит нам конвоирование, даст возможность производить ремонты и давать отпуска. Мне нравится Ваш план, чтобы два небольших судна встали завтра на якорь во внутренней гавани Монтевидео, но думаю, что было бы неправильно направить так далеко на юг группу «К». Кроме того возможно, что так много военных судов не будут допущены в одно и то же время. Будет очень целесообразно, если «Нептун», как Вы предлагаете, сменит «Аякса» сейчас же после его триумфального входа (в гавань Монтевидео), и было бы очень хорошо, чтобы все возвращающиеся силы на их пути домой обыскали южный Атлантический океан, чтобы найти «Альтмарк». Я считаю, что мы должны вернуть домой все, кроме безусловно необходимого. Северный патруль будет постоянно нуждаться в двух, а еще лучше в трех сменах от Клайда, пока мы там находимся. Я согласен с капитаном Теннентом, что германское Адмиралтейство будет крайне заинтересовано в том, чтобы что-либо сделать для восстановления своего престижа.

Может быть, Вы сообщите мне Ваше мнение по этим вопросам».

Я был также очень озабочен «Экзетером» и не мог согласиться на сделанное мне предложение до конца войны оставить его на Фалкландских островах без ремонта.

«Первому морскому лорду, Контролеру и другим

17 декабря 39 г.

Этот предварительный доклад о повреждениях «Экзетера» показывает, какому колоссальному огню он был подвергнут и с какой твердостью он боролся. То, что он был в состоянии так долго выдерживать такой жестокий обстрел, делает также честь отделу строительства. Об этом нужно как можно скорее рассказать, опустив нежелательные подробности (то есть то, что не должен знать неприятель).

Что предлагается в смысле ремонта? Что можно сделать на Фалкландских островах? Я предполагаю, что он будет

достаточно подправлен, чтобы вернуться домой для длительной перестройки».

«Первому морскому лорду, Отделу строительства,
Контролеру. 23 декабря 39 г.

Мы не можем так легко согласиться на то, чтобы на время войны оставить «Экзетер» без ремонта. Он должен быть, насколько возможно, усилен и подперт изнутри и должен передать всю свою амуницию или большую часть ее какому-нибудь торговому судну или тендеру. Может быть, его можно частью заполнить бочками или пустыми нефтяными цилиндрами и с уменьшенным экипажем доставить под эскортом в Средиземное море или в один из наших доков. Если тогда окажется, что с ним ничего нельзя сделать, с него нужно будет снять все годные орудия и приспособления, которые могут быть переданы для строящихся новых судов.

Это только показывает мою общую точку зрения. Может быть, Вы сообщите мне, как она может быть практически осуществлена».

«Контролеру и Первому морскому лорду 29 декабря 39 г.

Я не видел ответа на телеграмму контр-адмирала из Южной Америки о том, что не стоит ремонтировать «Экзетер», которую я комментировал в противоположном смысле. Как теперь обстоит дело? Я слышал от Вас, что мы все согласны с тем, что судно должно вернуться домой и быть основательно отремонтировано, и что на это не потребуется так много времени, как думал контр-адмирал.

Что же теперь будет с «Экзетером»? Как он будет приведен домой, в каком состоянии и когда? Мы не можем его оставить у Фалкландских островов, где он или будет в опасности или будет находиться под охраной какого-нибудь ценного корабля. Я хотел бы знать, что предполагается».

Моя точка зрения возобладала. «Экзетер» благополучно вернулся домой. Мне выпала честь в Плимутской гавани на его раздробленной палубе воздать должное его храбрым офицерам и матросам. Он был сохранен для более чем двух лет выдающейся службы, пока в 1942 г. не погиб от японских орудий в проигранном нами сражении в Зундском проливе.

Результаты операции у Плата вызвали большую радость британской нации и подняли наш престиж во всем мире. Зрелище трех сравнительно небольших судов, без колебания атаковавших и принудивших к бою своего гораздо сильнее вооруженного и бронированного противника, всюду вызывало восхищение. Оно представлялось контрастом несчастного эпизода со спасением «Гебена» в Отрантском проливе в августе 1914 года. Чтобы быть справедливым к адмиралу в том эпизоде, надо вспомнить, что все суда commodore Харвуда были быстрее «Шпее», а в 1914 году все, за одним исключением, суда эскадры адмирала Трубриджа были медленнее «Гебена». Тем не менее впечатление было радостным и было лучом света в ту угнетающе унылую зиму, которую мы тогда переживали.

В то время Советское правительство было нами недовольно, и комментарий в «Красном флоте» от 31-го декабря 1939 года является образцом его отчетов:

«Никто не решится утверждать, что гибель германского броненосца была блестящей победой британского флота. Это была скорее беспримерная в истории демонстрация английского бессилия. Утром 13-го декабря броненосец завязал артиллерийскую дуэль с «Экзетером» и в пять минут заставил этот крейсер выйти из боя. По последним сведениям, «Экзетер» на пути домой потонул у аргентинского побережья».

**
*

23 декабря американские республики заявили Англии, Франции и Германии формальный протест по поводу операции у Рио де ла Плата, утверждая, что она была нарушением американской зоны безопасности. К тому же случилось так, что почти одновременно два немецких коммерческих корабля были перехвачены нашими крейсерами вблизи берегов Соединенных Штатов. Один из них, океанский пароход «Колумб» в трид-

цать две тысячи тонн, был потоплен, и оставшиеся в живых были спасены американским крейсером; другой спасся в территориальных водах Флориды. Президент Рузвельт неохотно жаловался на эти неприятности вблизи берегов Западного полушария. В своем ответе я воспользовался случаем подчеркнуть выгоды, которые наша операция у Плата доставила всем южноамериканским республикам: Их торговля страдала от действий германского рейдера, их порты были использованы снабжающими его судами и как центры информации. По законам войны, рейдер имел право захватывать в Южном Атлантическом океане все торгующие с нами суда или топить их, приняв меры для спасения экипажей. Это приносило большой ущерб американским, в особенности аргентинским интересам. Южноамериканские республики должны приветствовать операцию у Плата, как освобождение от этого вреда. Теперь весь Южный Атлантический океан был свободен и, может быть, сможет остаться свободным от военных операций. Южноамериканские государства должны высоко ценить это облегчение, практически на долгое время дающее им возможность иметь выгоды зоны безопасности не в триста, а в три тысячи миль.

Я не мог не добавить, что Королевский флот несет тяжелое бремя, чтобы обеспечить уважение к международному праву на морях. Присутствие даже одного рейдера в Северном Атлантическом океане сделало необходимым употребить половину нашего боевого флота для надежной охраны мировой торговли. Неограниченная закладка магнитных мин увеличила бремя наших флотилий и небольших судов. Если мы не выдержим этого напряжения, южноамериканские порты скоро будут иметь гораздо худшие неприятности, чем слушать в течение одного дня отдаленную морскую канонаду, а через совсем короткое время Со-

единенные Штаты также будут иметь более непосредственные заботы. Поэтому я считал себя вправе просить, чтобы бремя, которое мы несем в этот критический период, было полностью принято во внимание, и чтобы было дано наиболее благоприятное истолкование операции, которая была неизбежной, если нужно, чтобы война закончилась в не слишком долгое время и так, как это должно быть.

9.

СКАНДИНАВИЯ, ФИНЛЯНДИЯ

Полуостров, в тысячу миль длиной, простирающийся от входа в Балтийское море до северного полярного круга, имел огромное стратегическое значение. Норвежские горы проникают в океан, образуя непрерывную бахрому островов. Между этими островами и материком находится коридор территориальных вод, через который Германия к досадному ущербу для нашей блокады могла сообщаться с внешними морями. Германская военная промышленность была базирована, главным образом, на шведской железной руде, которая летом шла из шведского порта Луллеа на севере Ботнического залива, а зимой, когда этот залив замерзал, через Нарвик на западном побережье Норвегии. Не трогать коридора — значило позволить этому движению грузов продолжаться под покровом нейтралитета, несмотря на наше морское превосходство. Штаб Адмиралтейства был очень озабочен этим важным преимуществом для Германии, и я, как только представилась возможность, поднял этот вопрос в Кабинете.

Я помнил, что в прошлую войну британское и американское правительства не считали недопустимым минировать эти прикрытые воды. Большой минный барраж, который в 1917-18 гг. был заложен через Северное море от Шотландии до Норвегии, не мог бы быть вполне действительным, если бы германским су-

дам и подводным лодкам, чтобы остаться целыми, было бы достаточно проскользнуть вокруг конца этого барража. Я однако установил, что ни один из союзных флотов не заложил минных полей в норвежских территориальных водах. Их адмиралы жаловались, что барраж, на который было затрачено огромное количество труда и денег, не будет действительным, если коридор не будет закрыт, и союзные правительства оказали сильнейшее давление на Норвегию, чтобы она сама его закрыла. Заложить огромный барраж потребовало много времени и, когда он был закончен, уже не было сомнений в том, как закончится война и в том, что у Германии больше уже нет сил, чтобы занять Скандинавию. Но убедить Норвегию удалось только к концу сентября 1918 г., а война закончилась до того, как Норвегия осуществила взятую на себя задачу.

Когда позднее, в апреле 1940 г. я излагал этот вопрос в Палате общин, я сказал:

«В прошлую войну, когда мы были в союзе с Соединенными Штатами, союзники так сильно чувствовали вред этого прикрытого пути, которым в особенности пользовались подводные лодки для выхода на их разбойничьи экспедиции, что британские, французские и американские правительства совместно побудили Норвегию заложить минное поле в ее территориальных водах поперек прикрытого пути, чтобы не допустить использование этого прохода подводными лодками. Вполне естественно, что как только началась война, Адмиралтейство должно было обратить внимание Правительства Его Величества на этот современный и очень солидный прецедент — хотя полного тождества нет, и имеются некоторые различия. Адмиралтейство должно было настаивать на том, чтобы ему было разрешено заложить в норвежских территориальных водах наше собственное минное поле и тем заставить судоходство в Германию и из Германии выходить в открытое море и рисковать тем, что суда будут взяты в контроль над контрабандой или захвачены как добыча нашими проводящими блокаду эскадрами и флотилиями. Было только естественно и правиль-

но, что Правительство Его Величества долго колебалось, чтобы не подвергнуть себя упреку хотя бы в техническом нарушении международного права».

Ему, действительно, понадобилось много времени, чтобы принять решение.

Сначала мой доклад был встречен сочувственно. Наличие такой опасности произвела глубокое впечатление на всех моих коллег. Но строгое соблюдение нейтралитета небольших государств было правилом поведения, которому мы все повиновались.

«Первый лорд Первому морскому лорду и другим.

19 сентября 39 г.

Сегодня утром я обратил внимание Кабинета на важность остановить норвежскую перевозку шведской руды из Нарвика, которая начнется как только Ботнический залив покроется льдом. Я указал на то, что в 1918 г. мы заложили минное поле в трехмильной полосе норвежских территориальных вод в согласии и в сотрудничестве с Соединенными Штатами. Я предложил, чтобы мы очень скоро повторили эту акцию. (Это было, как объяснено выше, не точно, и мне скоро на это указали). Кабинет, включая министра иностранных дел, отнесся, видимо, очень сочувственно к идее такой акции. Поэтому необходимо сделать все нужное для ее подготовки.

1. Прежде всего надо закончить переговоры с норвежцами о фрахтовании их тоннажа.

2. Министерство торговли должно договориться с Швецией о покупке нами упомянутой руды, потому что мы меньше всего хотим ссориться с Швецией.

3. Нужно ознакомить министерство иностранных дел с нашими предложениями; надо представить вместе с обоснованием тщательное изложение англо-американской акции 1918 года.

4. Сама операция должна быть разработана соответствующим персоналом Адмиралтейства. Министерство экономической войны должно быть информировано, поскольку и когда это необходимо.

Прошу держать меня постоянно в курсе подготовки плана, в высшей степени важного для парализования вражеской военной индустрии.

Дальнейшее решение Кабинета будет необходимо, когда все будет подготовлено».

29-го, по предложению моих коллег и после тщательного обсуждения всего вопроса в Адмиралтействе, я составил для Кабинета докладную записку по этому вопросу и по связанному с ним вопросу о фрахтовании нейтральных судов.

НОРВЕГИЯ И ШВЕЦИЯ

«Меморандум Первого лорда Адмиралтейства

29 сентября 1939 г.

Фрахтование норвежского тоннажа.

1. Норвежская делегация скоро прибудет, и министр торговли надеется через несколько дней заключить с ней соглашение, по которому мы зафрахтуем весь их свободный тоннаж, состоящий главным образом из танкеров. Адмиралтейство считает зафрахтование этого тоннажа чрезвычайно важным, и лорд Чатфильд писал, усиленно настаивая на этом.

Снабжение Германии железной рудой из Нарвика.

2. Нормально Ботнический залив замерзает к концу ноября, так что шведская железная руда может отправляться в Германию только через Окселозунд на Балтийском море или через Нарвик на севере Норвегии. Окселозунд может экспортировать только около одной пятой того количества шведской руды, в котором Германия нуждается. Нормально зимние поставки идут через Нарвик, откуда суда могут спускаться вдоль западного побережья Норвегии и совершать весь путь до Германии, до Скагеррака, не оставляя территориальных вод.

Нужно иметь в виду, что достаточное снабжение шведской рудой совершенно необходимо для Германии и что ее способность сопротивления будет значительно ослаблена, если в зимние месяцы эти поставки из Нарвика будут перехватываться или станут невозможными. В течение первых трех недель войны суда с железной рудой не выходили из Нарвика вследствие нежелания экипажей и других, не зависящих от нас, обстоятельств. Если это удовлетворительное положение вещей продолжится, со стороны Адмиралтейства не потребуется никакой особой акции. Кроме того, с шведским правительством ведутся переговоры, которые

сами по себе могут существенно сократить поставки Германии скандинавской руды.

Но если возобновится отправка из Нарвика в Германию, будут необходимы более решительные меры.

Отношения с Швецией.

3. Наши отношения с Швецией требуют тщательного обсуждения. Германия действует на Швецию угрозами. Наши морские силы дают и нам могущественное оружие, которое, если необходимо, мы должны использовать, чтобы ограничить шведские поставки. Тем не менее, как часть изложенной во 2-м параграфе политики, следует предложить помочь шведам, насколько возможно сбывать их руду в обмен на наш уголь. А если это окажется недостаточным, возмещать им, хотя бы отчасти, другими средствами. Это — ближайший шаг.

Фрахтование и страховка всего доступного нейтрального тоннажа

4. Указанные соображения приводят к более широкому предложению. Не следует ли нам фрахтованием или другим путем обеспечить себе распоряжение не только норвежским, но и всем свободным нейтральным судоходством, и этим дать союзным державам возможность регулировать большую часть всего мирового морского транспорта или выгодно перифрахтовать ее тем, кто будут действовать согласно с нашими желаниями?

И не следует ли предоставить выгоды нашей системы конвоев нейтральному судоходству, не находящемуся в нашем прямом распоряжении?

Успехи, достигнутые до сих пор Королевским флотом против подводных лодок, оправдывают, по мнению Адмиралтейства, принятие этой последней политики. Это означало бы, что мы предоставляем надежное конвоирование всем судам всех стран, проходящим по нашим морским путям, при условии, что они соблюдают наши правила о контрабанде и выплачивают необходимые премии в иностранных девидах. Они, таким образом, смогли бы посредством договора избавиться от военного риска, а по мере успеха нашей кампании против подводных лодок мы можем надеяться на прибыль, которая возместит большие издержки на эту кампанию. Таким образом, не только наши или находящиеся в нашем распоряжении, но и независимые нейтральные суда будут пользоваться британским покровительством или полу-

чать возмещение убытков, понесенных вследствие несчастных случаев. Адмиралтейство не думает, что это нам не по силам. Если бы такая система фрахтования и страхования нейтрального судоходства была в силе с начала прошлой войны, вряд ли можно сомневаться, что это оказалось бы очень прибыльным предприятием. В настоящей войне это может заложить основу для Лиги свободных морских наций, к которой было бы выгодно принадлежать.

5. Мы просим поэтому Кабинет, если он в принципе одобрит эти четыре основных предложения, передать вопрос различным соответствующим ведомствам, чтобы были выработаны детальные планы для быстрого действия».

Прежде чем передать этот меморандум Кабинету и поднять там вопрос, я обратился к штабу Адмиралтейства для тщательного пересмотра всего положения.

«Первый лорд заместителю начальника морского штаба.

29.IX.39

Пожалуйста, созовите снова на завтра утром, пока заседает Кабинет, ту конференцию о железной руде, которую мы имели во вторник, чтобы рассмотреть приготовленный мною проект. Мне не имеет смысла предлагать Кабинету решительные меры против нейтральной страны, если результаты не имеют первостепенного значения.

Мне говорили, что едва ли какие-либо германские или шведские суда пытаются перевозить руду от Нарвика на юг. А также, что немцы по морю свозили руду в Оксело-зунд и будут поэтому в состоянии доставлять в зимние месяцы большие количества по Балтийскому морю и через Кильский канал в Рурскую область. Правильны ли эти утверждения? Будет очень неприятно, если я буду добиваться минирования норвежских территориальных вод и получу ответ, что это не достигнет цели.

2. В то же время, в случае, если перевозка руды вдоль западного берега Норвегии, действительно, настолько важный фактор, что стоит сделать усилие, чтобы его остановить, в каком пункте вы хотели бы его остановить?

Пожалуйста, обследуйте детально побережье и сообщите мне этот пункт. Очевидно, он, во всяком случае, должен быть севернее Бергена, чтобы оставить южную часть западного норвежского побережья открытой для судоходства из Норвегии или из Балтийского моря в норвежских конвоях через море к нам. Все это должно быть больше

разработано, прежде чем я поставлю вопрос в Кабинете. Я не буду пытаться это сделать до понедельника или вторника».

Когда в Адмиралтействе все было договорено и согласовано, я во второй раз поставил вопрос в Кабинете. Снова там было общее согласие о необходимости таких мер, но я не смог получить разрешение действовать. Аргументы министерства иностранных дел имели большой вес, и я не мог их преодолеть. Как будет видно дальше, я продолжал добиваться своего всякими средствами и при каждой оказии. Однако, решение, которого я добивался в сентябре 1939 г., было принято только в апреле 1940 г. Но тогда было уже слишком поздно.

**
*

Как мы теперь знаем, почти в тот же самый момент Германия направила свои взгляды в том же направлении. 3-го октября начальник морского штаба адмирал Рэдер представил Гитлеру предложение, озаглавленное «Получение баз в Норвегии». Он просил, «чтобы Фюрер возможно скорее ознакомился с мнением военно-морского штаба о возможностях распространения оперативной базы на север. Следует выяснить, возможно ли посредством совместного давления России и Германии получить в Норвегии базы, чтобы улучшить наше стратегическое и оперативное положение». Вслед за тем он составил ряд записок, которые он представил Гитлеру 10-го октября. Как он позднее писал:

«В этих записках я подчеркивал те невыгоды, которые имела бы для нас оккупация Норвегии англичанами: контроль над подступами к Балтийскому морю, обход с фланга наших морских операций и наших воздушных атак на Англию, прекращение нашего давления на Швецию. Я подчеркивал также выгоды занятия нами норвежского побережья: выход в Северный Атлантический океан, невозможность такого английского минного барража, как в 1917-18 гг... Фюрер

сразу увидел значение норвежской проблемы: он просил меня оставить у него мои записки и сказал, что хочет сам обдумать весь вопрос.»

Взгляды адмирала разделял Розенберг, специалист нацистской партии по внешней политике и глава особого бюро, ведавшего пропагандой в других странах. Розенберг мечтал «побудить Норвегию присоединиться к нацистской идее «Северного сообщества», охватывающего под естественным руководством Германии все северные народы. Уже в начале 1939 г. он думал, что он открыл в Норвегии орудие для этого в виде экстремистской националистической партии, возглавляемой бывшим норвежским военным министром по имени Видкун Квислинг. Между ними был установлен контакт, и через посредство организации Розенберга и германского морского атташе в Осло деятельность Квислинга была согласована с планами германского морского штаба.

14-го декабря Квислинг и его помощник Хагелин приехали в Берлин, и Рэдер привел их к Гитлеру, чтобы говорить о политическом перевороте в Норвегии. Квислинг прибыл с детальным планом. Гитлер, заботясь о сохранении своих планов в секрете, притворился, что он не склонен расширять свои задачи, и сказал, что он предпочитает нейтральную Скандинавию. Тем не менее, согласно Рэдеру, он в этот самый день приказал верховному командованию готовить норвежскую операцию.

Обо всем этом мы, конечно, ничего не знали. Мысль двух Адмиралтейств работала в одном и том же направлении правильной стратегии, и одно из них добилося решения своего правительства.

**
*

Тем временем скандинавский полуостров стал ареной неожиданного конфликта, который вызвал

большое возбуждение в Англии и Франции и очень сильно повлиял на дискуссии о Норвегии. Как только Германия была вовлечена в войну с Великобританией и Францией, Советская Россия, верная духу своего договора с Германией, приступила к тому, чтобы блокировать западные пути в Советский Союз. Один проход вел из Восточной Пруссии через балтийские страны; другой вел по водам Финского залива; третий путь вел через всю Финляндию и подводил через Карельский перешеек к тому пункту, где финская граница находилась всего в двадцати милях от предместий Ленинграда. Советы не забыли опасности, которой Ленинград подвергся в 1919 г. Даже белое русское правительство Колчака осведомило мирную конференцию в Париже, что базы на Балтийском море и в Финляндии необходимы для защиты русской столицы. Летом 1939 г. Сталин говорил тем же языком с британской и французской миссиями, и мы видели в первой части, как естественные опасения малых государств были препятствием для англо-французского союза с Россией и расчистили почву для соглашения Молотова-Риббентропа.

Сталин не терял времени. 24-го сентября эстонский министр иностранных дел был вызван в Москву, и через четыре дня его правительство подписало договор о взаимной поддержке, давший России право держать гарнизоны в ключевых базах Эстонии. К 21-ому октября красная армия и авиация обосновались в Эстонии. Одновременно та же процедура была применена к Латвии, и советские гарнизоны появились также в Литве. Таким образом, южная дорога на Ленинград и половина Финского залива были быстро заграждены советскими вооруженными силами против возможных германских воцелений. Оставался только подступ через Финляндию.

В начале октября Паасикиви, один из финских государственных людей, подписавших в 1921 г. мирный договор с Советским Союзом, прибыл в Москву. Советские требования шли далеко: финская граница на Карельском перешейке должна быть отодвинута на значительное расстояние, так, чтобы Ленинград был вне досягаемости для вражеской артиллерии. Кроме этого, Советы требовали уступки нескольких финских островов в Финском заливе, передачи в аренду Рыбацкого полуострова с единственным финским незамерзающим портом на Северном море Петсамо и лежащего при входе в Финский залив порта Ханго в качестве русской морской и воздушной базы. Финны были готовы сделать уступки по всем пунктам, кроме последнего. Они считали, что с передачей в русские руки ключей к Финскому заливу Финляндия потеряет свою стратегическую и национальную безопасность. Переговоры оборвались 13-го ноября, и финское правительство начало мобилизовать и усиливать свои войска на карельской границе. 28-го ноября Молотов денонсировал русско-финляндский договор о ненападении. А еще через два дня русские войска атаковали в восьми местах на тысячемильной финляндской границе, и в то же утро красные аэропланы бомбардировали столицу Финляндии Хельсинки.

Главный удар русской атаки был сначала направлен против финских пограничных укреплений на Карельском перешейке. Это была укрепленная зона около двадцати миль в глубину, и на севере и на юге проходившая через покрытую глубоким снегом лесистую местность. Ее называли Линией Маннергейма, по имени финского главнокомандующего, спасшего Финляндию от большевиков в 1917 году. За негодованием, которое вызвало в Англии, Франции и еще много сильнее в Соединенных Штатах это непровоцированное нападение огромного советского государства

на маленькую, энергичную и высоко культурную страну, скоро последовали изумление и чувство облегчения. Первые недели боев не дали никаких успехов советским силам, в первое время взятым почти целиком из ленинградского гарнизона. Насчитывавшая всего около двухсот тысяч бойцов финская армия показала себя с лучшей стороны. Финны смело встречали советские танки, пользуясь новым видом ручных гранат, скоро прозванных «молотовским коктейлем».

Советское правительство, вероятно, рассчитывало, что дело сведется к военной прогулке. Оно ожидало, что произведенные в самом начале, хотя и не в крупном масштабе, налеты на Хельсинки и в других местах, подействуют устрашающе. Оно применило сначала силы, численно превосходные, но низкого качества и плохо обученные. Но воздушные атаки и вторжение в их страну воодушевили финнов, поднявшихся, как один человек против агрессоров и сражавшихся с безграничной решимостью и величайшим искусством. Правда, русская дивизия, атаковавшая в направлении на Петсамо, без особого труда оттеснила находившихся там семьсот финнов, но атака на узкую часть («талию») Финляндии оказалась катастрофой для нападающих. Это — слегка холмистая местность, почти целиком состоящая из сосновых лесов и в это время была на фут покрыта снегом. Был крепкий мороз. Финны были хорошо снаряжены лыжами и теплой одеждой, у русских не было ни того ни другого. Кроме того, финны показали себя агрессивными индивидуальными бойцами, превосходно тренированными в разведке и войне в лесу. Русские тщетно рассчитывали на количество и более тяжелое вооружение. На всем протяжении фронта финские пограничные посты медленно отступали по дорогам, преследуемые русскими колоннами. Но когда те проникали миль на тридцать, они были атакованы финнами. Сдерживаемые спереди со-

оруженными в лесу защитными укреплениями, днем и ночью подвергнутые яростным атакам, с перерезанными позади них сообщениями, эти колонны были раздроблены на мелкие кусочки и в лучшем случае после больших потерь возвратились туда, откуда пришли. К концу декабря рухнул весь русский план пересечь «талию» Финляндии.

В то же время не лучше обстояло дело и с атаками на Карельском полуострове против Линии Маннергейма. К северу от Ладожского озера обходное движение, предпринятое двумя советскими дивизиями, имело ту же судьбу, что и операции в более северном районе. Массовые атаки примерно двенадцатью дивизиями против самой Линии производились с начала декабря и продолжались весь месяц. Русские воздушные бомбардировки были недостаточно сильны, танки были в большинстве легкие, и фронтальные атаки одна за другой отбивались с большими потерями и без малейших успехов. К концу года неудачи по всему фронту убедили Советское правительство, что оно имеет дело совсем не с таким противником, как оно ожидало. Оно решило сделать более значительные усилия. Убедившись, что в лесной войне они не в состоянии тяжестью численности их войск преодолеть превосходство финской тактики и тренировки, Советы решили сконцентрировать свои силы на прорыве Линии Маннергейма методами осадной войны, дающей полностью развернуться мощи массированной тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Это требовало подготовки в большом масштабе, и с конца года боевые действия замерли на всем фронте, оставив пока что финнов победителями над могущественным агрессором.

Во всем мире это неожиданное событие вызвало одинаковое удовлетворение во всех странах, воюющих и нейтральных. Для советской армии это была доволь-

но-таки плохая реклама. В Англии многие поздравляли себя с тем, что мы не слишком старались привлечь Советы на нашу сторону, и восхищались собственной дальновидностью. Делалось слишком поспешное заключение, что русская армия была погублена чисткой, и что теперь были доказаны внутренние гнилость и разложение советской правительственной системы. Такой взгляд существовал не в одной только Англии. Нет сомнения, что Гитлер и все его генералы глубоко задумались над финляндским откровением и что на мысли Фюрера оно оказало большое влияние.

Всё вызванное пактом Риббентропа-Молотова раздражение против Советского правительства теперь разлилось пламенем против такой картины brutального насилия и агрессии. К этому примешивалось презрение к беспомощности, обнаруженной советскими войсками, и восхищение доблестными финнами. Несмотря на то, что была объявлена Великая война, имелось сильное желание помочь финнам авиацией, драгоценным военным материалом, а также добровольцами из Англии, Соединенных Штатов, а еще больше из Франции. И для доставки материала и для посылки добровольцев была только одна дорога в Финляндию. Нарвик, порт железной руды, с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобрел новое, если не стратегическое, то эмоциональное значение. Но использование этого пути для снабжения финской армии затрагивало нейтралитет и Норвегии и Швеции. Оба эти государства, одинаково боявшиеся и Германии и России, хотели только оставаться в стороне от войны, которая их окружала и могла поглотить. Это представлялось им единственной возможностью выжить. Но британское правительство, имевшее естественное нежелание даже чисто технически нарушить нейтралитет норвежских территориальных вод, чтобы в собственных интересах заложить мины про-

тив Германии, теперь, под влиянием благородных чувств, лишь косвенно связанных с нашими военными проблемами, решилось на гораздо более серьезный шаг добиваться от Норвегии и Швеции пропуска людей и материалов в Финляндию.

Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения им помочь. Я приветствовал это новое и благоприятное движение ветра, как средство осуществить большое стратегическое преимущество, отрезав Германию от жизненно необходимой для нее железной руды. Если Нарвик станет своего рода союзной базой для снабжения финнов, то, конечно, будет легко помешать тому, чтобы германские суда нагружались в порту рудой и благополучно проходили в Германию через прибрежную морскую полосу. Если протесты Норвегии и Швеции будут так или иначе преодолены, то более крупные меры будут включать в себя и более мелкие. В это время Адмиралтейство следило также за движениями больших и мощных русских ледоколов, которые должны были быть отправлены в Германию — по видимости для ремонта, но гораздо вероятнее для того, чтобы открыть для германских судов с рудой замерзший теперь балтийский порт Лулеа. Поэтому я возобновил мои старания получить согласие на простую и бескровную операцию минирования прибрежной полосы, для чего имелся прецедент в прошлую войну. Поскольку вопрос подымал моральные проблемы, я считал правильным изложить его в окончательной форме, что я и сделал после долгого размышления и обсуждения.

НОРВЕГИЯ — ТРАНСПОРТИРОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ РУДЫ

Записка Первого лорда Адмиралтейства

16.XII.39

1. Эффективная приостановка норвежских поставок руды в Германию относится к важным наступательным военным операциям. В течение многих предстоящих месяцев ни

одно мероприятие не даст нам таких хороших шансов сократить опустошения и разрушения военного конфликта и, может быть, предотвратить огромное кровопролитие, связанное со столкновением главных армий.

2. Операция полной остановки должна быть осуществлена, если ее выгоды перевешивают очевидные и серьезные возражения. Руда из Лулеа (на Балтийском море) уже остановлена зимним льдом и нельзя позволить советским ледоколам его проломить, если они будут это пытаться сделать. Руда из Нарвика должна быть остановлена заложением одного за другим рядов небольших минных полей в норвежских территориальных водах у двух или трех подходящих пунктов побережья. Это заставит везущие в Германию руду суда выйти из территориальных вод в открытое море, где германские суда будут захвачены, как военная добыча, а нейтральные подвергнутся нашему контролю контрабанды. Выход руды из главного свободного от льда балтийского порта Окселозунда должен быть предотвращен методами, которые не будут ни дипломатическими ни военными. Всеми этими тремя портами нужно как можно скорее заняться, пользуясь различными соответствующими способами.

3. Таким образом, это вопрос не только о том, чтобы лишить Германию одного миллиона тонн за время до мая, но и о том, чтобы отрезать все ее зимнее снабжение за исключением незначительного количества, которое может быть получено из Гавле и других мелких незамерзающих балтийских портов. Но когда лед в Ботническом заливе растает, снова станет доступным обильное снабжение из Лулеа, и Германия, несомненно, намерена не только получить всё, что можно, в течение зимы, но и забрать между 1 мая и 15 декабря 1940 года все нужные ей девять с половиной миллионов тонн или еще больше. После этого она может надеяться организовать поставки из России и быть в состоянии выдержать очень продолжительную войну.

4. Очень возможно, что, если к маю Германия будет иметь острый недостаток в руде для ее промышленности и вооружений, то главной задачей наших морских операций будет помешать, чтобы Лулеа снова стала для нее доступной. Одним из способов для этого было бы, чтобы британские подводные лодки заложили около Лулеа минное поле, включая магнитные мины. Имеются и другие возможности. Если можно отрезать Германию от всего снабжения шведской рудой от настоящего момента до конца 1940 г., то удар,

нанесенный ее способности продолжать войну, будет равносильна победе первостепенной важности на суше или с воздуха и притом без серьезных потерь. Это может немедленно иметь решающее значение.

5. В войне имеется ответ на каждый удар. Если вы стреляете в неприятеля, он ответит также стрельбой. Поэтому в высшей степени важно точно взвесить, какие ответные меры Германия может принять сама или вынудить от Норвегии и Швеции. Что касается Норвегии, то тут имеются три комбинации связанных между собой возможностей. Во-первых, немцы, ведя жестокую и не считающуюся ни с какими законами войну, нарушили нейтралитет территориальных вод Норвегии, потопив без предупреждения и без помощи экипажам несколько британских и нейтральных судов. Наш ответ на это — заложить вышеупомянутые минные поля. Высказывалось мнение, что Норвегия в виде протеста может аннулировать очень ценное соглашение, которое мы с ней заключили о фрахтовании ее танкеров и других судов. Но в этом случае она потеряет чрезвычайно выгодную для нее сделку, и вследствие нашего контроля контрабанды эти суда не будут иметь для нее никакой цены. Они будут бездействовать, а их владельцы разорятся. Принять такую меру будет не в интересах Норвегии, а интересы — это могущественный фактор. В-третьих, Норвегия может отплатить отказом поставлять нам алюминий и другие военные материалы, важные для воздушного министерства и министерства снабжений. Но от этого опять-таки пострадают ее интересы. Она не только лишится существенных прибылей, которые приносит ей эта торговля, но, отказавшись давать ей боксит и другое необходимое сырье, мы можем парализовать всю норвежскую промышленность, сконцентрированную около Осло и Бергена. Короче говоря, принимая меры против нас, Норвегия приведет себя к торговому и промышленному банкротству.

6. Симпатии Норвегии на нашей стороне, и ее будущая независимость от германского господства зависит от победы союзников. Нет оснований предполагать, что она примет против нас какую-либо из указанных мер (хотя она может ими грозить), если Германия не принудит ее к этому грубым насилием.

7. Это насилие ей придется и без того испытать, что бы мы ни делали, если Германия считает, что в ее интересах насильно подчинить своему господству Скандинавский полуостров. В этом случае война распространится на Норвегию

и Швецию, и при нашем господстве на морях нет оснований, почему французские и британские войска не должны столкнуться с германскими агрессорами на скандинавской почве. Во всяком случае мы, без сомнения, по нашему выбору можем занять и удержать какие угодно острова или подходящие пункты на норвежском побережье. Тогда наша северная блокада Германии станет абсолютной. Мы можем, например, занять Нарвик и Берген и держать их открытыми для нас и совершенно закрытыми для Германии. Нельзя слишком сильно подчеркнуть, что британский контроль норвежской береговой линии является стратегической целью первостепенной важности. Поэтому не видно, каким образом, даже если ответная акция Германии развернется полностью, наше положение будет хуже вследствие предлагаемых здесь мер. Напротив, мы больше выиграем, чем потеряем, вследствие германской атаки на Норвегию или Швецию. Этот пункт можно развить подробнее, чем это необходимо здесь.

Нет оснований, почему нам не должно удастся обеспечить себе обширные и длительные поставки железной руды из Швеции через Нарвик, в то же время лишив снабжения рудой Германию. Это должно быть нашей целью».

Я закончил следующим образом:

«8. Следует иметь в виду, какое влияние наша акция против Норвегии окажет на мировое мнение и на нашу репутацию. Мы взялись за оружие в согласии с принципами устава Лиги Наций, чтобы помочь жертвам германской агрессии. Никакое техническое нарушение международного права, поскольку оно не будет сопровождаться какой-либо жестокостью, не может лишить нас симпатий нейтральных стран. Не будет неблагоприятных последствий и в величайшей из всех нейтральных стран, в Соединенных Штатах. Мы имеем основание быть уверенными в том, что они будут рассматривать вопрос в духе, более всего рассчитанном на то, чтобы помочь нам. А у них очень большие возможности.

9. Высшей инстанцией является наша собственная совесть. Мы боремся, чтобы восстановить господство права и защитить свободу небольших стран. Наше поражение будет означать век варварского насилия и будет роковым не только для нас самих, но и для независимости каждого малого государства в Европе. Действуя во имя устава Лиги и, фактически, как уполномоченные Лиги, и за все то, что она отстаивает, мы имеем право и, более того, мы обязаны на

время пренебречь некоторыми условиями тех самых законов, которые мы хотим восстановить и укрепить. Малые нации не должны связывать нам руки, когда мы сражаемся за их права и свободу. В случае крайней необходимости буква закона не должна мешать тем, кому вручена его охрана и исполнение. Будет несправедливо и бессмысленно, если агрессивная держава будет иметь одни выгоды от попрания всех законов, используя присущие ее противникам уважение к законности. Нами должна руководить не легальность, а гуманность.

Всему этому должна быть судьей история. Сейчас мы стоим лицом к лицу с событиями».

**
*

Мой меморандум обсуждался в Кабинете 22-го декабря, и я защищал свои предложения как мог. Я не смог добиться никакого решения действовать. Допускалась возможность заявить Норвегии протест по поводу злоупотребления ее территориальными водами со стороны Германии, а начальникам штабов было поручено рассмотреть военную сторону каких-либо осложнений на скандинавской почве. Им было предложено планировать высадку в Нарвике для помощи Финляндии, а также взвесить военные последствия возможной оккупации Германией южной Норвегии. Но Адмиралтейству не были даны никакие распоряжения для действий. В записке, которую я распространил 24 декабря, я резюмировал сообщения разведки о возможных русских намерениях против Норвегии. В них говорилось, что Советы сконцентрировали у Мурманска три дивизии, подготавливающие экспедицию морским путем. «Возможно, — кончал я записку, — что этот театр станет ареной близких действий». Это оказалось только слишком верным, но — с другой стороны.

10.

МРАЧНЫЙ НОВЫЙ ГОД

Конец 1939 года застал войну все в том же зловещем забытии. Только отдельные пушечные выстрелы или разведочные патрули нарушали молчание на Западном фронте. Из-за своих все выше поднимающихся укреплений армии смотрели одна на другую через никем не оспариваемую «ничью землю». В день Рождества я писал адмиралу Паунду:

«Теперешнее положение имеет некоторое сходство с концом 1914 года. Переход от мира к войне закончен. Внешние моря — по крайней мере в данный момент — очищены от неприятельских надводных сил. Фронт во Франции неподвижен. Но, кроме того, мы отбили на море первую атаку подводных лодок, которая в прошлую войну началась только в феврале 1915 г., и мы знаем, что делать с таким новшеством, как магнитные мины. К тому же во Франции линия фронта тянется вдоль границ вместо того, чтобы шесть или семь французских департаментов и Бельгия находились во вражеских руках. Таким образом, я думаю, что сравнение теперешнего положения с 1914 годом для нас очень благоприятно. И у меня такое чувство (которое в любой момент может подвергнуться исправлению), что кайзеровская Германия была много более трудным противником, чем нацистская. Это — самое лучшее, что я в это тяжелое время могу сказать на рождественской открытке».

Я все больше убеждался в том, что операция «Катерина» не может состояться в 1940 г. 6-го января я писал Паунду:

«Отправка превосходных надводных сил в Балтийское море, хотя чрезвычайно желательна, но не необходима для захвата и удержания железных рудников. Поэтому, хотя все приготовления для отправки туда флота должны продолжаться и к этому должны быть приложены большие усилия, было бы ошибочно пытаться ее осуществить, пока мы не нашли средства продолжать ее под воздушными атаками, и еще более ошибочным ставить захват железных рудников в зависимости от отправки надводного флота. Будем с уверенностью продвигаться вперед и наблюдать, как будет выглядеть морская часть событий по мере их развития».

И снова через неделю:

«Черчилль Первому морскому лорду

15.1.40

1. Я тщательно рассмотрел все бумаги, которые Вы были так любезны мне послать в ответ на разные мои записки насчет «Катерины». Хотя и неохотно, я пришел к вполне определенному заключению, что намеченная нами осенью операция не будет осуществима в этом году. Мы еще не справились в достаточной мере с подводными лодками, минами и рейдерами, чтобы позволить себе приспособить для новых специальных задач требуемое большое количество небольших судов. Проблема, как сделать наши суда сравнительно хорошо защищенными против воздушных атак еще не решена. Пикирующие бомбардировщики еще остаются грозной опасностью. Ракетные снаряды,*) хотя они и быстро приближаются к стадии их производства, даже если все идет хорошо защищенными против воздушных атак, еще не в достаточном количестве. Мы все еще не были в состоянии дать нашим более крупным судам дополнительную броневую защиту. Политическое положение в Балтике так же запутано, как и раньше. С другой стороны, выпуск в сентябре «Бисмарка» значительно увеличивает масштаб надводного сопротивления, которое мы встретим.

2. Но вполне возможно, что война будет бушевать и в 1941 г., и никто не может предвидеть, какие возможности тогда представятся. Поэтому я хочу, чтобы вся подготовка различных боевых и вспомогательных судов, помеченных в Вашей таблице, как «полезные», насколько возможно, про-

*) Для сохранения секрета они имели тогда условное название «Оружие Ю. П.» (U. P. Weapon).

должалась; чтобы, когда суда поступают в доки для ремонта или перестройки, все делалось, чтобы они могли без замедления вернуться в строй. И, без сомнения, будет только простой предусмотрительностью, если в виду позиции России мы предупредим наших истребителей о возможности действий в зимних морях. Я рад, что в этом мы с Вами согласны».

Пока что к нам не присоединился ни один союзник. Соединенные Штаты были сдержаннее, чем когда-либо. Я упорно продолжал свою переписку с президентом Рузвельтом, но отклик был слаб. Министр финансов стонал по поводу наших тающих запасов долларов. Мы уже подписали с Турцией договор о взаимной поддержке и обсуждали, чем мы ей можем помочь из наших очень ограниченных средств. Созданное финской войной напряжение ухудшило наши и без того плохие отношения с Советами. Любая акция, которую мы предприняли бы, чтобы помочь финнам, могла привести к войне с Россией. Глубокий принципиальный антагонизм между Советским правительством и нацистской Германией не препятствовал тому, что Кремль своими поставками и услугами активно помогал росту могущества Гитлера. Коммунисты во Франции и, поскольку они существовали в Англии, изобличали «империалистическую капиталистическую войну» и делали все, что могли, чтобы саботировать работу на оборонных заводах. Они, несомненно, оказывали депрессивное и разлагающее влияние внутри французской армии, уже утомленной бездействием. Мы продолжали ублажать Италию любезностями и выгодными контрактами, но не могли чувствовать ни уверенности, ни более дружественного отношения. Граф Чиано был вежлив в обращении с нашим послом. Муссолини держался в стороне.

Однако, у итальянского диктатора были свои основания для недовольства. 3-го января он написал Гитлеру знаменательное письмо, выражая свою антипатию к соглашению Германии с Россией:

«Никто не знает лучше меня с моим сорокалетним политическим опытом, что политика — в особенности революционная политика — имеет свои тактические необходимости. Я признал Советы в 1924 г. В 1934 г. я подписал с ними договор о торговле и дружбе. Поэтому я понимаю, что в особенности в виду того, что не сбылось предсказание Риббентропа о невмешательстве Англии и Франции, Вы должны были избежать второго фронта. Вы должны были заплатить за это тем, что Россия, не сделав выстрела, обильно нажилась на войне в Польше и в Балтике.

Но я, родившись революционером и не изменив своего революционного мышления, скажу Вам, что Вы не можете постоянно жертвовать принципами Вашей революции ради тактических потребностей данного момента... Я решительно обязан добавить, что дальнейшие шаги в отношениях с Москвой будут иметь катастрофический отклик в Италии, где единодушие антибольшевистского настроения абсолютно, твердо как гранит и несокрушимо. Позвольте мне думать, что это не случится. Решение проблемы вашего «жизненного пространства» в России и нигде больше... В день, когда мы будем разрушать большевизм, мы должны быть верными обеим нашим революциям. Затем придет очередь великих демократий, которые не смогут пережить подтачивающий их рак».

**
*

6-го января я снова посетил Францию, чтобы объяснить французскому главному командованию два моих технических проекта — «Культиватор № 6» и речную мину («операция Королевская морская пехота»). Утром до моего отъезда премьер-министр вызвал меня и сказал, что он решил произвести перемену в военном министерстве и что Хор-Белиша уступит свое ме-

сто Оливеру Стэнли. Поздно вечером Хор-Белиша телефонировал мне в наше посольство в Париже и сообщил мне то, что я уже знал. Я убеждал его, но безуспешно, взять один из других постов, которые были ему предложены. В то время правительство само было в нелегком положении, и почти вся пресса страны заявила, что из состава правительства устранен самый энергичный и полный жизни человек. Его уход из военного министерства сопровождался хором газетных похвал. Парламент составляет свое мнение не по газетам; он даже часто реагирует в противоположном духе. Когда через неделю собралась Палата общин, Хор-Белиша имел лишь немного защитников и воздержался от какого-либо заявления. 10-го января я писал ему:

«Я очень сожалею, что мы так скоро перестали быть коллегами. В прошлую войну я прошел через такое же испытание, какое Вы перенесли, и я знаю, как это горько и больно для того, кто всей душой вложил в дело. Со мной не советовались о предполагаемых переменах. Я был информирован только после того, как они были решены. В то же время с моей стороны было бы неискренно не сказать Вам, что я думал, что для Вас было бы лучше взять министерство торговли или министерство информации, и я очень жалею, что Вы не сочли возможным принять первое из этих важных ведомств. Выдающимся достижением Вашего управления военным министерством было проведение воинской повинности в мирное время. Вы можете с уверенностью на это положиться, и я надеюсь, что мы скоро опять будем коллегами и что эта временная задержка не окажется серьезным препятствием для Ваших шансов служить стране».

Мне было невозможно осуществить эту надежду до тех пор, пока, после распада национальной коалиции, я не образовал в мае 1945 г. так называемое «временное правительство». Тогда Белиша стал министром государственного страхования. В промежутке он был одним из наших суровых критиков. Но я был

очень рад, что смог привлечь в правительство такого способного человека.

Финны крепко держались весь январь, и к концу месяца растущие русские армии все еще сдерживались на их позициях. Красный воздушный флот продолжал бомбардировать Хельсинки (Гельсингфорс) и Випури (Выборг), и финское правительство все громче просило аэропланов и военных материалов. По мере того как северные ночи становились короче, усиливались советские воздушные атаки не только на финские города, но и на сообщения их войск. До сих пор Финляндия получила лишь ничтожное количество военных материалов и пару тысяч добровольцев из скандинавских стран. В Лондоне было открыто в январе бюро для рекрутирования добровольцев, и было отправлено несколько десятков аэропланов, частью прямо по воздуху. Фактически не было сделано ничего сколь-нибудь существенного.

Бесконечное откладывание решения о Нарвике продолжалось. Хотя Кабинет был согласен оказать давление на Норвегию и Швецию, чтобы они пропустили помощь Финляндии, он продолжал возражать против гораздо менее серьезной операции минирования прибрежного прохода. Первое было вопросом благородства, второе — только тактики. Кроме того, каждому могло быть ясно, что Норвегия и Швеция откажутся пропускать помощь, так что из проекта все равно ничего не выйдет.

В мучительном состоянии после одного из заседаний Кабинета я писал одному из коллег:

15 января 1940

«Мое беспокойство происходит главным образом от ужасных трудностей для активной деятельности, создавае-

мых нашим аппаратом ведения войны. Я вижу такие громадные предупредительные стены, построенные или строящиеся, что не знаю, имеет ли какой-либо план шансы преодолеть их. Посмотрите только на аргументы, которые надо было преодолеть в течение семи недель нашего обсуждения нарвикской операции. Во-первых, возражения наших экономических министерств — снабжения, торговли и т. д. Во-вторых, объединенная комиссия по планированию. В-третьих, комиссия начальников штабов. В-четвертых, коварный аргумент «не портите большой план ради малого», тогда как в действительности очень мало шансов на то, что будет сделана решительная попытка осуществить большой план. В-пятых, юридические и моральные возражения, все одно за другим затасканные. В-шестых, отношение нейтральных и, прежде всего, Соединенных Штатов. Но, смотрите, как хорошо Соединенные Штаты реагировали на наш запрос! В-седьмых, сам Кабинет с его многосторонней критикой. В-восьмых, когда все было преодолено, надо советоваться с французами. Наконец, надо успокоить доминионы и их совесть, так как они не прошли через тот процесс, в результате которого сформировалось мнение у нас дома. Всё это вызывает у меня чувство, что мы при существующем порядке обречены на то, чтобы ждать ужасающих атак врага, против которых нельзя подготовиться одновременно всюду без рокового раздробления сил.

Я продвигаю два или три проекта, но боюсь, что все они станут жертвами подавляющего множества негативных аргументов и сил. Поэтому простите меня, если я обнаруживал отчаяние. Абсолютно достоверно одно, а именно, что победы никогда нельзя достичь, взяв линию наименьшего сопротивления.

Однако в данный момент вся эта история с Нарвиком отодвинута в сторону угрозой Бельгии и Голландии. Если она окажется реальной, положение нужно будет рассматривать в свете совсем новых событий... Если там завяжется большое сражение, действие на Норвегию и Швецию вполне может оказаться решающим. Даже если сражение остановится на мертвой точке, они могут почувствовать себя много более свободными, а для нас диверсия может стать еще более необходимой».

Были и другие основания для беспокойства. Процесс переключения промышленности на военное производство не подвигался с должной быстротой. 27 января, произнося речь в Манчестере, я настаивал на чрезвычайной важности увеличения нашей рабочей силы, привлечения в промышленность большого количества женщин, чтобы заменить мобилизованных мужчин и укрепить наше положение:

«Мы должны произвести значительное расширение, в особенности увеличив число тех, кто способен выполнять квалифицированную или полуквалифицированную работу. В этом мы должны особенно рассчитывать на помощь и руководство наших коллег в Рабочей партии и лидеров тред-юнионов. Я могу говорить об этом с некоторым знанием дела, так как я возглавлял прежнее министерство вооружений в самый важный период его существования. Понадобятся миллионы новых рабочих рук, и более миллиона женщин должны смело войти в нашу военную индустрию — на производство снарядов, амуниции и аэропланов. Без этого увеличения рабочей силы и не позволив британским женщинам участвовать, как они этого хотят, в борьбе, мы окажемся в крайней степени неспособными нести нашу справедливую часть бремени, которое вместе взяли на себя Франция и Англия».

Но сделано было мало, и, видимо, не было чувства крайней спешности. «Сумеречное» настроение было и в рабочих организациях и у тех, кто руководил производством, да и у тех, кто руководил военными операциями. Лишь в начале мая действительное положение было показано в неоспоримой форме в представленном Кабинету обзоре числа рабочих в машиностроительной, моторной и авиационной промышленности. Этот обзор подвергся тщательному рассмотрению в моем статистическом отделе под руководством профессора Линдемана. Несмотря на смятение и возбуждение вследствие происходившей тогда норвежской суматохи, я нашел время направить моим коллегам следующую записку:

«Записка Первого лорда Адмиралтейства.

4 мая 1940

Этот обзор показывает, что, по крайней мере, в этой основной группе мы едва начали организацию рабочей силы для производства вооружений.

В предыдущих докладах был произведен подсчет, что в первый год войны понадобится очень значительное увеличение рабочей силы, доходящее в металлообрабатывающей промышленности до 71,5% числа занятых. В действительности же машиностроение, производство моторов и авиационная промышленность, составляющие вместе три пятых металлообрабатывающей промышленности, между июнем 1939 и апрелем 1940 г. расширились только на 11,1% (122.000 занятых). Это меньше одной шестой того, что было признано необходимым. В 1936-37 г. число занятых увеличилось так же быстро без всякого вмешательства правительства, а только вследствие улучшения сбыта.

Хотя каждый год 350.000 юношей кончают школу, число мужчин моложе двадцати одного года, занятых в названных отраслях производства, увеличилось только на 25.000. Более того, доля женщин и молодежи повысилась только с 26,6 до 27,6%. В машиностроении, производстве моторов и в авиационной промышленности мы имеем теперь только одну женщину на двенадцать мужчин. В прошлую войну в металлообрабатывающей промышленности отношение повысилось от одной женщины на десять мужчин до одной на трех. В первый год прошлой войны, от июля 1914 по июнь 1915, в металлообрабатывающей индустрии число вновь поступивших рабочих составляло 20% прежнего состава. В названной группе, которую можно считать типичной для всей металлообрабатывающей промышленности, за последние месяцы число рабочих увеличилось только на 11 процентов.

Предприятия Адмиралтейства, в которых количество занятых увеличилось на 27%, здесь не учитываются, потому что нет отдельных цифр для различных видов занятости».

* *
*

19 января опасения относительно Западного фронта получили подтверждение. Германский майор из штаба 7-ой воздушной дивизии получил распоряжение доставить некоторые документы в главную квартиру

в Кельне. Чтобы сберечь время для личных удовольствий, он решил перелететь через находившуюся на пути бельгийскую территорию. Ему пришлось сделать вынужденную посадку. Бельгийская полиция его арестовала и конфисковала его бумаги, которые он отчаянно старался уничтожить. Эти документы содержали полный и подлинный план решенного Гитлером вторжения в Бельгию, Голландию и Францию. Французское и британское правительства получили копии этих документов, а германский майор был отпущен объясняться со своим начальством. Я узнал об этом в то же время, и мне казалось невероятным, чтобы бельгийцы не намеревались пригласить нас в Бельгию. Но они ничего подобного не сделали. Во всех трех странах высказывалось мнение, что это была ловушка. Но это было невозможно. Для немцев не имело никакого смысла пытаться внушить бельгийцам, что они в близком будущем будут атакованы. Это могло бы побудить бельгийцев сделать то, чего немцы меньше всего хотели, а именно сговориться с французской и британской армиями, чтобы в одну прекрасную ночь те тайно и быстро вошли в Бельгию. Поэтому я верил в предстоящие нападения. Но такие вопросы не занимали бельгийского короля, который, как и штаб его армии, только выжидали, надеясь, что все обойдется благополучно. Несмотря на документы германского майора, ни Союзники, ни угрожаемые государства ничего не предприняли. С другой стороны, Гитлер, как мы теперь знаем, вызвал к себе Геринга и, узнав, что захваченные документы, действительно, были полным планом вторжения, приказал — после того, как он излил свой гнев — приготовить новые варианты.

Таким образом с начала года было ясно, что Гитлер имел детальный план вторжения во Францию, включающий и Бельгию и Голландию. Если бы это началось в любой момент, был бы приведен в действие

план «Д» генерала Гамелэна, предусматривавший продвижение седьмой французской и британской армий. План «Д» был разработан во всех деталях, и достаточно было одного слова, чтобы привести его в действие. Этот план, хотя и не был в начале войны одобрен британскими начальниками штаба, был окончательно и формально принят в Париже 17 ноября 1939 г. Базируясь на нем, Союзники ждали предстоящей атаки, а Гитлер — времени года, подходящего для кампании, для которой погода могла быть вполне благоприятной, начиная с апреля.

В течение зимы и весны британский экспедиционный корпус был чрезвычайно занят приведением себя в порядок, укреплением занимаемой им линии фронта и подготовкой к войне, наступательной и оборонительной. Сверху донизу все усиленно работали, и то, что они в конце концов показали себя с лучшей стороны, было в значительной мере обязано тому, что были полностью использованы предствалявшиеся зимой возможности.

К концу «сумеречной войны» британская армия была гораздо лучше. Она была также многочисленнее. 42-ая и 44-ая дивизии прибыли в марте и отправились на фронт во второй половине апреля. В тот же месяц прибыли также 12-ая, 23-ья и 46-ая дивизии. Они были посланы во Францию заканчивать свое обучение и чтобы пополнить рабочую силу для необходимых работ. Им нехватало даже повседневных оружия и снаряжения и у них совсем не было артиллерии. Тем не менее, было неизбежно, что и они были вовлечены в борьбу, когда она началась, и они хорошо исполнили свой долг.

Страшным пробелом, отражавшим наши довоенные приготовления, было отсутствие в британском экспедиционном корпусе хотя бы одной танковой дивизии.

Англия, колыбель танков во всех их вариантах, за время между войнами так пренебрегала этим оружием, которому скоро было суждено господствовать на полях сражений, что восемь месяцев после объявления войны, когда наступил час испытания, наша небольшая, но хорошая армия, имела только Первую армейскую танковую бригаду, состоявшую из семнадцати легких и ста «пехотных» танков. Из последних только двадцать три имели орудия с двухфунтовыми снарядами, остальные только пулеметы. Кроме того, имелись семь кавалерийских, включая добровольческие, полков, снаряженных транспортными средствами и легкими танками; они были в процессе формирования в две легких танковых бригады. Кроме этого недостатка танков, усиление боеспособности экспедиционного корпуса было очевидным.

**
**

На французском фронте развитие было менее удовлетворительным. В большой, основанной на всеобщей службе, армии настроение народа сильно отражается и на армии, в особенности, если она расположена в родной стране и имеет тесный контакт с населением. Нельзя сказать, чтобы в 1939-40 гг. Франция перед лицом войны отличалась подъемом духа или хотя бы большой уверенностью в себе. Беспокойная внутренняя политика предыдущего десятилетия породила раздоры и недовольство. Существенные элементы в их реакции против коммунизма склонялись к фашизму, охотно слушали искусную пропаганду Геббельса, передавая ее дальше в виде сплетен и слухов. Так и в армии действовали разлагающие влияния коммунизма и фашизма. Долгие зимние месяцы ожидания дали время и возможность для внедрения отравы. Созданию здоровой морали в армии содействует много

факторов, но один из самых важных — это, чтобы солдаты были полностью заняты полезной и интересной работой. Безделье — опасная почва. Во время зимы нужно было выполнить много заданий. Тренировка требовала постоянного внимания; оборонительные сооружения были или далеко недостаточны или незакончены, даже линии Мажино не хватало большого числа дополнительных полевых укреплений; физическая готовность требует упражнения. Но люди, посещавшие французский фронт, часто поражались господствующей атмосферой спокойного равнодушия, явно плохим качеством работы, отсутствием какой-либо видимой активности. Пустота дорог позади фронта резко контрастировала с постоянным движением туда и назад на несколько миль за британским сектором. Нет сомнения, что во время зимы было допущено понижение качества французской армии, и что осенью она сражалась бы лучше, чем весной. Скоро она должна была быть ошеломлена быстротой и яростью германского нападения. Только в последнюю фазу этой короткой кампании подлинные боевые качества французского солдата высоко поднялись в защите родины против векового врага. Но тогда было уже слишком поздно.

Тем временем подвигались вперед и германские планы прямого нападения на Норвегию и молниеносного занятия Дании. 27-го января 1940 г. фельдмаршал Кайтель составил меморандум по этим вопросам:

«Фюрер и Верховный главнокомандующий вооруженных сил желает, чтобы проект «Н» дальше разрабатывался под моим непосредственным личным руководством и в самой тесной связи с общей военной политикой. Поэтому Фюрер поручил мне взять на себя руководство дальнейшими приготовлениями».

Детальное планирование этой операции продолжалось в нормальном порядке.

**
*

В начале февраля, когда премьер-министр отправлялся в Париж на заседание Верховного военного совета, он впервые пригласил меня ехать вместе с ним. Чемберлэн просил меня после обеда быть у него на Даунинг-стрит.

Всё заседание 5-го февраля было посвящено «помощи Финляндии». Был принят план приготовить три или четыре дивизии и убедить Норвегию и Швецию позволить нам посылать в Финляндию снабжение и подкрепления, а кстати получить в свое распоряжение железные рудники в Гелливаре. Как и следовало ожидать, шведы не согласились, и, хотя были сделаны обширные приготовления, из всего проекта ничего не вышло. Чемберлэн сам вел переговоры от нашего имени, и другие британские министры делали только менее важные замечания. Согласно протоколу заседания, я не промолвил ни слова.

На следующий день, когда мы возвращались через канал, произошел забавный инцидент. Мы увидели пловучую мину. Я сказал капитану: «Взорвите ее орудийным огнем». Мина взорвалась с изрядным шумом, но большой осколок подскочил вверх в направлении к нам, и один момент казалось, что он попадет на мост корабля, на котором собрались все политические люди и некоторые другие видные лица. Но осколок опустился на бак, который, к счастью, был пуст, и никто не пострадал. Таким образом все вышло очень интересно. С того времени премьер-министр приглашал меня вместе с другими на заседание Верховного военного совета. Но я не мог доставлять каждый раз такое же развлечение.

Верховный совет решил, что спасение Финляндии является вопросом первой важности; что Финляндия не может продержаться всю весну, не получив, как подкрепление, тридцать или сорок тысяч обученных солдат; что теперешний поток разношерстных добровольцев недостаточен и что разгром Финляндии будет крупным поражением Союзников. Поэтому было необходимо послать союзные войска через Петсамо или Нарвик, или другие норвежские порты. Операция через Нарвик была предпочтительнее, так как она позволила бы «убить двух птиц одним камнем» (то есть помочь Финляндии и отрезать железную руду). Две британских дивизии, предназначенные к отправке в феврале во Францию, должны были остаться в Англии и готовиться к сражениям в Норвегии. Тем временем следовало приложить все усилия, чтобы получить согласие, а, если возможно, и содействие норвежцев и шведов. Но вопрос, что делать, если, как это было вероятно, Норвегия и Швеция откажут, не был ни разу поставлен.

Бурный эпизод вдруг обострил все скандинавское положение. Читатель вспомнит, как я был озабочен тем, чтобы захватить «Альтмарк», вспомогательное судно «Адмирала Шпее». Это судно было также пловучей тюрьмой с экипажами наших потопленных торговых судов. Английские пленные, отпущенные согласно международному праву капитаном Лангсдорфом, сообщили, что на борту «Альтмарка» находятся около трехсот наших торговых моряков. Этот корабль два месяца прятался в Южном Атлантическом океане, а затем его капитан в надежде, что поиски прекратились, сделал попытку вернуться в Германию. Ему благоприятствовали удача и погода, и только 14 февраля, после того, как он прошел между Исландией и Фарос-

скими островами, корабль был обнаружен нашей авиацией в норвежских территориальных водах.

«Первый лорд Первому морскому лорду. 16.2.40

По позиции, как мне ее сообщили сегодня утром, выходит, что крейсер и истребители в течение дня должны мчаться на север вдоль норвежского побережья, не колеблясь задержать «Альтмарк», если он будет найден, в территориальных водах. Этот корабль нарушает нейтралитет, везя в Германию британских пленнх. Ведь, наверное, надо послать еще крейсер или два, чтобы обыскивать Скагеррак? Надо считать «Альтмарк» бесценным трофеем».

Согласно коммюнике Адмиралтейства, «некоторые корабли Его Величества, которые были в подходящей позиции, были отправлены в плавание». Флотилия истребителей под командой плывшего на «Коссаке» капитана Филиппа Виана перехватила «Альтмарк», но сначала не тронула его. «Альтмарк» скрылся в фиорде Иоссинг, узком заливе мили в полторы длиной, окруженном высокими покрытыми снегом скалами. Двум британским истребителям было приказано взять его на бордаж для осмотра. При выходе в фиорд они были встречены двумя норвежскими канонерками, которые сообщили, что корабль не вооружен, был осмотрен накануне и получил разрешение плыть в Германию, пользуясь норвежскими территориальными водами. Тогда наши истребители ушли.

Когда Адмиралтейство получило эту информацию, я с согласия министра иностранных дел приказал нашим судам войти в фиорд. Я не часто действовал так прямо, но на этот раз я послал капитану Виану следующий приказ:

16 февраля 1940. 5.25 пополудни

«Если норвежские канонерки не согласятся конвоировать «Альтмарк» в Берген с англо-норвежской стражей на борту и под совместным эскортом, Вы должны взять «Альтмарк» на бордаж, освободить пленнх и оставаться во вла-

дении кораблем до новых инструкций. Если норвежская канонерка вмешается, Вы должны предупредить, чтобы она оставалась в стороне. Если она откроет огонь, не отвечайте, пока атака не станет серьезной; в этом случае Вы должны защищаться, употребляя не больше силы, чем это необходимо, и прекратить огонь, когда его прекратит канонерка».

Виан сделал остальное. В ту ночь он на «Коссак» при свете рефлекторов вошел сквозь льдины в фиорд. Сначала он поднялся на борт норвежской канонерки «Кьель» и потребовал, чтобы «Альтмарк» был под совместным эскортом отведен в Берген для расследования согласно международному праву. Норвежский капитан повторил свое заявление, что «Альтмарк» был дважды осмотрен, что у него нет оружия и что британских пленным там не оказалось. Тогда Виан заявил, что он возьмет «Альтмарк» на абордаж, и пригласил норвежского капитана присоединиться. Это предложение было отклонено.

Тем временем «Альтмарк» двинулся с места и при попытке таранить «Коссака» сам сел на мель. «Коссак» проложил себе путь борт о борт с «Альтмарком», и когда корабли прижались один к другому, абордажный отряд перескочил на «Альтмарк». Произошла жаркая рукопашная, в которой четыре немца были убиты и пятеро ранены; часть экипажа сбежала на берег, остальные сдались. Начались поиски британских пленных. Сотни их были найдены запрятанными в нижней части корабля, запертыми в кладовых и даже в пустом нефтяном танке. Тогда раздался крик: «Наш флот здесь». Двери были взломаны, и пленные бросились на палубу. Всего были освобождены и переведены на наши истребители двести девяносто пять пленных. Было также установлено, что «Альтмарк» имел два автоматических орудия и четыре пулемета и что, хотя норвежцы два раза подымались на корабль, он не был обыскан. Норвежские канонерки все время были пас-

сивными свидетелями. К полночи Виан вышел из фиорда и направился к Форту.

Адмирал Паунд и я сидели вместе в военной комнате Адмиралтейства и были в некотором беспокойстве. Я оказал на министерство иностранных дел сильное давление и вполне сознавал, что принятые меры были связаны с формальными трудностями. Чтобы быть справедливым, надо вспомнить, что до этого времени немцы потопили 218.000 тонн скандинавских судов с потерей 555 скандинавских жизней. Но для страны и для Кабинета было важно, будут найдены или нет на корабле британские пленные. Мы были в восторге, когда в три часа ночи пришло известие, что триста человек были найдены и освобождены. Это было самое главное.

Предполагая, что вследствие недоедания и заключения пленные находятся в плачевном состоянии, мы отправили встретить их в порте Лейте амбулатории, врачей, прессу и фотографов. Однако оказалось, что они были вполне здоровы, на истребителях за ними хорошо смотрели, и они вышли на берег в хорошем состоянии. Поэтому об этой стороне дела ничего не было опубликовано. Освобождение пленных и поведение капитана Виана вызвали в Англии почти такую же волну энтузиазма, как после потопления «Графа Шпее». Оба эти события усилили мое положение и подняли престиж Адмиралтейства. Из уст в уста передавались слова: «Наш флот здесь»!

Надо признать все смягчающие обстоятельства для поведения норвежского правительства, которое, конечно, дрожало под угрозой германского террора и эксплуатировало нашу снисходительность. Оно резко протестовало против нашего проникновения в территориальные воды. Речь Чемберлэна в Палате общин содержала существо британского ответа:

«Согласно взглядам, выраженным профессором Кохтом (норвежским премьер-министром), норвежское правительство не видит оснований возражать против использования германским военным судном норвежских территориальных вод на протяжении сотен миль, чтобы избежать опасности быть захваченным в открытом море и чтобы доставить британских пленных в германский лагерь. Эта доктрина не согласуется с международным правом, как его понимает Правительство Его Величества. По его мнению, это легализовало бы злоупотребления нейтральными водами со стороны германских судов и создало бы положение, которое Правительство Его Величества ни при каких обстоятельствах не может допустить».

**
*

Как мы видели, Гитлер принял 14 декабря решение вторгнуться в Норвегию, и штабная работа подвигалась под руководством Кайтеля. Инцидент с «Альтмарком», без сомнения, был толчком к действию. По предложению Кайтеля, Гитлер 20 февраля спешно вызвал в Берлин генерала Фалькенгорста, который в то время командовал армейским корпусом в Кобленце. В 1918 году Фалькенгорст участвовал в германской кампании в Финляндии, и с этого начался разговор с Фюрером. На нюрнбергском процессе Фалькенгорст так описал этот разговор:

«Гитлер напомнил мне о моем финляндском опыте и сказал: «Садитесь и расскажите мне, что вы делали». Через минуту Фюрер меня прервал. Он подвел меня к покрытому картами столу. «Я имею в виду, — сказал он, — нечто подобное: оккупацию Норвегии, потому что я осведомлен, что англичане намереваются там высадиться, и я хочу быть там раньше их».

Затем, шагая взад и вперед, он изложил мне свои основания: «Занятие англичанами Норвегии было бы стратегическим обходным движением, которое привело бы их в Балтику, где у нас нет ни войск, ни береговых укреплений. Успехи, которых мы достигли на востоке и достигнем на западе, были бы сведены к нулю, потому что неприятель полу-

чил бы возможность двинуться на Берлин и сломить главную опору обоих наших фронтов. Во-вторых и в-третьих, завоевание Норвегии обеспечит нашему флоту свободу движений в Вильгельмсгафенском заливе и будет охранять наш ввоз шведской руды»... В конце он сказал: «Я назначаю вас командовать экспедицией».

В тот же день после полудня Фалькенгорст был еще раз вызван в Имперскую канцелярию, чтобы обсудить с Гитлером, Кайтелем и Иодлем детальные оперативные планы норвежской экспедиции. Величайшее значение имел вопрос приоритета. Следует ли Гитлеру связать себя в Норвегии до или после выполнения «Желтого случая» — то есть атаки на Францию? 1-го марта он принял решение: надо начать с Норвегии. Запись от 3-го марта в дневнике Иодля гласила: «Фюрер решил приступить к «Упражнению на Везере» до «Желтого случая» с промежутком в несколько дней».

**
*

Недавно начались очень неприятные воздушные атаки на наше судоходство вдоль всего побережья. Кроме направляющихся в большие порты океанских кораблей, в каждый данный день на море или в гаванях на этом побережье было около трехсот двадцати судов размерами от пятисот до двух тысяч тонн, частью занятых доставкой угля в Лондон и на юг. Только немногие из этих небольших судов были уже снабжены противовоздушными орудиями, и поэтому неприятельская авиация направила свои усилия на эту легкую добычу. Она атаковала даже пловучие маяки. Эти верные слуги моряков, прикрепленные на якорях в хорошо видимом положении вблизи мелководных мест вдоль нашего побережья, были полезны для всех, даже для разбойничающих подводных лодок, и ни в одну предыдущую войну их никто не трогал. Теперь несколь-

ке маяков были потоплены или повреждены. Хуже всего было около Хумбера, где яростная пулеметная атака убила семерых из девяти человек экипажа пловучего маяка.

Для защиты против воздушных атак система конвоев оказалась столь же действенной, как и против подводных лодок, но теперь было сделано все возможное, чтобы найти какое-либо оружие для каждого судна. При скудости противовоздушных орудий были пущены в ход всякого рода приспособления. Раз даже спасательная ракета сбила воздушного бандита. Запасные пулеметы военного флота вместе с морскими пулеметчиками были распределены между британскими и союзными торговыми судами на восточном побережье. Люди и оружие переходили от судна к судну для каждого плавания через опасную зону. В конце февраля армия была в состоянии помочь, и это положило начало организации, позднее получившей название Морской королевской артиллерии. Когда в 1944 г. война была в полном разгаре, в этих операциях участвовали тридцать восемь тысяч офицеров и солдат из регулярных сил, в том числе четырнадцать тысяч из армии. Для значительных участков пути конвоев вдоль восточного побережья скоро можно было по вызову с ближайших аэродромов иметь поддержку воздушных истребителей. Таким образом были комбинированы действия всех трех видов вооруженных сил. Потери налетчиков все увеличивались. Стрельба в обычно беззащитное судоходство всех стран оказалась стоящим дороже, чем этого ожидали, и количество атак уменьшилось.

На горизонте не все было темно. На внешних морях после гибели «Графа Шпее» не было признаков активности рейдеров, и изгнание германского судоходства с морей продолжалось. В феврале шесть германских судов вышли из Испании, чтобы попытаться вер-

нуться в Германию. Это удалось только одному. Из остальных три были захвачены, одно само себя потопило и одно осталось в поврежденном состоянии в Норвегии. Семь других германских судов, пытавшихся прорваться через блокаду, были перехвачены нашими патрулями в феврале и в марте. Все, кроме одного, были потоплены их капитанами. К началу апреля 1940 г. Германия потеряла захваченными и потопленными в общей сложности семьдесят одно судно с общим водоизмещением в триста сорок тысяч тонн, а двести пятнадцать германских судов все еще оставались в нейтральных портах. Открыв, что наши торговые суда вооружены, подводные лодки перешли от орудий к торпедам. Следующий шаг вниз вел от торпеды к самой низкой форме ведения войны — минированию без объявления об этом. Мы видели, как был найден ответ на атаку магнитными минами, с которыми мы справились. Тем не менее, в январе они были причиной более половины наших потерь, из общего числа которых более двух третей пришлось на нейтральные суда.

Представляя в конце февраля бюджет военного флота, я дал обзор выдающихся фактов морской войны. Я предполагал, что немцы потеряли половину подводных лодок, с которыми они начали войну. Вопреки ожиданиям, появилось только немного новых. В действительности, как мы теперь знаем, до конца февраля было потоплено шестнадцать и прибавилось девять. Главные усилия неприятеля еще не развернулись. Мы имели очень обширную программу кораблестроения, как эскортных судов, так и для замещения торговых. Адмиралтейство взяло на себя ведение торговым кораблестроением, и с этой целью в состав министерства вступил Джемс Литгоу, кораблестроитель из Глазго. В первые шесть месяцев этой новой войны наши чистые потери составляли менее двухсот тысяч тонн по

сравнению с четыреста пятьюдесятью тысячами, потерянными в один убийственный месяц, в апреле 1917 г. В то же время мы захватывали больше груза, предназначенного для неприятеля, чем теряли сами. Заканчивая свою речь, я сказал:

«Положение с ввозом улучшалось с каждым месяцем. Несмотря на подводные лодки и мины, на зимние штормы и туманы, в январе наш флот благополучно доставил значительно больше четырех пятых месячной средней за последние три года мирного времени. Если мы примем во внимание то большое количество британских судов, которые были взяты для военно-морской службы, для перевозки наших войск через Канал или военных конвоев по всему миру, то в этих результатах — выражаясь осторожно — нет ничего, что могло бы вызвать уныние или тревогу».

11.

ПЕРЕД БУРЕЙ**Март 1940 г.**

12 марта был долгожданный день возвращения флота в Скапу, как главную базу для нашего флота. Я решил доставить себе удовольствие присутствовать при этом событии в жизни нашего флота и отбыл из Клайда на флагманском корабле адмирала Форбса.

Флот состоял из пяти броненосцев, эскадры крейсеров и, может быть, двух десятков истребителей. Путь двадцатичетырехчасового путешествия лежал через Минчи (проливы между островами к западу от Шотландии). Мы должны были на заре пройти Северные проливы и прибыть в Скапу около полудня. «Худ» и другие корабли из Розита, двигаясь вверх вдоль восточного побережья, должны были быть там за несколько часов до нас. Плавание через Минчи очень сложно, и широта северного выхода едва достигала одной мили. С обеих сторон скалы и рифы, и имелось сообщение, что в этих загороженных водах находятся три подводных лодки. Мы должны были идти очень быстро и зигзагами. Обычные в мирное время огни были выключены. Это была, таким образом, навигационная задача из тех, которые флот очень любит. Однако как раз, когда мы после завтрака собирались отплыть, у «хозяина флота» — у штурмана флагманского корабля, на котором лежала главная ответствен-

ность, внезапно начался приступ инфлуэнцы. И вот его помощник, очень молодо выглядевший лейтенант, поднялся на мост, чтобы принять руководство движением флота. Меня поразили этот офицер, который без предварительного извещения должен был взять на себя такую серьезную задачу, требовавшую обладания в совершенстве знанием, точностью и правильным суждением. Его хладнокровие не вполне скрывало его удовлетворение.

Мне нужно было о многом переговорить с главнокомандующим, и я вышел на мост только после полуночи. Всё было черно как бархат. Воздух был чист, но не было видно звезд, и не было луны. Большой корабль рассекал волны со скоростью около шестнадцати узлов. Можно было видеть только темную массу кормы следовавшего за нами броненосца. Всего тут было около тридцати кораблей, вместе распускавших пары и двигавшихся в порядке без каких-либо огней, кроме их крошечных кормовых ламп, и постоянно менявших свой курс в согласии с правилами предосторожности против подводных лодок. Прошло уже пять часов, в течение которых нельзя было наблюдать ни земли, ни неба. Скоро ко мне присоединился адмирал, которому я сказал: «Меня смущает одна вещь, за которую мне было бы очень неприятно нести ответственность. Как вы можете обеспечить, что мы попадем в узкий выход из Минчей при дневном свете?» «А что бы, — сказал он, — вы сделали, если бы в данный момент вы были единственным лицом, которое может давать приказания?» Я сразу ответил: «Я бы стал, на якорь и ждал до утра. «Якорь, Гарди», как сказал Нельсон». Но адмирал возразил: «Под нами сейчас почти сто морских сажен (шестьсот футов) воды». Я, конечно, питал полное доверие к флоту, приобретенное за долгие годы, и передаю этот эпизод, только чтобы дать читателю почувствовать то удивитель-

ное искусство и ту точность, с которыми, когда это было необходимо, выполнялись, как нечто обычное, вещи, которые не морским людям показались бы невозможными.

Было восемь часов, когда я проснулся, и мы были в просторных водах к северу от Минчей, плывя к Скапа Флоу, вокруг западной оконечности Шотландии. Мы были, может быть, в получасе плавания от входа в Скапу, когда мы получили сигнал, что несколько немецких аэропланов спустили мины в главный вход, которым мы должны были пользоваться. Ввиду этого адмирал Форбс решил, что он должен оставаться в стороне несколько к западу в течение двадцати четырех часов, пока не будет сообщено, что канал очищен. Поэтому весь флот начал менять свой курс. Адмирал мне сказал: «Если вы хотите переехать, я без труда могу доставить вас на берег на истребителе. «Худ» уже в гавани и будет вас оберегать». Я принял это предложение, так как я лишь с трудом мог выкроить себе эти три дня отсутствия из Лондона. Наш багаж был быстро доставлен на палубу; флагманский корабль уменьшил свою скорость до трех или четырех узлов, и катер с двенадцатью матросами в спасательных поясах был спущен с шлюпбалок. Мои спутники были уже в нем, и я прощался с адмиралом, когда раздалась воздушная тревога, и весь корабль сейчас же оказался в действии. Во всех противовоздушных батареях персонал немедленно был на месте, и были приняты другие меры.

Меня беспокоило, что корабль должен был замедлить ход в водах, где, как мы знали, имелись подводные лодки. Но адмирал сказал, что все совершенно в порядке, и показал на пять истребителей, которые быстро кружились вокруг нашего корабля, в то время как шестой ждал меня. Чтобы пройти мимо, отделявшую нас от истребителя, потребовалось четверть ча-

са гребли. Это было, как в старые времена, только у матросов было меньше практики с веслами. Когда мы взобрались на борт истребителя, флагманский корабль уже вернул прежнюю скорость и догонял остальной флот. Все офицеры истребителя были на своих постах, и мы были встречены хирургом, который провел нас в кают-компанию, где на столе лежали все инструменты его профессии, приготовленные на случай надобности. Но воздушной атаки не было, и мы сейчас же большой скоростью направились в Скапу. Мы вошли через Свита Зунд, небольшой вспомогательный канал, в который мины не были спущены. «Это вход для торговцев», — сказал мой флаг-капитан Томпсон. Это действительно был вход, предназначенный для транспортов со снабжением. «Это, — угрюмо сказал лейтенант истребителя, — единственный вход, которым флотилиям разрешено пользоваться». Чтобы создать хорошее настроение, я спросил его, помнит ли он стихи Киплинга о том, как:

«Мины заложены на фарватере.
Предупредить, задержать всё движение.
Выслать...»

и тут я предоставил ему продолжать, что он и сделал совершенно правильно: «Единство», «Кларибель», «Ассирийца», «Дятла» и «Золотой клад».

Мы скоро добрались до «Худа», где нас встретил адмирал Уайтворт, собравший большинство своих капитанов. Я провел на палубе приятный вечер перед днем, заполненным длинным рядом осмотров. Это было последнее посещение мною «Худа», хотя он еще в течение почти двух лет нес боевую службу, пока не был в 1941 г. потоплен «Бисмарком».

Более шести месяцев непрерывных усилий при помощи самых высоких приоритетов исправили, что было запущено в мирное время. Три главных входа были защищены пловучими заграждениями и минами, и три

дополнительных блокирующих судна находились уже в Кирк Зунде, куда проникла подводная лодка Прина, чтобы потопить «Ройал Ок». Много блокирующих судов должны были еще прибавиться. Многочисленный гарнизон охранял базу и все увеличивающееся число батарей. Мы планировали больше ста двадцати противовоздушных орудий с многочисленными прожекторами и барражем баллонов, чтобы быть господами воздуха над стоянкой флота. Еще не все мероприятия были закончены, но противовоздушная оборона уже была могущественной. Много небольших аэропланов непрерывно патрулировали подступы, и с аэродрома в Кайтнесе два или три авиаотряда «Спитфайеров» могли быть направлены против неприятеля и в темноту и при дневном свете с помощью одной из лучших существовавших тогда систем радара. Флот метрополии имел, наконец, свой дом. Это был тот дом, из которого в прошлую войну Королевский флот господствовал над морями.

Хотя, как мы теперь знаем, нападение на Францию, Бельгию и Голландию было уже назначено на 10-ое мая, Гитлер все еще не остановился на окончательной дате для предварительного нападения на Норвегию. До этого нужно было еще многое сделать. 14-го марта Иодль писал в своем дневнике:

«Англичане охраняют Северное море пятнадцатью или шестнадцатью подводными лодками. Неясно, для того ли, чтобы обеспечить собственные операции или чтобы помешать немецким. Фюрер еще не решил, какое обоснование дать «Упражнению Везер».

В планирующих отделах германской военной машины кипела работа. Одновременно и энергично подвигались приготовления и к нападению на Норвегию

и к вторжению во Францию. 20-го марта Фалькенгорст сообщил, что его часть плана операции «Везер» готова. 16-го марта после полудня Фюрер собрал военную конференцию, и была установлена предварительная дата для «Дня Д», повидимому, 20-го апреля. Адмирал Рэдер доложил конференции:

«По моему мнению, опасность британской высадки в Норвегии не является больше актуальной... На вопрос, что будут англичане в ближайшем будущем делать на севере, можно ответить таким образом: они будут продолжать пытаться дезорганизовать германское торговое судоходство в нейтральных водах и, может быть, вызывать инциденты, чтобы создать повод для акции против Норвегии. Целью было и остается отрезать германский импорт из Нарвика. Этот импорт будет отрезан, по меньшей мере, на некоторое время, и в том случае, если будет осуществлена операция «Везер».

Раньше или позже, Германия окажется перед необходимостью осуществить операцию «Везер». Поэтому лучше осуществить ее как можно раньше, самое позднее 15-го апреля, так как после этого ночи будут слишком коротки: 7-го апреля будет новолуние. Если операция «Везер» будет еще дольше отсрочена, оперативные возможности флота будут слишком ограничены. Подводные лодки могут оставаться в боевых позициях еще только две или три недели. Для операции «Везер» не следует ждать погоды того же характера, который благоприятен для «Желтой операции». Для «Везера» более подходит облачная и туманная погода. Общее состояние готовности морских судов и персонала в настоящее время хорошо».

С начала года Советы стали давить на финнов своими главными силами. Они удвоили свои усилия прорвать линию Маннергейма до таяния снегов. Увы, в этом году весна с ее тающим снегом, на который находившиеся под тяжким давлением финны возлагали свои надежды, пришла почти на шесть недель позже. Большое советское наступление на перешейке, про-

должавшееся сорок два дня, началось 1-го февраля, сопровождаясь сильной воздушной бомбардировкой складочных пунктов и железнодорожных узлов позади линии фронта. Десять дней массированной бомбардировки из советских орудий, прижатых колесо к колесу, возвестили главную атаку пехоты. После двух недель боев в линии была прорвана брешь. Воздушные атаки на ключевой форт и базу в Выборге стали еще более интенсивными. К концу месяца маннергеймская система обороны была дезорганизована, и русские могли сосредоточить свои силы против Выборгского залива. У финнов не хватало амуниции, и их войска были истощены.

Та заслуживающая уважения корректность, которая лишила нас всякой стратегической инициативы, помешала и действительным мерам для посылки в Финляндию амуниции. До сих пор мы смогли послать финнам только незначительное количество из наших скудных складов. Но во Франции преобладало более теплое и глубокое сочувствие, и Даладье его энергично поддерживал. 2-го марта, без консультации с британским правительством, он согласился послать пятьдесят тысяч добровольцев и сто бомбардировщиков. Мы, конечно, не могли действовать в таком же масштабе, а в виду документов, найденных в Бельгии на немецком майоре, и непрерывных сообщений разведки о постоянном массировании германских войск на западном фронте, это шло много дальше того, что позволила бы предусмотрительность. Тем не менее было решено послать пятьдесят британских бомбардировщиков. 12-го марта Кабинет снова решил пересмотреть планы военных высадок в Нарвике и Трондхейме, а затем в Ставангаре и Бергене, как часть широкой помощи Финляндии, в которую нас втянули французы. Эти планы должны были быть готовы к выполнению 20-го марта, хотя норвежское и шведское

разрешения не были получены. Тем временем, 7-го марта Паасикиви снова поехал в Москву — на этот раз, чтобы обсуждать условия перемирия. 12-го финны приняли русские условия. Все наши планы высадок снова были отложены, а собранные силы отчасти рассеяны. Двум дивизиям, которые были удержаны в Англии, было теперь разрешено отправиться во Францию, и ударная сила для норвежской операции была сокращена до одиннадцати батальонов.

**
*

Тем временем созрела операция «Королевская морская пехота». Пять месяцев интенсивных усилий с предоставленным Адмиралтейством приоритетом дали свои плоды точно к сроку. Адмирал Фицджеральд и его тренированные морские офицеры и матросы, которые все горели желанием нанести являвшийся новшеством удар, расположились в области верхнего течения Рейна, готовые действовать, как только будет получено разрешение. В марте все приготовления были закончены, и я обратился с пространной мотивировкой как к моим коллегам, так и к французам. Военный кабинет был вполне готов разрешить мне приступить к выполнению тщательно подготовленного наступательного плана и предоставил мне, при поддержке министерства иностранных дел, сговориться, насколько я смогу, с французами. В течение всей моей жизни я был тесно связан с французами во всех их войнах и несчастьях, и я был убежден, что они сделают для меня не меньше, чем для какого-либо другого иностранца. Но в этой фазе «сумеречной войны» я не мог сдвинуть их с места. Когда я был очень настойчив, они применили такой способ отказа, с каким я никогда больше не встречался ни раньше ни позже. Даладье заявил мне сугубо официально, «что прези-

дент республики лично интервенировал, и что недопустимы никакие агрессивные действия, которые могут только вызвать репрессии против Франции». Эта идея, что не надо раздражать противника, мне уже сама по себе не нравилась. Гитлер сделал всё, что мог, чтобы, минуя без разбора наши гавани, задушить наше торговое судоходство. Мы отбили его только оборонительными средствами. Выходило, что хороший, честный, культурный народ не должен атаковать, пока сам не получит смертельного удара. В эти дни грозный германский вулкан со всеми его подземными огнями приближался к взрыву. Пока всё еще продолжались месяцы мнимой войны. На одной стороне были бесконечные дискуссии по мелким вопросам, решения не принимались или принимались и снова отменялись, и царило правило: «Не будьте невежливы с врагом, вы этим только его рассердите». На другой стороне: подготовка гибели — огромная машина, надвигающаяся, чтобы обрушиться на нас!

**
*

Военное поражение Финляндии имело дальнейшие последствия. 18-го марта Гитлер встретился с Муссолини в Бреннере. Гитлер сознательно создал у своего итальянского хозяина впечатление, что германское сухопутное наступление на Западе не имелось в виду. 19-го Чемберлен произнес речь в Палате общин. Ввиду усиливавшейся критики он довольно подробно восстановил историю британской помощи Финляндии. Он правильно подчеркнул, что нами больше всего руководило желание соблюдать нейтралитет Норвегии и Швеции, а также оправдывал правительство за то, что оно не шло на такие попытки помочь Финляндии, которые имели мало шансов на успех. Поражение Финляндии было роковым для правительства Даладье, ко-

торый предпринял такую энергичную, хотя и запоздалую акцию, и который лично придавал непропорционально большое значение этой части наших забот. 21-го марта образовался новый кабинет во главе с Рейно, принявший обязательство вести войну с усиленной энергией.

Мои отношения с Рейно были совсем другого рода, чем те, которые установились с Даладье. Рейно, Мандель и я были в полном согласии относительно Мюнхена. Даладье был на другой стороне. Поэтому я был рад перемене во французском правительстве, а также надеялся, что теперь улучшатся шансы получить согласие на мои речные мины.

«Черчилль — Рейно

22 марта 1940

Я не могу выразить, как я рад, что всё было сделано так удачно и так быстро, и в особенности тому, что Даладье вошел в Ваш кабинет. Это вызывает здесь большое восхищение, как и самоотверженность Блюма. Я рад, что Вы у власти, и что Мандель с Вами, и я жду самого тесного и более активного сотрудничества между нашими правительствами. Как Вы знаете, я разделяю все те опасения, которые Вы в тот вечер высказали мне относительно общего хода войны и необходимости энергичных и крутых мероприятий. Но, когда мы разговаривали, я мало думал о том, что события скоро примут для Вас лично решающий оборот. В течение последних трех-четырех лет наши взгляды настолько совпадали, что я теперь крепко надеюсь на то, что у нас установится самое полное взаимное понимание и что я смогу этому содействовать.

Сейчас я посылаю Вам письмо, которое я написал Гамелэну по поводу того дела, ради которого я на прошлой неделе приезжал в Париж, и прошу Вас немедленно уделить этому проекту Ваше сочувственное внимание. И премьер-министр и лорд Галифакс стали горячими сторонниками этой операции («Королевская морская пехота»), и мы все три усиленно старались добиться согласия Вашего предшественника. Было бы очень досадно потерять драгоценное время. У меня уже имеется готовыми до шести тысяч мин, и они прибывают непрерывным потоком — увы! только на суше —

и, конечно, существует опасность, что в случае откладывания секрет станет известным.

Я жду скорого заседания Верховного совета, на котором, как я убежден, согласованная акция будет договорена между французскими и английскими коллегами — так как мы ими являемся.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет Манделю, и поверьте моему самому горячему желанию Вашего успеха, от которого зависит наше общее спасение».

28-го марта французские министры приехали в Лондон на заседание Верховного военного совета. Чемберлен открыл заседание полным и ясным изображением положения, как он его видел. К моему большому удовольствию, он сказал, что прежде всего предлагает, чтобы «операция, известная всем, как «Королевская морская пехота», была немедленно приведена в действие». Он описал, как проект должен осуществляться, и указал, что накоплены запасы для эффективного и непрерывного выполнения операции. Это будет полной неожиданностью. Операция будет иметь место в той части Рейна, которой пользуются исключительно для военных целей. Подобная операция никогда еще не осуществлялась, и раньше не было выработано снаряжение, которое могло бы использовать речные условия и успешно действовать против барж и речного типа судов. Наконец, конструкция оружия такова, что нейтральные воды не будут затронуты. Англичане ожидают, что такая атака вызовет величайший испуг и замешательство. Хорошо известно, что нет народа более основательного в планировании и подготовке, чем немцы. Но и ни один народ не может быть приведен в такую растерянность, если его планы не удаются. Они не умеют импровизировать. К тому же война застала германские железные дороги в ненадежном состоянии, и это увеличило зависимость Германии от внутренних водных путей. Кроме пловучих мин, приготовлены другие виды снарядов, чтобы

сбрасывать их в каналы внутри Германии, в которых нет течения. Чемберлэн настаивал, что неожиданность зависит от быстроты. В случае промедления секретность будет в опасности, а речные условия скоро будут особенно благоприятными. Что касается германского возмездия, то, если Германия считает полезным бомбардировать французские и английские города, она не будет выжидать предлога. Всё готово. Требуется только, чтобы французское верховное командование дало приказ.

Затем он сказал, что у Германии два слабых пункта: снабжение железной рудой и нефтью. Их главные источники находятся на противоположных концах Европы. Железная руда получается с севера. Он с большой точностью изложил основания для необходимости перерезать снабжение Германии рудой из Швеции. Он говорил также о румынских и бакинских нефтяных источниках, которых Германию нужно лишить, если возможно, посредством дипломатии. Я с возрастающим удовольствием слушал эту убедительную аргументацию. До тех пор я не сознавал, в какой мере между Чемберлэном и мной было полное единодушие.

Рейно говорил о влиянии немецкой пропаганды на мораль французов. Германское радио каждый вечер долбит, что у Германии нет оснований для ссоры с Францией, что причину войны надо искать в карт-бланш, которую Англия дала Польше; что Франция была втянута в войну на запятках у Англии и даже что она не в состоянии выдержать борьбу. Политика Геббельса по отношению к Франции состоит, повидимому, в том, чтобы война продолжалась в теперешнем пониженном темпе, в расчете на увеличивающийся упадок духа у пяти миллионов мобилизованных французов и на появление французского правительства, готового идти на компромисс с Германией за счет Великобритании.

По его словам, во Франции очень многие ставят вопрос: «Как Союзники могут выиграть войну?» «Несмотря на английские усилия», число дивизий растет на германской стороне быстрее, чем на нашей. Поэтому, когда же мы можем надеяться обеспечить себе численное превосходство, необходимое для успешных действий на западе? Мы не знаем, что делается в Германии в области материального снаряжения. Во Франции преобладает ощущение, что война зашла в тупик и что Германии остается только выжидать. Если что-нибудь не будет предпринято, чтобы отрезать доставку в Германию нефти и другого сырья, «будет усиливаться чувство, что блокада не является достаточно сильным оружием, чтобы обеспечить победу Союзников». Относительно операции «Королевская морская пехота» он сказал, что она, хотя сама по себе и хороша, не может иметь решающего значения, и что какие-либо репрессии падут на Францию. Однако, если другие вопросы будут улажены, он приложит особые усилия к тому, чтобы обеспечить французское согласие. Он отнесся гораздо более сочувственно к тому, чтобы отрезать поставки шведской руды, и указал на то, что между поставками шведской руды и размерами производства немецкой тяжелой промышленности существует прямое отношение. Его заключение было, что Союзники должны заложить мины в территориальных водах вдоль норвежского побережья, а позднее помешать теми же мероприятиями вывозу руды в Германию из Лулеа. Он подчеркнул важность препятствовать поставкам в Германию румынской нефти.

В конце концов было решено, что после вручения Норвегии и Швеции сформулированного в общих выражениях сообщения 5-го апреля должны быть заложены мины в норвежских территориальных водах, а в случае, если будет согласие французского военного совета, операция «Королевская морская пехота»

должна начаться 4-го апреля пуском речных мин в Рейн, а 15-го апреля сбрасыванием мин с воздуха в немецкие каналы. Было также согласие в том, что, если немцы вторгнутся в Бельгию, Союзники должны, не дожидаясь формального приглашения, немедленно войти в эту страну, а если немцы вторгнутся в Голландию и Бельгия не окажет ей помощи, то Союзники должны считать себя вправе войти в Бельгию, чтобы помочь Голландии.

Наконец, коммюнике констатировало, как нечто очевидное и всеми признанное, что британское и французское правительства согласились на следующем формальном заявлении:

...что в ходе настоящей войны не будет ни переговоров, ни заключения перемирия или мира, иначе как по взаимному соглашению.

Позднее этот договор приобрел очень большое значение.

**

3-го апреля британское правительство утвердило решение Верховного военного совета, и Адмиралтейству было разрешено 8-го апреля минировать норвежский прибрежный проход («тропинку»). Я дал этой, по существу такой небольшой и безобидной операции имя «Вильфред». Так как минирование нами норвежских вод могло вызвать германский отпор, было также решено, что английская бригада и французский отряд должны быть отправлены в Нарвик, чтобы очистить порт и продвинуться к шведской границе. Другие силы должны были быть отправлены в Ставангер, Берген и Трондхейм, чтобы не отдать этих баз неприятелю.

Стоит оглянуться назад, на этапы, предшествовавшие достижению решения минировать прибрежный

проход.*) Я добивался этого с 29 сентября 1939 г. За это время ничто существенно не изменилось. Моральные и технические возражения в виду нейтралитета, возможность германских репрессий против Норвегии, важность остановки движения руды из Нарвика в Германию, впечатление в нейтральных странах и во всем мире — все было совершенно то же. Но, наконец, Верховный военный совет убедился, и, наконец, военный кабинет примирился с проектом и принял решение. Один раз он уже дал согласие и взял его обратно. Затем его мысли были целиком заняты осложнениями в связи с финской войной. В течение шестидесяти дней «Помощь Финляндии» стояла в порядке дня Кабинета. Из всего этого ничего не вышло. Финляндия покорила разгромившей ее России. Теперь после всех этих бесплодных опасений, колебаний, перемен поли-

*) 29 сентября 1939. Первый лорд обращает внимание Кабинета на значение шведской железной руды для германской экономики.

27 ноября 1939. Первый лорд адресует Первому морскому лорду записку, прося его рассмотреть предложение минировать прибрежный проход.

15 декабря 1939. Первый лорд подымает в Кабинете вопрос о поставках руды в Германию.

16 декабря 1939. Представление членам Кабинета детального меморандума по этому вопросу.

22 декабря 1939. Рассмотрение меморандума в Кабинете.

5 февраля 1940. Подробное обсуждение вопроса в Верховном военном совете в Париже в связи с помощью Финляндии (в присутствии Черчилля).

19 февраля 1940. Новое обсуждение вопроса в британском кабинете. Адмиралтейству разрешено делать приготовления.

29 февраля 1940. Решение Верховного военного совета, что минные поля должны быть заложены.

3 апреля 1940. Принятие британским кабинетом окончательного решения.

8 апреля 1940. Минные поля закладываются.

тики, бесконечных споров между хорошими и достойными людьми, мы, наконец, достигли того ясного пункта, исходя из которого эта операция была предложена семь месяцев тому назад. Но в войне семь месяцев большой срок. Теперь Гитлер был готов и имел гораздо более грозный и хорошо подготовленный план. Вряд ли можно найти лучший пример бессилия и бессмысленности ведения войны комитетом и даже группами комитетов. В последующие недели на меня выпала доля нести на себе большую часть тяжести и часть непопулярности злополучной норвежской кампании, ход которой скоро будет описан. Если бы мне было позволено действовать свободно и планомерно, когда я в первый раз просил разрешение, в этом ключевом вопросе могли бы быть достигнуты гораздо более удовлетворительные результаты с последствиями, благоприятными во всех отношениях. Теперь же все должно было стать катастрофой.

Кто не хочет, когда может,
Когда захочет, ничего не сможет.

**
*

Здесь, может быть, следует перечислить те наступательные предложения и методы, которые я в моем подчиненном положении выдвигал во время «войны в сумерках». Первым было войти в Балтийское море и установить господство над ним, что, если бы было возможно, было бы предприятием величайшей важности. На него был наложен запрет растущим сознанием значения авиации. Вторым было создание посредством перестройки броненосцев класса «Ройал Соверейн» предназначенной для тесного боевого контакта авиаотрядов морских черепах, не слишком опасющихся воздушных бомб или торпед. Это отпало вследствие хода войны и предоставления приоритета авиа-

носцам. Третьим была простая тактическая операция — заложить мины в норвежском прибрежном проходе, чтобы остановить доставку в Германию абсолютно необходимой ей железной руды. В-четвертых, «Култиватор № 6»*), как рассчитанное на долгий срок средство выйти из создавшегося на французском фронте тупика без повторения кровопролития предыдущей войны. Это отпало вследствие атаки германских бронированных сил, которые обратили нами изобретенные танки нам же на гибель и доказали превосходство наступления в этой войне. Пятым была операция «Королевская морская пехота», то есть парализование рейнского судоходства посредством сбрасывания и взрывания речных мин. Она сыграла свою ограниченную роль и показала свою ценность как только она была разрешена. Но она была сметена общим крушением французского сопротивления. Во всяком случае, чтобы причинить неприятелю значительный ущерб, требовалось длительное проведение этой операции.

Резюмируя: по отношению к войне сухопутных армий я был рабом представления о силе огня обороны. На море, в моей области, я упорно старался удерживать инициативу против неприятеля, как спасение от страшного испытания подставить его атаке колоссальную мишень нашего торгового судоходства. Но в этой продолжительной летаргии «сумеречной» или «нереальной» войны, как ее обычно называли в Соединенных Штатах, ни Англия, ни Франция не были способны ответить на угрозу германского возмездия. Лишь после того, как Франция была сметена, Англия, благодаря преимуществу своего островного положения, смогла из мук поражения и под угрозой уничтожения

*) Проект постройки особых машин для прорытия глубоких борозд, по которым пехота и танки могли бы безопасно продвигаться вперед, оставаясь недосягаемыми для неприятельского огня. (Прим. переводчика).

развить в себе национальную волю, равную германской.

**
*

Стали доходить зловещие новости разной степени достоверности. 3-го апреля на заседании Военного кабинета военный министр сообщил, что его министерство получило сообщение, что немцы концентрируют в Ростке большие силы с намерением, если понадобится, занять Скандинавию. Министр иностранных дел сказал, что сведения из Стокгольма, повидимому, подтверждают это сообщение. Согласно шведскому посольству в Берлине, в Штеттине и Свинемюнде сосредоточены двести тысяч тонн германского судоходства с войсками на борту, численность которых, по слухам, достигает четырехсот тысяч. Было высказано предположение, что эти силы находятся наготове, чтобы ответить встречным ударом в случае нашей атаки на Нарвик или другие норвежские порты, за которые, как нам сообщали, немцы продолжают беспокоиться.

Вскоре мы узнали, что французский военный совет не соглашается на операцию «Королевская морская пехота». Они стоят за минирование норвежского прибрежного прохода, но против всего, что может вызвать репрессии против Франции. Рейно выразил свое сожаление через французского посла. Чемберлэн, который в этой стадии был за то, чтобы предпринять какое-либо агрессивное действие, был раздражен этим отказом и в разговоре с Корбэном связал одну с другой обе операции: Англия отрежет, как этого хотят французы, поставки руды в Германию при условии, что Франция в то же время позволит нам посредством «Королевской морской пехоты» отплатить за то, что мы претерпели и продолжаем терпеть от магнитических мин. Как горячо ни стоял я за «Королевскую

морскую пехоту», я не ожидал, что он зайдет так далеко. Обе операции были методами вести наступательную войну и положить конец сумеречному периоду, от продолжения которого, как я теперь думал, выигрывает Германия. Однако, если несколько дней могут позволить нам достичь соглашения с французами о пунктуальном выполнении обоих проектов, я согласался отложить «Вильфред» на несколько дней.

Премьер-министр в этот период так одобрял мои взгляды, что почти казалось, будто мы думаем как один человек. Он просил меня поехать в Париж и постараться убедить Даладье, который явно был главным препятствием. Вечером 4-го я встретился с Рейно и несколькими другими министрами на обеде в английском посольстве. Даладье был приглашен, но сослался на уже принятое обязательство. Было условлено, что я увижу его на следующее утро. Желая сделать все возможное, чтобы убедить Даладье, я попросил у Кабинета разрешение разъяснить, что мы приступим к выполнению «Вильфреда», даже если «Морская пехота» не будет разрешена.

Я был у Даладье в военном министерстве в полдень 5-го и имел с ним серьезный разговор. Я упомянул об его отсутствии на обеде накануне вечером. Он оправдывался ранее принятыми обязательствами. Было очевидно, что между новым и предыдущим премьером имеется значительное расхождение. Даладье аргументировал тем, что в течение трех месяцев французская авиация усилится в достаточной мере для необходимых мероприятий против германской реакции на «Морскую пехоту». Он был готов закрепить твердую дату письменно. Он очень настаивал на отсутствии защиты для французских фабрик. Под конец он заверил меня, что период политических кризисов во Франции миновал, и что сам он будет работать в гармонии с Рейно.

Я по телефону известил Военный кабинет, который согласился, чтобы было приступлено к «Вильфреду», несмотря на отказ французов разрешить «Морскую пехоту», но хотел сделать это предметом формального сообщения. На заседании 5-го апреля министру иностранных дел было поручено сообщить французскому правительству, что, несмотря на большое значение, которое мы придавали проведению «Морской пехоты» в ближайшее время и одновременно с предполагаемой операцией в норвежских водах, мы, тем не менее, готовы, уступая его желаниям, приступить к выполнению только этой последней. Таким образом срок был окончательно назначен на 8-ое апреля.

В пятницу 5-го апреля в центральном совете консервативных и юнионистских ассоциаций премьер-министр произнес речь, отличавшуюся необычным оптимизмом:

«После семи месяцев войны я чувствую себя в десять раз более уверенным в победе, чем в начале. Я считаю, что в течение семи месяцев наше положение по отношению к неприятелю стало значительно более сильным, чем было.

Рассмотрим различие между такой страной, как Германия, и нашей. Германия готовилась к войне задолго до нас. Она с лихорадочной поспешностью увеличивала свои вооруженные силы на земле и в воздухе. Она посвящала все свои ресурсы производству оружия и снаряжения и образованию обширных резервных запасов. Фактически она превратила себя в полностью вооруженный лагерь. С другой стороны, мы, мирная нация, занимались нашими мирными делами. Правда, то, что происходило в Германии, вынудило нас начать снова развивать те средства обороны, которыми мы так долго не занимались, но, пока оставалась какая-то надежда на мир, мы откладывали — мы все время откладывали — те решительные меры, которые были бы необходимы, если бы мы должны были поставить страну на военную ногу.

В результате, когда вспыхнула война, германские приготовления были далеко впереди наших, и было естественно ожидать, что неприятель воспользуется своим начальным преимуществом, чтобы постараться одолеть нас и Францию, пока мы не исправили наших упущений. Разве это не чрезвычайно странно, что не было сделано такой попытки? Что бы ни было основанием — думал ли Гитлер, что он может сохранить то, что он забрал, не сражаясь, или что приготовления все же были недостаточно полными — во всяком случае одно несомненно: он опоздал на поезд.

И вот семь месяцев, которые мы имели в своем распоряжении, позволили нам исправить и устранить наши слабые стороны, консолидировать и привести в гармонию все виды оружия, наступательного и оборонительного, и в таких огромных размерах усилить наши боевые силы, что мы можем спокойно и твердо смотреть в будущее, что бы оно ни принесло. Вы, может быть, скажете: «Да, но разве и неприятель не бездействовал?» У меня в этом нет ни малейшего сомнения. Я меньше, чем кто-либо, склонен недооценивать его силу и решимость беззастенчиво и беспощадно пользоваться силой, если он думает, что может это делать, не получая сдачи с лихвой. Я признаю это. Но я также скажу: объем его подготовки оставил ему лишь очень небольшой резерв силы, к которому он может обратиться».

Эти рассуждения оказались необдуманними. Их главная предпосылка, что мы и Франция были относительно сильнее, чем в начале войны, не была обоснована. Как было объяснено выше, Германия уже четвертый год была поглощена бешеным производством амунции, тогда как мы были в гораздо более ранней стадии, по производительности, соответствовавшей, вероятно, ее второму году. Более того, германская армия, существующая уже четыре года, с каждым месяцем становилась все более зрелым и совершенным оружием, а превосходство французской армии в обученности и спайке неуклонно шло вниз. Премьер-министр не обнаружил предчувствия, что мы находились на пороге больших событий, тогда как мне представлялось почти несомненным, что должна была начаться война

на суше. Особенно неудачно было выражение: «Гитлер опоздал на поезд».

Всё было в ожидании. Различные, менее значительные меры, которые я смог предложить, были одобрены, но ничего имеющего большое значение не делалось ни одной из сторон. Наши планы, поскольку они имелись, покоились на усилении блокады минированием норвежского коридора на севере и затруднением снабжения Германии нефтью с юго-востока. Позади германского фронта царили полная неподвижность и молчание. Внезапно пассивная или малого масштаба политика союзников была сметена водопадом яростных неожиданностей. Нам предстояло узнать, что такое тотальная война.

12.

СТОЛКНОВЕНИЕ НА МОРЕ**Апрель 1940 г.**

Прежде чем продолжать свой рассказ, я должен объяснить изменения в моем положении, имевшие место в апреле 1940 г.

Должность лорда Чатфильда, как министра координации обороны, стала излишней, и 3-го Чемберлен принял его отставку, которую он предложил по собственной инициативе. 4-го канцелярия премьер-министра опубликовала сообщение, что вакантная должность не будет замещена и что Первому лорду Адмиралтейства, как старшему из заинтересованных министров, поручается председательствование в Комитете военной координации. Сообразно этому, я председательствовал на заседаниях комитета, которые от 8-го по 15-ое апреля имели место ежедневно, а иногда и два раза в день. Поэтому я нес на себе исключительно большую долю ответственности, не имея власти для действительного руководства. Среди других министров, которые были членами комитета, я был «первым между равными». Но я не имел власти принимать или проводить решения. Я должен был убеждать как министров, так и их профессиональных советников. Таким образом много значительных и способных людей имели право и обязанность высказывать свои взгляды в быстро сменявшихся фазах начавшейся теперь битвы — а это уже была битва.

Начальники штабов ежедневно собирались вместе после обсуждения каждым из них всего положения со своим министром. Затем они выносили собственные заключения, которые, естественно, имели решающее значение. Я узнавал о них или от Первого морского лорда, который от меня ничего не скрывал, или из различных меморандумов и записок, выпускаемых комиссией начальников штабов. Если я хотел обсудить какое-либо из их мнений, я, конечно, мог поднять вопрос прежде всего в моем Координационном комитете, в котором, как индивидуальные члены, присутствовали все начальники штабов, привлекавшие обычно и своих министров. Тогда начинался обильный поток вежливых разговоров, к концу которых секретарем составлялся тактичный отчет, проверявшийся всеми тремя оборонными министерствами, чтобы в нем не оказалось неувязок. Так мы подымались на просторные блаженные высоты, на которых после опроса всех все решалось большинством, имея ввиду величайшее благо самого большого числа людей. Но в войне того рода, какую мы теперь должны были испытать, условия были совсем другими. К сожалению, я должен это сказать: действительный конфликт имел больше сходства с хулиганом, который бьет другого по физиономии дубинкой, молотком или чем-нибудь еще почище. Все это очень печально, и это одно из веских оснований, чтобы избегать войн и дружески улаживать все путем соглашения, с полным вниманием к правам меньшинств и добросовестно учитывая несогласные мнения.

Комиссия по обороне при Военном кабинете заседала почти каждый день, чтобы обсуждать доклады Комитета военной координации и начальников штабов; заключения или разногласия опять передавались в многочисленные комиссии. Всё нужно было объяснять и переобъяснять, и к тому времени, когда эта

процедура заканчивалась, часто все положение уже менялось. В Адмиралтействе, которое во время войны по необходимости являлось главной квартирой боевых действий, касающиеся флота решения принимались немедленно и только в самых серьезных случаях сообщались премьеру-министру, который нас во всех случаях поддерживал. Но где дело требовало участия других ведомств, процедура никак не могла поспевать за событиями. Однако, при начале норвежской кампании Адмиралтейство по самой природе вещей имело в своих руках три четверти исполнительных функций. Я не претендую на то, что, каковы бы ни были полномочия, я был бы способен принимать лучшие решения или находить хорошие решения проблем, с которыми мы теперь столкнулись. Напор событий, которые сейчас будут описаны, был так силен, и условия были так хаотичны, что я скоро понял, что только авторитет премьер-министра может управлять Комитетом военной координации. Поэтому 15-го апреля я просил Чемберлена взять на себя председательство и фактически он председательствовал на всех наших заседаниях во время норвежской кампании. Мы продолжали быть в полном согласии, и он давал высшую санкцию высказываемым мною мнениям. Я самым тесным образом был связан с осуществлением несчастной попытки спасти Норвегию, когда это было уж слишком поздно. Отвечая на вопрос, премьер-министр следующим образом сообщил парламенту о перемене председательствования: «По просьбе Первого лорда Адмиралтейства я согласился взять на себя председательствование на заседаниях Координационного комитета, когда обсуждению подлежат вопросы исключительной важности для общего ведения войны».

Лояльность и добрые намерения проявлялись всеми участниками. Тем не менее, и премьер-министр и я остро сознавали бесформенность нашей системы, в

особенности когда мы сталкивались с неожиданным оборотом событий. Хотя в то время Адмиралтейство неизбежно являлось главной движущей силой, можно было привести очевидные возражения против организации, в которой один из министров вооруженных сил пытался согласовать операции всех других ведомств, в то же время ведая всеми делами Адмиралтейства и неся специальную ответственность за морские операции. Эти трудности не были устранены тем, что премьер-министр принял на себя председательствование и поддерживал меня. Но в то время, как вследствие недостатка средств или неудовлетворительного ведения дел удары злой судьбы падали на нас почти ежедневно, я, тем не менее, сохранял свое положение в этом текучем, дружественном, но лишенном фокуса круге.

Вечером в пятницу 5-го апреля немецкий посланник в Осло пригласил избранных гостей, включая членов правительства, смотреть в посольстве фильм. Фильм изображал завоевание Польши, и его кульминационным пунктом были сцены ужаса во время немецкой бомбардировки Варшавы. Надпись на экране гласила: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Собравшиеся разошлись в мрачном молчании. Однако норвежское правительство было занято главным образом английской активностью. 8-го апреля, между половиной пятого и пятью часами утра, четыре английских истребителя заложили минные поля при входе в Западный Фиорд — канал, ведущий к Нарвику. В 5 часов это было сообщено из Лондона по радио, а в 5.30 норвежскому министру иностранных дел была вручена нота Правительства Его Величества. В Осло утро прошло в составлении адресованного в Лондон протеста. Но позднее в тот

же день Адмиралтейство сообщило норвежскому посольству в Лондоне, что у берегов Норвегии замечены германские военные суда, плывущие на север, вероятно, к Нарвику. Приблизительно в то же время в норвежской столице было получено сообщение, что у западного берега Норвегии польская подводная лодка «Орел» потопила германский военный транспорт «Рио де Жанейро», что большое количество немецких солдат были спасены местными моряками и рассказали, что они направлялись в Берген, чтобы помочь норвежцам защищать их страну против англичан и французов. Это было не все. Немцы вторглись в Данию, но известие об этом дошло до Норвегии только тогда, когда она сама уже подверглась вторжению. Она не получила предостережения. Дания была легко сломлена, оказав сопротивление, при котором было убито несколько верных солдат из стражи датского короля.

В эту ночь германские суда подошли к Осло. Загородные батареи открыли огонь. Норвежская оборона состояла из минного заградителя «Олаф Тригвасон» и двух минных тральщиков. После восхода солнца два германских минных тральщика вошли в устье фиорда, чтобы высадить войска рядом с береговыми батареями. Один из них был потоплен «Олафом Тригвасоном», но войска были высажены и батареи захвачены. Доблестный минный заградитель задержал, однако, два германских истребителя при входе в фиорд и нанес повреждения крейсеру «Эмден». Норвежское китобойное судно, вооруженное одним орудием, также немедленно и без приказа вступило в бой с агрессорами. Но его орудие было разбито, и капитан потерял обе ноги. Чтобы не лишить своих людей мужества, он выкатился за борт и доблестно погиб. Теперь главные германские силы во главе с тяжелым крейсером «Блюхер» вошли в фиорд, направляясь к его узкой части, защищаемой крепостью Оскарсборг. Нор-

вежские батареи открыли огонь, а две торпеды, пущенные с берега на расстоянии полуторы тысяч футов нанесли решительный удар. «Блюхер» быстро потонул, унеся с собой старших офицеров германского административного отдела и отряда Гестапо. Другие германские суда, включая «Лютцов», отступили. Поврежденный «Эмден» не принимал больше участия в морском сражении. В конце концов Осло было взято, но не с моря, а войсками, спущенными с аэропланов, а также высаженными в фиорде.

План Гитлера сразу развернулся полностью. Немецкие силы высадились в Кристиансанде, Ставангере и на севере в Бергене и Трондхейме. Всего смелее было нападение на Нарвик. В течение недели будто бы пустые немецкие суда для перевозки руды возвращались в этот порт обычным путем через освященный норвежским нейтралитетом коридор, везя амуницию и снабжение. Десять германских истребителей, каждый с двумястами солдат и поддерживаемые «Шарнгорстом» и «Гнейзенау», вышли на несколько дней раньше и утром 9-го достигли Нарвика.

Два норвежских военных судна «Норге» и «Ейдсфольд» находились в фиорде. Они готовы были биться до конца. На заре были замечены истребители, приближавшиеся с большой быстротой к гавани, но их национальность сначала нельзя было определить вследствие снежной бури. Скоро появился на моторной лодке немецкий офицер и потребовал сдачи «Ейдсфольда». Получив от командующего офицера краткий ответ «я атакую», он удалился, но почти сейчас же судно почти со всеми людьми было потоплено залпом торпед. Тем временем «Норге» открыло огонь, но через несколько минут оно было торпедировано и тотчас же потонуло.

В этом храбром, но безнадежном сопротивлении погибли двести восемьдесят семь норвежских моряков,

с обоих судов было спасено меньше ста. После этого взять Нарвик было легко. Это был стратегически ключевой пункт, которому было суждено навсегда остаться для нас закрытым.

Неожиданность, беспощадность и точность были характерными чертами нападения на безвинную и беззащитную Норвегию. Первоначально высаживавшиеся силы нигде не превышали двух тысяч человек. В действии участвовали семь дивизий, посаженных на корабли главным образом в Гамбурге и Бремене, а подкрепления шли из Штеттина и Данцига. Три дивизии были применены для начальной атаки, а четыре поддерживали их через Осло и Трондхейм. Выдающейся и решающе важной особенностью плана было применение восьмисот боевых и от двухсот пятидесяти до трехсот транспортных аэропланов. В течение сорока восьми часов немцы захватили все главные норвежские порты.

В ночь на воскресенье 7-го апреля наша воздушная разведка сообщила, что накануне был виден германский флот в составе линейного крейсера, двух легких крейсеров, четырнадцати истребителей и еще одного судна, вероятно, транспортного, двигавшийся через устье Скагеррака в направлении на Нейз. Нам в Адмиралтействе было трудно допустить, что эти силы двигаются к Нарвику. Несмотря на сообщение из Копенгагена, что немцы хотят захватить этот порт, морской штаб думал, что германские суда, вероятно, вернутся в Скагеррак. Тем не менее, сейчас же был отдан приказ произвести следующие движения. Флот метрополии, включавший «Родней», «Репалз», «Вель-

янт», два крейсера и десять истребителей, был уже на парах и вышел из Скапы в 8.30 ч. пополудни 7-го апреля; вторая крейсерная эскадра из двух крейсеров и пятнадцати истребителей вышла из Розита в тот же вечер в 10 ч. Первая крейсерная эскадра, бравшая в Розите войска для оккупации Норвегии в случае германской атаки, получила приказ высадить войска на берег даже без их снаряжения и как можно скорее присоединиться к флоту на море. Занятые тем же в Клайде крейсер «Аврора» и шесть истребителей были направлены в Скапу. Все эти решительные меры были согласованы с главнокомандующим. Словом, всё, что было в распоряжении, получило приказ выйти в море, как если бы наступило критическое положение — чего главнокомандующий отнюдь не думал. В то же время происходила операция закладывания четырьмя истребителями мин у Нарвика, прикрываемая линейным крейсером «Реноун», крейсером «Бирмингам» и десятью истребителями.

Когда в понедельник утром собрался Военный кабинет, я сообщил, что минные поля в Западном Фиорде были заложены между 4.30 и 5.00 ч. утра. Я также подробно изложил, что все наши эскадры были в море. Но теперь мы уже имели доказательство, что главные германские морские силы, вне сомнения, движутся к Нарвику. На пути к закладке минного поля «Вильфред», один из наших истребителей «Глоуорм» потерял одного моряка, упавшего ночью за борт, и, остановившись для поисков пропавшего, оказался отделенным от остальной флотилии. 8-го в половину девятого утра «Глоуорм» сообщил, что находится в бою с неприятельским истребителем на расстоянии полутора миль на юго-восток от Западного фиорда. Вскоре затем он сообщил, что видит впереди себя еще одного истребителя, а потом, что он в бою с превосходными силами. После 9.45 он замолчал, и

больше о нем ничего не было слышно. На основании этого мы рассчитали, что германские суда, если не будут перехвачены, смогут достичь Нарвика около 10 часов вечера. Мы надеялись, что они будут атакованы «Реноуном», «Бирмингамом» и их истребителями. Поэтому сражение может иметь место очень скоро. «Невозможно, — сказал я, — предвидеть случайности войны, но такое сражение не произойдет в неблагоприятных для нас условиях». Сверх того, главнокомандующий со всем флотом метрополии будет с юга приближаться к месту действия. Теперь он должен быть приблизительно около Статлэнда. Он полностью осведомлен обо всем, что мы знаем, но, конечно, хранит молчание. Немцы знали, что флот в море, так как было слышно, что находившаяся вблизи Оркнейских островов подводная лодка передала длинное сообщение, как только флот вышел из Скапы. Тем временем находившаяся у Абердина и державшая курс на север вторая крейсерская эскадра сообщила, что за ней гонятся аэропланы и что она ждет их атаки в полдень. Флотом и воздушными силами были приняты все меры, чтобы воздушные истребители прибыли на место действия. Под рукой не было авианосцев, но гидропланы были в действии. Погода местами была пасмурная, но предполагалось, что на севере она была лучше и улучшалась.

Военный кабинет принял к сведению мое сообщение и поручил мне передать норвежскому морскому командованию полученную нами информацию о движениях германского флота. В общем мы думали, что целью Гитлера является Нарвик.

9-го апреля Чемберлен вызвал нас к половине девятого утра на заседание Военного кабинета, на котором обсуждались ставшие тогда известными факты о германском вторжении в Норвегию и Данию. Кабинет согласился на том, чтобы я дал главнокомандующему

флота метрополии полномочия сделать все возможное, чтобы очистить от неприятеля Берген и Трондхейм, и чтобы начальники штабов приступили к подготовке экспедиций с целью взять обратно оба эти порта и занять Нарвик. Однако, эти экспедиции не должны были быть высланы до выяснения положения на море.

После войны мы узнали из германских документов, что случилось с «Глоуорм». Рано утром, в понедельник 8-го, он встретил сначала одного, а затем второго неприятельского истребителя. Отступление с боем в бурном море продолжалось, пока на сцене не появился крейсер «Гиппер». Когда «Гиппер» открыл огонь, «Глоуорм» скрылся за дымовую завесу. Прорвавшись сквозь дым, «Гиппер» нашел английский миноносец совсем близко от себя и идущим на него на всех парах. У «Гиппера» не было времени избежать столкновения, и «Глоуорм» таранил своего, имевшего 10.000 тонн противника, образовав на его борту дыру в сорок метров шириной. Затем «Глоуорм» отскочил изуродованный и в огне. Через несколько минут он взорвался. «Гиппер» забрал сорок человек, оставшихся в живых. Но доблестный капитан, когда его вытаскивали, упал от истощения назад и погиб. Так погас свет «Глоуорма», но его капитану, лейтенанту-командиру Джерарду Руп, был посмертно дан Крест Виктории, и память о нем сохранится надолго.

Когда прекратились сигналы «Глоуорм», у нас были веские основания надеяться принудить к бою германские силы, которые рискнули зайти так далеко. В понедельник мы с каждой стороны от них имели превосходные силы. Расчеты морских расстояний указывали на возможность контакта, а всякий контакт

означал бы концентрацию сил против них. Тогда мы еще не знали, что «Гиппер» эскортировал германские силы в Трондхейм. Он вошел в Трондхейм в ту же ночь, но «Глоуорм» вывел этот могучий корабль из строя на целый месяц.

Получив сигналы «Глоуорм», вице-адмирал Уайтворт, находившийся на «Реноун», сначала повернул на юг, надеясь перехватить неприятеля, но на основании последующей информации и инструкций Адмиралтейства решил прикрывать подступы к Нарвику. Вторник 9-го был бурный день с волнами, высоко вздымавшимися под порывами ветра и снежными вихрями. Рано на заре «Реноун» заметил в море, милях в пятидесяти от Западного Фиорда, два затемненных корабля. Это были «Шарнгорст» и «Гнейзенау», только что закончившие эскортирование экспедиции в Нарвик, но в то же время наши думали, что только один из них был линейным крейсером. «Реноун» открыл огонь, достигнув расстояния в десять миль, и скоро попал в «Гнейзенау», разрушив его главные контролирующие орудия снаряжения и тем заставил его на время прекратить огонь. Его товарищ прикрыв его дымом, затем оба корабля повернули на север, и сражение превратилось в погоню. Тем временем, «Реноун» сам получил два попадания, но они причинили лишь небольшие повреждения, а вскоре он во второй, а затем в третий раз попал в «Гнейзенау». «Реноун» шел полным ходом по бурному морю, но скоро должен был снизить скорость до двадцати узлов. Среди снежных вихрей и немецких дымовых завес огонь с обеих сторон стал безрезультатным. Хотя «Реноун» прилагал все усилия, чтобы догнать германские суда, они в конце концов исчезли из поля зрения в северном направлении.

Утром девятого апреля адмирал Форбс был с главным флотом на уровне Бергена. В 6.20 утра он запросил у Адмиралтейства сведений о находящихся там германских силах, так как намеревался послать отряд крейсеров и истребителей под командой вице-адмирала Лейтона, чтобы атаковать каждое германское судно, которое они смогут найти. Адмиралтейство имело то же намерение и в 8.20 ч. дало ему следующий сигнал:

«Приготовьте план атаки на германские военные и транспортные суда в Бергене, а также для контроля над подступами к порту, исходя из предположения, что береговая оборона все еще в норвежских руках. Следует подготовить подобные же планы касательно Трондхейма, если у Вас достаточно сил для того и другого».

Адмиралтейство одобрило план адмирала Форбса атаковать Берген, но позднее предупредило его, что он не должен больше рассчитывать на дружественную береговую оборону. Чтобы не разбрасывать сил, атака на Трондхейм была отложена, пока не будут найдены германские линейные корабли. Около 11.30 ч. четыре крейсера и семь истребителей под командой вице-адмирала направились к находившемуся в восьмидесяти милях Бергену, со скоростью только шестнадцати узлов против встречного ветра и по бурному морю. Скоро авиация сообщила, что в Бергене находятся не один, а два крейсера. Только с семью истребителями шансы на успех до того, как подойдут наши крейсера, определенно уменьшались. Первый морской лорд считал слишком большой опасность для этих судов как от мин, так и с воздуха. Он советовался со мной по моем возвращении с заседания Кабинета. Прочитав сигналы, которые были получены в течение утра, и после короткого обсуждения в военной комнате, я присоединился к его мнению. Поэтому мы отменили атаку. Вспоминая этот случай, я думаю, что

Адмиралтейство слишком вмешивалось в действия главнокомандующего и что, после того, как мы узнали его первоначальное намерение форсировать проход в Берген, мы должны были ограничиться только посылкой ему информации.

В тот же день после полудня на наш флот, главным образом на корабли вице-адмирала Лейтона, были произведены сильные воздушные атаки. Истребитель «Гурка» был потоплен, крейсера «Саутхэмптон» и «Глазго» были повреждены близкими попаданиями. Попадание получил и флагманский корабль «Родней», но его сильная палубная броня уберегла его от серьезных повреждений.

Когда атака крейсеров на Берген была отменена, адмирал Форбс предложил пустить в ход в сумерки 10-го апреля снабженные торпедами морские аэропланы с авианосца «Фюриус». Адмиралтейство согласилось, а также организовало на вечер 9-го атаки бомбардировщиков воздушных сил и на утро 10-го атаки морской авиации из Хатстона (Оркнейские острова). Тем временем наши крейсера и истребители продолжали блокировать подступы. Воздушные атаки были успешны, и крейсер «Кенигсберг» был потоплен тремя бомбами наших морских аэропланов. «Фюриус» был направлен к Трондхейму, где, по сообщению наших воздушных патрулей, находились два неприятельских крейсера и два истребителя. Восемнадцать аэропланов атаковали на заре 11-го, но нашли, кроме коммерческих судов, только двух истребителей и одну подводную лодку. К сожалению, поврежденный «Гиппер» ушел ночью, крейсеров не было, а атака на два германских истребителя не удалась, потому что торпеды застряли в мелкой воде до того, как достигли своих мишеней.

Тем временем наши подводные лодки были активны в Скагерраке и Категате. В ночь на 8-ое они

увидели и атаковали, но без успеха, неприятельские суда, шедшие из Балтийского моря в северном направлении. Зато 10-го «Труант» потопил у Кристиансанда крейсер «Карлсруэ», а в следующую ночь «Спирфиш» торпедировал возвращавшийся из Осло карманный броненосец «Лютцов». Кроме этих успехов, подводные лодки потопили не менее девяти неприятельских транспортов с войсками и снабжением, понесших большие потери людьми. Наши потери были серьезны, и в течение апреля три британских подводных лодки погибли на сильно защищаемых подступах к Балтийскому морю.

**
*

Утром 9-го положение в Нарвике было неясно. Надеясь предупредить захват порта немцами, главнокомандующий предписал капитану Варбуртон-Ли, командовавшему нашими истребителями, войти в порт и помешать какой-либо высадке. Тем временем Адмиралтейство переслало ему газетный отчет, согласно которому одно судно уже вошло в порт и высадило небольшой отряд. Наше сообщение добавляло:

«Двиньтесь к Нарвику и потопите или захватите неприятельское судно. Вам предоставляется самому решить, проинформировать ли высадку, если Вы считаете себя в состоянии отнять Нарвик у находящихся там неприятельских сил».

Соответственно этому капитан Варбуртон-Ли с пятью истребителями своей флотилии — «Харди», «Хантер», «Хэвок», «Хатспур» и «Хостайл» — вошел в Западный Фиорд. В Траное он услышал от норвежских пилотов, что шесть судов более крупных, чем его истребители, прошли в гавань и что вход в гавань минирован. Он сообщил эту информацию и добавил: «Намерен атаковать на заре». Получив это сообщение, адмирал Уайтсворт стал взвешивать, сможет ли он уси-

лить атакующие силы из своей теперь увеличившейся эскадры, но срок оказывался слишком коротким, и он подумал, что в этот момент его вмешательство может вызвать задержку. Фактически мы в Адмиралтействе не хотели рисковать в таком предприятии «Реноуном» — одним из двух наших линейных крейсеров. Последнее, переданное капитану Варбуртон-Ли сообщение Адмиралтейства гласило:

«Суда норвежской береговой обороны могут быть в немецких руках. Вы одни можете судить, следует ли атаковать в данных условиях. Окажем поддержку, каково бы ни было Ваше решение.»

Его ответ был:

«Иду в бой».

10-го апреля пять британских истребителей в тумане и снежной буре двинулись вверх по фиорду и на заре остановились у Нарвика. В гавани было пять неприятельских истребителей. В первой атаке «Харди» торпедировал судно с вымпелом германского командующего, который был убит; другой истребитель был потоплен двумя торпедами, а остальные три были так подавлены орудийным огнем, что не могли оказать серьезного сопротивления. В гавани были также двадцать три коммерческих судна различных национальностей, в том числе пять английских; шесть немецких были разрушены. До этого момента атаковали только три из пяти истребителей. «Хатспур» и «Хостайл» были оставлены в резерве на страже против береговых батарей и на случай приближения новых германских судов. Они приняли участие во второй атаке, и «Хатспур» потопил торпедами еще два коммерческих судна. Корабли капитана Варбуртон-Ли остались неповрежденными, огонь неприятеля был явно приведен к молчанию, и после часового боя ни одно новое судно не вышло из какой-либо маленькой бухты.

Но тут счастье переменилось. Возвращаясь из третьей атаки, капитан Варбуртон-Ли увидел три новых судна, приближавшихся из Фиорда Херьангс. Они не обнаружили желания приблизиться, и сражение началось на расстоянии четырех миль. Внезапно из тумана появились еще два военных судна. Это не были, как наши сначала надеялись, британские подкрепления, но два германских истребителя, до того стоявших на якоре в фиорде Балланген. Скоро более тяжелые орудия немецких судов стали оказывать свое действие. На «Харди» был разбит мост, Варбуртон-Ли был смертельно ранен, все его офицеры и помощники убиты или ранены за исключением его секретаря, лейтенанта Станнинга, взявшего рулевое колесо. Затем снаряд взорвался в машинном отделении, и под тяжелым огнем истребитель был загнан на мель. Последний сигнал капитана «Харди» его флотилии был:

«Продолжайте атаковать неприятеля».

Тем временем «Хантер» был потоплен, а «Хатспур» и «Хастайл», оба поврежденные, направились с «Хэвок» к открытому морю. Неприятель, который раньше заграждал им проход, теперь не был в состоянии их остановить. Через полчаса они встретили подходивший с моря большой корабль, который оказался «Рауенфельсом», везшим запасную амунизию для немцев. Он был обстрелен «Хэвоком» и скоро взорван. Уцелевшие моряки с «Харди» пробились на берег с телом их командира, которому посмертно был пожалован Крест Виктории. Он и его люди оставили след и в рядах неприятеля и в нашей морской истории.

9-го апреля Рейно и Даладьё прилетели в Лондон, и после полудня состоялось заседание Верховного военного совета, посвященное тому, что тогда называ-

лось «германской акцией вследствие закладывания мин в норвежских территориальных водах». Чемберлэн сразу подчеркнул, что мероприятия неприятеля, несомненно, были планированы заранее и совершенно независимо от наших. Это было очевидно даже тогда. Рейно сообщил нам, что утром французский Военный совет под председательством президента республики в принципе решил в случае германской атаки двинуть войска в Бельгию. Он сказал, что присоединение от восемнадцати до двадцати бельгийских дивизий, помимо сокращения фронта, фактически устранил преобладание немцев на западе. Французы будут согласны связать эту операцию с закладкой на Рейне пловучих мин. Он добавил, что полученные им сообщения из Бельгии и Голландии указывают на близость германской атаки на эти страны; одни говорят о днях, другие о часах.

По вопросу об экспедиции в Норвегию военный министр напомнил Совету, что две британские дивизии, первоначально предназначавшиеся для помощи Финляндии, с тех пор были отправлены во Францию. Во всем Объединенном Королевстве имеются только одиннадцать батальонов. Из них два отплывают этой ночью. Остальные по разным причинам не будут готовы к отправке в течение трех-четырех дней или даже дольше.

Совет решил, что значительные силы должны быть посланы, куда только возможно, к портам на норвежском побережье, и были установлены совместные планы. Французская альпийская дивизия получила приказ погрузиться в течение двух или трех дней. Мы были в состоянии отправить два батальона в ту же ночь, пять батальонов через три дня и еще четыре через две недели — всего одиннадцать. Все дополнительные британские силы, предназначавшиеся для Скандинавии, будут взяты из Франции. Соответствующие меры

должны быть приняты, чтобы занять Фароские острова, и Исландии будет дано заверение об ее защите. Были согласованы морские мероприятия в Средиземном море на случай вмешательства Италии. Было также решено сделать настойчивое представление бельгийскому правительству, чтобы оно пригласило союзные армии вступить в Бельгию. Наконец, было подтверждено, что должна быть осуществлена операция «Королевская морская пехота», в случае если немцы атакуют на западе или вступят в Бельгию.

**

Я отнюдь не был доволен тем, что до сих пор произошло в Норвегии. Я писал адмиралу Паунду:

10-го апреля

«Немцам удалось захватить на норвежском побережье все порты, включая Нарвик, и, чтобы выкинуть их из какого-либо порта, потребуются операции большого масштаба. Норвежский нейтралитет и соблюдение его нами сделали невозможным предупредить этот беззащитный удар. Теперь необходим новый подход. Мы должны мириться с неприятной возможностью воздушных атак с короткого расстояния на наши северные базы. Мы должны отрезать Берген посредством охраняемого минного поля и сосредоточиться на Нарвике, из-за которого придется долго и жестоко биться.

Необходимо немедленно получить на норвежском берегу одну или две нефтяные базы, и тут имеется большой выбор. Этот вопрос рассматривается штабом. Выгода иметь на норвежском берегу хотя бы импровизированную базу очень велика, и теперь, когда неприятель имеет там базы, нам без этого нельзя обойтись. Морской штаб отбирает различные места, где имеются подходящие якорные стоянки, которые можно защищать, и без сообщений во внутрь страны. Если у нас этого не будет очень скоро, мы не сможем соперничать с немцами в их теперешнем положении.

Мы должны также использовать преимущества Фароских островов. За Нарвик необходимо бороться. Хотя нас совершенно перехитрили, нет оснований полагать, что дли-

тельная и серьезная борьба в этой области не окажется для неприятеля более изнурительной, чем для нас».

В течение трех дней мы были завалены сообщениями и слухами из нейтральных стран и триумфальными заявлениями немцев о потерях, которые они нанесли британскому флоту, и о мастерском ударе, которым они захватили Норвегию из-под носа наших превосходящих морских сил. Было очевидно, что Англию предупредили, застигли врасплох и, как я писал Первому морскому лорду, перехитрили. Страна была охвачена гневом, и главная тяжесть падала на Адмиралтейство. В четверг 11-го я должен был выступить перед взволнованной и негодующей Палатой общин. Я следовал методу, который я всегда находил наиболее действительным в таких случаях — дать спокойное, неторопливое изложение фактической стороны событий в их последовательности, полностью высказывая самые неприятные истины. Я в первый раз публично объяснил, в какое невыгодное положение ставило нас с начала войны злоупотребление немцами норвежским коридором или «прикрытым путем», и как мы в конце концов преодолели нашу щепетильность, которая «причиняла нам вред, но в то же время делала честь».

«Нет никакого смысла осуждать Союзников за то, что они не оказали достаточной помощи и защиты нейтральным странам, если нас не подпускали близко до тех пор, пока нейтральные не подверглись атаке, проведенной по научно подготовленному германскому плану. Строгое соблюдение Норвегией ее нейтралитета является одной из причин тех страданий, которым она теперь подвергнута, и ограниченности той помощи, которую мы можем ей оказать. Я надеюсь, что этот факт будет взвешен другими странами, которые завтра или через неделю или через месяц могут стать жертвами такого же тщательно разработанного плана их разрушения и порабощения».

Я описал недавнее возвращение нашего флота в Скапа Флоу и движения, которое мы немедленно про-

извели, чтобы перехватить германские силы на севере, и как неприятель фактически оказался между находившимися с двух сторон от него превосходными силами.

«Тем не менее он ускользнул... Вы можете смотреть на карту, видеть расставленные в разных местах флажки и считать, что успех обеспечен, но когда вы выходите в море с его огромными расстояниями, его бурями и туманами, наступлением ночи и всеми непредвидимыми факторами, которые только существуют, вы не можете ожидать, что те же условия, которые являются подходящими для передвижения армий, могут найти какое-либо применение в полной случайностями морской войне...

Когда мы говорим о господстве над морями, это не означает господства над каждой частью этих морей одновременно и в любой момент. Это означает только, что мы в конечном счете можем добиться своего в любой части, выбранной для операций, и таким образом косвенно осуществить нашу волю во всех частях. Нельзя вообразить себе ничего более безумного, чем предположение, что следовало растратывать человеческие жизни и силу Королевского флота непрерывным патрулированием вверх и вниз вдоль норвежского и датского побережья, становясь мишенью для подводных лодок, на тот случай, если Гитлер предпримет тот удар, который он нанес».

Палата слушала с возрастающим сочувствием мой, основанный на только что полученных сведениях, рассказ о столкновении во вторник между «Реноун» и неприятелем, о воздушной атаке на наш флот около Бергена и в особенности о проникновении Варбуртона-Ли в норвежский порт и о его действиях. Я кончил словами:

«Каждый должен признать необычайный характер и безрассудную смелость риска вывести весь германский флот на неукротимые моря войны, как будто это был только прилавок, который надо было отодвинуть для чего-либо... И это самое безрассудство заставляет меня думать, что эти дорого стоящие операции являются только прелюдией к гораздо более крупным операциям, которые назревают на суше. Мы, вероятно, подошли к первой схватке в этой войне».

После полутора часов Палата, видимо, была настроена гораздо менее холодно. Немного позже будет еще о чем рассказать.

**
*

Утром 10-го апреля «Уорспайт» присоединился к эскадре главнокомандующего, который двигался на Нарвик. Узнав об имевшей место на заре атаке капитана Варбуртона-Ли, мы решили сделать еще одну попытку. Крейсеру «Пенелопа» с эскортом истребителей было предписано атаковать, «если в свете опыта сегодняшнего утра Вы считаете, что можно оправдать такую операцию». Но пока сигналы передавались, «Пенелопа», искавшая неприятельские транспорты, находившиеся, по полученному сообщению, у Бодо, попала на мель. На следующий день (12-го) с «Фюриус» была произведена пикирующая атака бомбардировщиков на находившиеся в норвежской гавани германские суда. Атака до конца проводилась во время ужасной погоды и при слабой видимости, и были замечены четыре попадания в истребители ценой потери двух аэропланов. Этого было недостаточно. Мы очень хотели получить Нарвик и твердо решили очистить его, по меньшей мере, от германского флота. Теперь приближался кульминационный пункт.

Мы держали в стороне драгоценный «Реноун». Адмирал Уайтворт перенес свой флаг на «Уорспайт», и в полдень 13-го вошел в фиорд, эскортируемый девятью истребителями и пикирующими бомбардировщиками с «Фюриус». Минных полей не было, но одна подводная лодка была прогнана истребителями, а другую потопил «Сурдфиш», собственный аэроплан «Уорспайта»; он же открыл германский истребитель, подстерегавший в маленькой бухте, чтобы из этой засады пустить свои торпеды в броненосец. Неприятель-

ский истребитель был быстро уничтожен. В 1.30 ч., когда наши суда прошли узкую часть пролива и были в дюжине миль от Нарвика, впереди них в легком тумане появились пять неприятельских истребителей. Сразу разгорелась жаркая битва, все суда обеих сторон стреляли и быстро маневрировали. «Уорспайт» не нашел береговых батарей для своей атаки и с убийственной силой вмешался в бой истребителей. Гром его пятнадцати-дюймовых орудий отдавался в окрестных горах как голос рока. Перед лицом значительно превосходящих сил неприятель отступал, и сражение распалось на отдельные схватки. Некоторые из наших судов вошли в нарвикскую гавань, чтобы закончить там дело разрушения; другие с «Эскимосом» во главе преследовали трех немецких истребителей, искавших убежища в верховьях фиорда Ромбанс, и там их уничтожили. Нос «Эскимоса» был взорван торпедой, но в этом втором морском сражении у Нарвика все восемь неприятельских истребителей были потоплены или превращены в развалины без того, чтобы мы потеряли хоть одно судно.

Когда сражение кончилось, адмирал Уайтворт думал послать отряд на берег, чтобы занять город, где, как казалось, в данный момент не было неприятеля. Но если огонь «Уорспайта» не оказался бы достаточным, чтобы господствовать над полем действия, следовало ожидать неизбежной атаки значительно превосходящих германских войск. При наличности угрозы с воздуха и от подводных лодок он не считал правильным так долго подставлять под опасность свой прекрасный корабль. Его решение окрепло, когда в 6 ч. пополудни появилась дюжина немецких аэропланов. Поэтому рано утром следующего дня он ушел, забрав раненых с истребителей. «По моему впечатлению, — сказал он, — неприятельские силы в Нарвике основательно перепуганы результатами сегодняшнего

сражения. Я рекомендую безотлагательно занять город главными десантными силами». Два истребителя были оставлены у порта, чтобы наблюдать за событиями, и один из них выручил оставшихся в живых моряков «Харди», которые до того времени продержались на берегу.

**
*

Его Величество, морские инстинкты которого были сильно возбуждены столкновением британского и германского флотов в северных водах, написал мне следующее ободряющее письмо:

Букингэмский дворец. 12 апреля 1940 г.

«Дорогой мистер Черчилль,

Я хотел поговорить с Вами о последних, замечательных событиях в Северном море, за которыми я, как моряк, естественно, следил с жгучим интересом, но я сознательно воздержался от того, чтобы отнимать у Вас время, так как знаю, какое бремя возложено на Вас Вашей все увеличивающейся ответственностью как председателя Координационного комитета. Однако я буду просить Вас зайти ко мне, как только настанет затишье. А пока я бы хотел поздравить Вас с тем, как великолепно флот под Вашим руководством противостоял германскому наступлению против Скандинавии. Я также прошу Вас заботиться о себе и давать себе тот отдых, какой только возможен в эти критические дни.

Искренно Ваш

Георг».

13

НАРВИК

В течение многих поколений Норвегия с ее простым, суровым населением, занимавшимся торговлей, мореплаванием, рыболовством и земледелием, стояла в стороне от шума мировой политики. Давно миновали дни, когда викинги отправлялись, чтобы завоевать или опустошить большую часть известного тогда мира. Столетняя война, Тридцатилетняя война, войны Вильгельма III и Мальборо, Наполеоновские потрясения и более поздние конфликты оставили Норвегию — тем временем отделившуюся от Дании — целой и невредимой. Большая часть народа думала о нейтралитете и только о нейтралитете. Маленькая армия и население, хотевшие только мирно жить в своей гористой и полуарктической стране, стали теперь жертвами новой германской агрессии.

В течение многих лет немецкая политика проявляла по отношению к Норвегии симпатию и дружбу. После предыдущей войны несколько тысяч немецких детей нашли у норвежцев кров и пищу. Теперь они подросли в Германии, и многие из них были пламенными нацистами. Имелся также майор Квислинг, который с кучкой молодых людей обезьянил и воспроизводил в крошечном масштабе фашистское движение. В течение нескольких последних лет в Германии устраивались «северные встречи», на которые норвежцы приглашались в большом количестве. Немецкие лекто-

ры, актеры, певцы и ученые приезжали в Норвегию, чтобы содействовать культурному общению. Все это было вплетено в ткань гитлеровского военного плана, и внутри страны был организован широко раскинутый прогерманский заговор. В нем, по директивам из германского посольства, играли свою роль каждый член германской дипломатической или консульской службы, каждое немецкое торговое агентство. Совершенный теперь акт низости и предательства может занять в истории свое место рядом с Сицилийской вечерней и Варфоломеевской ночью. Председатель норвежского парламента Карл Гамбро писал:

«В случае Польши, а позднее Голландии и Бельгии был обмен нот, были предъявлены ультиматумы. В случае Норвегии немцы под маской дружбы пытались уничтожить нацию темной ночью, молча, как убийцы, без объявления войны, без всякого предупреждения. Больше чем самый акт агрессии норвежцев ошеломило осознание всей нацией, что великая держава, годами выражавшая свою дружбу, внезапно оказалась смертельным врагом; и что люди, с которыми были тесные деловые или профессиональные отношения, которых радушно принимали в домах, были шпионами и агентами разрушения. Более, чем нарушением договоров и всех международных обязательств норвежский народ был озадачен тем, что его немецкие друзья вырабатывали самые детальные планы для вторжения и вслед за тем порабощения его страны».

Король, правительство, армия и народ, как только они поняли, что происходит, вспыхнули яростным гневом. До тех пор германская инфильтрация и пропаганда усыпляли их прозорливость, а теперь подрывали их способность сопротивления. Майор Квислинг по находившемуся теперь в немецких руках радио, сам представил себя, как прогерманского правителя завоеванной страны. Почти все норвежские чиновники отказались ему служить. Армия была мобилизована и под командой генерала Руге сейчас же начала сражаться с агрессорами, нажимавшими в северном от Осло

направлении. Те из патриотов, которые смогли достать оружие, ушли в горы и леса. Король, министры и парламент сначала перебрались в Гамар, в ста милях от Осло. Немцы гнались за ним по горячим следам на броневиках и пытались истребить их с воздуха бомбами и пулеметным огнем. Они продолжали однако выпускать воззвания, призывая всю страну к самому энергичному сопротивлению. Остальное население было подавлено силой и было терроризировано кровавыми примерами до состояния тупого или затаившего злобу подчинения. Норвежский полуостров имеет в длину около тысячи миль. Он редко заселен, дорог и железнодорожных путей мало, в особенности по направлению к северу. Быстрота, с которой Гитлер осуществил господство над Норвегией, было замечательным актом войны и политики, а также на долгие времена она стала образцом немецкой основательности, коварства и жестокости...

Норвежское правительство, которое из страха перед Германией было до сих пор сдержанно по отношению к нам, теперь обратилось со страстными призывами о помощи. С самого начала для нас была очевидна невозможность спасти южную Норвегию. Почти все наши обученные и многие только полуобученные войска находились во Франции. Наши скромные, но растущие воздушные силы были целиком заняты поддержкой британского экспедиционного корпуса, обороной страны и энергичной тренировкой. Все наши противовоздушные орудия требовались в десятикратном количестве для защиты уязвимых пунктов величайшей важности. Тем не менее мы чувствовали себя обязанными сделать крайние усилия, чтобы прийти на помощь норвежцам, даже ценой огромного ущерба для собственных приготовлений и интересов. Нам представлялось, что Нарвик наверняка может быть захвачен и удержан с пользой для всего союзного де-

ла. Здесь сможет развеяться флаг непокоренного норвежского короля. Было желательно бороться за Трондхейм, хотя бы с целью задержать продвижение агрессоров на север до того, как Нарвик будет взят и сделан базой для армии. Такую базу представлялось возможным удерживать с моря посредством сил, превосходящих все, что могло быть доставлено по земле через пятьсот миль гористой местности. Кабинет с воодушевлением одобрил все возможные меры для взятия и защиты Нарвика и Трондхейма. Войска, освободившиеся от финского проекта, и ядро, державшееся под рукой для Нарвика, могли быть скоро готовы. Им нехватало авиации, противовоздушных орудий, противотанковых орудий, танков, транспортных средств и тренировки. Весь север Норвегии был покрыт снегом такой глубины, какой никто из наших солдат не видел, не подозревал и не представлял. Не было ни лыж, ни лыжников. Мы должны были сделать, что могли. Так началась эта по всем швам трещавшая кампания.

**

Были все основания думать, что Швеция будет ближайшей жертвой Германии или России, и, может быть, и той и другой. Если бы Швеция пришла на помощь ее находившемуся в крайней нужде соседу, военное положение в данный момент изменилось бы. Шведы имели хорошую армию. Они легко могли войти в Норвегию. Со своими значительными силами они могли бы быть в Трондхейме до немцев. Там мы могли бы с ними соединиться. Но какова была бы судьба Швеции в следующие месяцы? Их свалила бы месть Гитлера, а Медведь стал бы их мять с востока. С другой стороны, шведы могли купить нейтралитет, поставя немцам в течение приближавшегося лета всю

необходимую железную руду. Для Швеции выбор был: выгодный нейтралитет или порабощение. Ее нельзя порицать за то, что она не смотрела на вещи с точки зрения нашего неподготовленного, но теперь возбужденного острова.

После заседания Кабинета, утром 11-го апреля, я написал следующую записку, которую, может быть, оправдывают те жертвы, которые мы приносили ради прав малых наций и международного права:

«Премьер-министру.

Министру иностранных дел.

Я не вполне удовлетворен результатом дискуссии сегодня утром, ни тем, что я в нее внес. Мы хотим, чтобы Швеция не оставалась нейтральной, но объявила войну Германии. Но мы не хотим ни дать три дивизии, которыми мы ее соблазняли, чтобы обеспечить финляндский проект, ни полностью снабжать ее продовольствием во все время войны, ни бомбардировать Берлин и т. д. в случае бомбардировки Стокгольма. Такие ставки больше того, что стоит платить в данное время. С другой стороны, мы должны делать все возможное, чтобы побудить ее войти в войну, заверив ее, что мы поможем всем, что в наших силах, что наши войска будут сражаться на Скандинавском полуострове, что мы и она, как верные союзники, будем бороться за общее дело, не заключим мира без нее, или пока ее права не будут защищены. Дали ли мы такие директивы англо-французской миссии? Кроме того, наша дипломатия в Стокгольме должна быть активной.

Надо помнить, что Швеция скажет «Благодарим покорно» в ответ на предложения с нашей стороны защищать гелливарские железные рудники. Она легко может это сделать сама. Ее слабость на юге, где мы мало что можем сделать. Все же будет иметь некоторое значение, если мы заверим ее, что мы намерены как можно скорее нашими главными силами открыть нарвикскую дорогу от Атлантического океана в Швецию, и что мы также предполагаем очистить один за другим занятые немцами пункты на норвежском побережье и тем открыть другие пути.

Если начнется большое сражение во Фландрии, Германия не сможет сберечь много сил для Скандинавии а, с дру-

гой стороны, если немцы не будут атаковать на западе, мы сможем посылать войска в Скандинавию пропорционально числу немецких дивизий, снимаемых с западного фронта. Мне думается, что мы не должны лить холодную воду на идею французов стараться побудить шведов вступить в войну. Будет большим несчастьем, если они останутся нейтральными и откупятся от Германии доставкой по Ботническому заливу руды из Гелливары.

Я должен просить извинения за то, что сегодня утром недостаточно вник в вопрос, но я пришел только после того, как дискуссия уже началась, и как следует не сосредоточился».

В ответе министра иностранных дел были правильные мысли, которые меня убедили. Он писал, что премьер-министр и он согласны с моей общей концепцией, но сомневаются относительно метода, при помощи которого я предлагаю воздействовать на Швецию.

11 апреля 1940 г.

«Из всей информации, которую мы имеем из дружественных Союзникам шведских источников, следует, что всякие представления, которые легко могут быть истолкованы шведами, как попытка вовлечь их в войну, будут иметь результаты, противоположные тем, которых мы хотим. Их непосредственной реакцией было бы, что мы стараемся добиться, чтобы они делали то, что мы не можем или не хотим делать, пока у нас нет одного или нескольких норвежских портов. Поэтому результат принесет нам больше вреда, чем пользы».

**
*

Было легко быстро вновь собрать для нарвикской экспедиции небольшие силы, которые были разбросаны только несколько дней до этого. Одна британская бригада с ее вспомогательными войсками начала грузиться немедленно, и 12-го апреля первый конвой отплыл в Нарвик. За ней через неделю или две должны были последовать два или три батальона альпийских стрелков и другие французские части. К северу от Нар-

вика имелись также норвежские силы, которые помогут нашим высадкам.

Генерал-майор Мэкези был 5-го апреля предназначен командовать всякой экспедицией, которая могла быть послана к Нарвику. Его инструкции были сформулированы применительно к случаю, что имеется дружественная нейтральная держава, у которой просят некоторого содействия. Среди приложений к ним было следующее указание относительно бомбардировок:

«Совершенно незаконно бомбардировать заселенную площадь в надежде попасть в законную мишень, о которой известно, что она там находится, но которую, как и ее местонахождение, нельзя точно установить».

Ввиду германского вторжения, 10-го апреля генералу были даны новые, более решительные инструкции. Они давали ему больше свободы действий, но не отменяли приведенного ограничения. Их содержание в основном сводилось к следующему:

«Правительство Его Величества и правительство Французской республики решили послать сухопутные войска, чтобы открыть в северной Норвегии операции против Германии. Задачей этих войск будет вытеснить немцев из района Нарвика и овладеть самим Нарвиком... Вашей первоначальной задачей будет расположить Ваш отряд в Гарстаде, обеспечить содействие норвежских сил, которые могут там оказаться, и получить информацию, необходимую, чтобы сделать возможным планирование дальнейших операций. Не предполагается, что Вы должны высадиться, если встретите сопротивление. Однако, Вы можете встретить сопротивление вследствие ошибочной идентификации; тогда Вы должны, прежде чем отказаться от высадки, принять нужные меры, чтобы была установлена национальность Вашего отряда. Решение, высаживаться или нет, должно быть принято старшим морским офицером в совместном с Вами обсуждении. Если высадка в Гарстаде невозможна, следует попытаться в другом подходящем месте. Высадка должна быть произведена, когда у Вас будут достаточные силы».

В то же время генералу Мэкези было вручено личное письмо главы начальников штабов генерала Айронсайда, в котором было следующее замечание: «Вам может представиться случай извлечь пользу из морской операции, и Вы, если сможете, должны это сделать». Это звучало несколько иначе, чем формальные инструкции.

Мои отношения с лордом Корк и Оррери стали близкими за те долгие месяцы, во время которых происходило интенсивное обсуждение балтийской стратегии. Несмотря на некоторые разногласия по вопросу о «Катерине», он был в хороших отношениях с Первым морским лордом. На основании долгого и тяжелого опыта я хорошо научился различать разницу между смелым продвижением вещей на бумаге, когда они изучались и испытывались — в процессе умственной вооруженной рекогносцировки — и тем, чтобы их делать или добиваться, чтобы они были осуществлены. Адмирал Паунд и я, хотя и по несколько различным основаниям, оба были согласны в том, что лорд Корк должен командовать этим комбинированным предприятием морских и сухопутных сил на севере. Мы оба настаивали, чтобы он не колебался рисковать, но действовал тяжелыми ударами, чтобы захватить Нарвик. Так как мы все были согласны и могли совместно обсудить положение, мы предоставили ему исключительные полномочия и не дали никаких письменных распоряжений. В своей телеграмме он сказал: «Я оставил Лондон под впечатлением, что Правительство Его Величества хочет возможно скорее выбросить неприятеля из Нарвика, и что я должен действовать со всей возможной быстротой, чтобы достичь этого результата».

Наша штабная работа в то время еще не была урегулирована военным опытом, и деятельность военных ведомств не была согласована, кроме как заседа-

ниями Комитета военной координации, в котором я только что начал председательствовать. Ни я, как председатель Комитета, ни Адмиралтейство не были ознакомлены с инструкциями военного министерства генералу Мэкези, и так как директивы Адмиралтейства были даны лорду Корку устно, то не было писаного текста, чтобы сообщить его военному министерству. Инструкции обоих министерств, хотя и одушевленные той же целью, несколько отличались в тоне и степени решительности. Это, может быть, способствовало разногласиям, которые скоро возникли между сухопутным и морским командующими.

Вечером 12-го апреля лорд Корк, находясь на «Авроре», с большой скоростью отплыл из Розита. Он намеревался встретить генерала Мэкези в Гарстаде, небольшом порту на острове Гинней в фиорде Вагс, который был выбран, как военная база, хотя и находился в ста двадцати милях от Нарвика. Но 14-го он получил сигнал от адмирала Уайтворта, находившегося на «Уорспайте», который уничтожил накануне все германские истребители и транспортные суда: «Я убежден, что сейчас можно взять Нарвик прямой атакой без опасности встретить серьезное сопротивление высадке... Я считаю, что главный десантный отряд может быть небольшим»... Ввиду этого лорд Корк направил «Аврору» к фиорду Скъель среди Лофотенских островов, фланкируя подступ к Нарвику, и приказал «Саутхэмптону» там же к нему присоединиться. Он намеревался организовать ударную группу для немедленной атаки в составе двух рот шотландской гвардии, погруженных на «Саутхэмптон», и отряды матросов и морской пехоты с «Уорспайта» и других судов, уже находившихся в фиорде Скъель. Однако он не смог немедленно снестись с «Саутхэмптоном» вследствие ответа Адмиралтейства, который содержал следующую фразу: «Мы считаем обязательным, чтобы

Вы и генерал были вместе, действовали вместе и чтобы не было никакой атаки иначе как совместной». Поэтому лорд Корк отправился из фиорда Скъель в Гарстад, а утром 15-го привел в тамошнюю гавань конвой, перевозивший 24-ую бригаду. Эскортирующие его истребители уничтожили бродившую поблизости подводную лодку.

Лорд Корк убеждал генерала Мэкези воспользоваться уничтожением германских морских сил и возможно скорее произвести прямую атаку на Нарвик, но генерал возражал, что неприятель с его пулеметными позициями крепко держит в своих руках гавань. Он указал также на то, что его транспортные суда нагружены не для атаки, а только для высадки без сопротивления. Он открыл свою главную квартиру в отеле в Гарстаде, и его войска начали там высаживаться. На следующий день он утверждал, что согласно имеющейся информации высадка в Нарвике невозможна, и бомбардировка с моря этому не поможет. Лорд Корк считал, что с помощью подавляющего пулеметного огня можно высадить войска в Нарвике с небольшими потерями, но генерал не соглашался и нашел для своего оправдания некоторые аргументы в данных ему инструкциях. Мы в Адмиралтействе настаивали на немедленной атаке. Между взглядами военного и морского командования образовался тупик.

В это время погода сильно ухудшилась, и густо падающий снег, видимо, парализовал все движения наших войск, не подготовленных и не имевших снаряжения для таких условий. Тем временем немцы своими пулеметами удерживали в гавани наши растущие силы. Это была серьезная и неожиданная задержка.

**
**

Большая часть всего, что касалось нашей импровизированной кампании, проходило через мои руки, и

я предпочитаю, насколько возможно, рассказывать о ней моими словами того же времени. У премьер-министра было сильное желание, разделяемое Военным кабинетом, занять не только Нарвик, но и Трондхейм. Эта операция, как ее назвали, «Мориц» обещала быть большим предприятием. Согласно отчету Комитета военной координации от 13-го апреля:

«(Я был) очень осторожен по отношению к каждому предложению, которое могло иметь тенденцию ослабить наше намерение взять Нарвик. Нельзя допустить ничего, что помешало бы сделать как можно более верным захват этого пункта. Наши планы операций против Нарвика подготовлены очень тщательно, и, повидимому, имеются все шансы, что они приведут к успеху, если будет возможность выполнить их, ничем их не осложняя. Наоборот, Трондхейм был делом гораздо более гадательным, и я возражал против каждого предложения отвлечь альпийских стрелков до того, как мы окончательно обосновались в Нарвике. Иначе мы можем оказаться вовлеченными в ряд слабых операций вдоль норвежского побережья, из которых ни одна не удался.

В это время внимание было уже обращено на район Трондхейма, и был подготовлен план обеспечить места для высадки на случай, если окажется необходимой операция большого масштаба. Высадка небольших морских сил в Намсосе состоится сегодня после полудня. Начальник имперского Генерального штаба собрал отряд в пять батальонов, из которых два будут готовы высадиться на норвежском берегу 16-го, а остальные три, если потребуется, 21-го. Пункты, в которых должны быть произведены высадки, будут установлены сегодня вечером. По первоначальным инструкциям генерал Мэкези после высадки в Нарвике должен был быстро двинуться к гелливарским рудникам. Теперь ему было предписано дойти только до шведской границы, потому что, если Швеция дружелюбна, то нет основания бояться за рудники, а, если враждебна, то трудность их занятия будет слишком велика».

Я также сказал:

«Может оказаться необходимым осаждать германские силы в Нарвике, но мы не должны допустить, чтобы опе-

рация выродилась в осаду, иначе как после очень решительного сражения. Исходя из этого, я готов телеграфировать французам, что мы считаем, что нам удастся захватить Нарвик посредством энергичного натиска. Мы должны объяснить, что это стало много легче благодаря изменению директив, которые больше не требуют, чтобы экспедиция шла дальше шведской границы».

Военный кабинет решил предпринять и нарвикскую и трондхеймскую операции. Военный министр предусмотрительно предостерег нас, что наши подкрепления для Норвегии скоро могут понадобиться нашей армии во Франции, и предложил, чтобы мы, как можно скорее, снеслись с французами по этому вопросу. Я с этим согласился, но думал, что в течение одного или двух дней еще преждевременно говорить об этом с французами. Это было принято. Военный кабинет одобрил предложение информировать шведское и норвежское правительства, что мы намереваемся взять и Трондхейм и Нарвик; что мы признаем чрезвычайную важность Трондхейма, как стратегического центра, но что важно обеспечить обладание Нарвиком, как морской базой. Мы добавили, что мы не намереваемся двинуть наши силы за шведскую границу. В то же время мы должны были попросить французское правительство предоставить нам свободу использовать альпийских стрелков вместо Нарвика в другом месте, и сообщить ему то, что мы говорили шведскому и норвежскому правительствам. Ни я, ни Стэнли не были довольны рассеянием наших сил. Мы оба попрежнему были за то, чтобы все сосредоточить на Нарвике за исключением диверсий в других местах. Но мы подчинились общему мнению, которое не было лишено веских оснований.

В ночь с 16-го на 17-ое из Нарвика пришли разочаровывающие известия. Как следовало из них, генерал Мэкези не намеревался пытаться захватить город немедленной атакой под прикрытием бомбардировки с моря на близком расстоянии, и лорд Корк не мог его переубедить. Я изложил моему Комитету положение, как оно тогда представлялось.

17 апреля

«1. Телеграмма лорда Корка показывает, что генерал Мэкези предполагает занять две неоккупированных позиции на подступах к Нарвику и держаться там, пока не растает снег, то есть, может быть, до конца месяца. Генерал ожидает, что ему будет послана первая полубригада альпийских стрелков, чего наверняка не будет. Такая линия поведения означает, что мы должны на несколько недель задержаться перед Нарвиком. Тем временем немцы будут заявлять, что они вынудили нас к бездействию и что Нарвик все еще в их руках. Это произведет вредное действие и на норвежцев и на нейтральных. Более того, укрепление Нарвика немцами будет продолжаться, так что, когда придет время, понадобится больше усилий. Эта информация и неожиданна и неприятна. Одна из лучших бригад нашей армии будет чахнуть, теряя людей от болезней и не играя никакой роли. Предлагается обсудить, не следует ли послать лорду Корку и генералу Мэкези следующую телеграмму:

Ваши предложения создают вредную мертвую точку у Нарвика и нейтрализацию одной из наших лучших бригад. Мы не можем послать вам альпийских стрелков. «Уорспайт» через два или три дня понадобится в другом месте. Вы должны поэтому полностью осветить вопрос об атаке на Нарвик при поддержке «Уорспайта» и истребителей, которые также могут оперировать в фиорде Ромбаке. Взятие порта и города было бы большим успехом. Мы хотели бы узнать от вас основания, по которым это невозможно, и вашу оценку сопротивления, которого следует ожидать на берегу. В высшей степени спешно.

2. Второй, требующий решения пункт, это, должны ли альпийские стрелки быть отправлены сразу на присоединение к генералу Картон де Виару в Намсосе или за Намсосом, или же, что легче, их следует задержать в Скапе и использовать для трондхеймской операции 22 или 23 апреля, вместе с другими войсками, имеющимися для этой главной атаки.

3. Можно надеяться, что два батальона 146-ой бригады высадились сегодня еще до зари в Намсосе и Бандзунде. Третий батальон завтра совершит опасное путешествие на «Чобри» и, если все пойдет хорошо, прибудет в Намсос к сумеркам и высадится. Якорная стоянка в Лиллейонас бомбардировалась в течение всего пополудня, без того чтобы оба транспорта были задеты, и большое судно в 18.000 тонн возвращается теперь пустым в Скапу. Если авангард альпийских стрелков должен быть использован в Намсосе, он должен идти прямо туда, не устраивая сборного пункта в Лиллейонас.

4. Сегодня должен быть решен вопрос, достаточны ли силы, имеющиеся в распоряжении для атаки на Трондхейм. Два гвардейских батальона, которые нужно мобилизовать, то есть снарядить, не будут готовы во время. Два батальона французского иностранного легиона не могут прибыть во время. Однако одна регулярная бригада из Франции может быть готова к отплытию из Розита 20-го. Первая и вторая полубригады альпийских стрелков также могут прибыть во время. Получена в распоряжение тысяча канадцев. Еще имеется батальон территориальных войск. Достаточно ли этого, чтобы справиться с немцами в Трондхейме? Опасности отсрочки очень велики, и нет надобности их еще раз перечислять.

5. Адмирал Голланд отправляется, чтобы 18-го встретить главнокомандующего флота метрополии по его возвращении в Скапу, и он должен иметь с собой исчерпывающие и ясные решения. Можно не сомневаться в том, что флот с радостью согласится перевозить войска к Трондхейму.

6. Этой ночью и завтра утром будет, вероятно, происходить сражение за обладание Андалнесом. Мы надеемся, что передовой отряд с крейсера «Калькутта» уже высадился, и направляем достаточное число крейсеров, чтобы отбить возможную на заре атаку пяти вражеских истребителей.

7. Бомбардировка с моря аэродрома в Ставангере начнется сегодня на заре».

Комитет одобрил телеграмму, которая и была послана. Она осталась без результатов. Остается под вопросом и мнение, могла ли удасться такая атака. Она не требовала бы маршей по снегу, но, с другой стороны, высадка с открытых лодок в нарвикской гавани

и в фиорде Ромбакс происходила бы под пулеметным огнем. Я рассчитывал на действие бомбардировки с близкого расстояния из могучих корабельных батарей, которая раздробила бы набережные и покрыла бы дымом и тучами снега все немецкие пулеметные позиции. Адмиралтейство снабдило и броненосец и истребители соответствующими снарядами большой взрывной силы. Во всяком случае, лорд Корк, который был на месте и в состоянии измерить силу такой бомбардировки, очень настаивал на такой попытке.

Мы имели больше четырех тысяч наших лучших регулярных войск, включая гвардейскую бригаду и морскую пехоту, которые, раз очутившись на берегу, вступили бы в рукопашный бой с обороняющимися немцами, регулярные войска которых, кроме спасенных экипажей с потопленных истребителей, мы оценивали — и, как мы теперь знаем, правильно — в половину наших сил. В прошлую войну на западном фронте это считалось бы удовлетворительным соотношением, и в данном случае новых факторов не было. Позднее во время этой войны были произведены, и часто с успехом, десятки таких атак. Кроме того, посланные командующим приказы были настолько ясны и такого обязательного характера и так очевидно учитывали возможность тяжелых потерь, что они должны были быть выполнены. Ответственность за кровавую неудачу пала бы на командование в Лондоне и непосредственно на меня. Я был согласен идти на это, но ни я, ни мои коллеги, ни Корк не могли ничего сказать или сделать, что произвело бы малейшее впечатление на генерала. Он решил ждать, пока растает снег. Что касается бомбардировки, он мог сослаться на параграф в его инструкциях, не позволявший подвергать опасности гражданское население. Если сопоставить это настроение с абсолютно неограниченным риском жизнями и кораблями и почти что бешеной, но основанной на дол-

гих и глубоких расчетах, энергией, благодаря которым немцы имели их блестящие успехи, то будет очевидно, в каких невыгодных условиях мы вели эту кампанию.

14.

ТРОНДХЕЙМ

Трондхейм, если бы нам было по силам его взять, без сомнения, был бы ключом ко всякой значительной операции в центральной Норвегии. Овладеть им значило иметь надежную гавань с набережными и доками, в которой можно было собрать и на ней базировать армию в пятьдесят тысяч человек. Рядом был аэродром, с которого могли действовать несколько эскадрилий истребителей. Обладание Трондхеймом открыло бы прямое железнодорожное сообщение с Швецией и значительно увеличило бы шансы шведского вмешательства или степень взаимной помощи, если бы Швеция сама была атакована. Только из Трондхейма можно было надежно заградить путь немецкому продвижению от Осло на север. По самым широким политическим и стратегическим основаниям для Союзников было бы выгодно дать Гитлеру возможно большего масштаба бой в центральной Норвегии, если бы он хотел идти именно туда. Лежащий далеко на севере Нарвик мог быть взят штурмом или быть постепенно принужден к сдаче, и его можно было бы все время защищать. Мы имели эффективное господство на море. Что же касается воздуха, то, если бы мы смогли прочно обосноваться на норвежских аэродромах, то мы могли бы без колебаний сражаться оттуда против германской авиации в том масштабе, ко-

торый позволяли каждой стороне ее ограниченные возможности.

Все эти соображения убедили одновременно французский Военный совет, британский Военный кабинет и большинство их экспертов. Британский и французский премьер-министры были заодно. Генерал Гамелэн был готов снять французские или отпустить британские дивизии для Норвегии в тех же размерах, в которых немцы отвели бы туда свои силы. Он явно приветствовал бы продолжительное сражение большого масштаба к югу от Трондхейма, где местность почти всюду была благоприятна для обороны. Считалось, что мы сможем доставлять к месту действия по открытому морю и затем через Трондхейм войска и материальное снабжение быстрее, чем немцы из Осло по единственной дороге и по одной железнодорожной линии, которые обе могут быть отрезанными позади их фронта бомбами или спущенными с воздуха отрядами. Единственным вопросом было: сможем ли мы во-время взять Трондхейм? Сможем ли мы быть там до того, как с юга прибудет главная неприятельская армия, и к тому же сможем ли мы получить хоть временную передышку от их теперешнего неоспоримого преобладания в воздухе?

Волна настроения в пользу трондхеймской операции разлилась далеко за пределы связанных с Кабинетом кругов. Выгоды были очевидны для всех. Публика, клубы, газеты и их военные корреспонденты в течение нескольких дней открыто обсуждали этот план действий. Мой большой друг адмирал флота сэр Роджер Кейс, сторонник форсирования Дарданелл, герой и победитель Зеебрюгге, страстно хотел вести флот или часть его в трондхеймский фиорд мимо береговых батарей и штурмовать город высадками с моря. Назначение лорда Корка, также адмирала флота, командовать морскими силами у Нарвика, хотя он чи-

ном был старше главнокомандующего, адмирала Форбса, видимо, устраняло трудности с рангами. Адмиралы флота всегда числились на активной службе, и Кейс имел много связей в Адмиралтействе. Он несколько раз говорил со мной и писал мне, напоминая о Дарданеллах и о том, как легко было бы форсировать проливы, если бы этому не помешали робкие обструкционисты. Я и сам много размышлял об уроках Дарданелл. Конечно, трондхеймские батареи и минные поля, которые могли быть там заложены, были пустяками по сравнению с тем, с чем тогда приходилось считаться. Но зато теперь был аэроплан, способный бросать бомбы на незащищенные палубы тех очень немногочисленных больших кораблей, которые представляли теперь морскую мощь Великобритании на океанах.

В Адмиралтействе Первый морской лорд и морской штаб, как правило, не останавливались перед риском. 13-го апреля Адмиралтейство официально информировало главнокомандующего о решении Верховного совета уделить войска на взятие Трондхейма и определенно поставило ему вопрос, не должен ли флот метрополии форсировать проход.

«Считаете ли Вы, — было сказано в послании, — что береговые батареи могут быть разрушены или настолько подавлены, чтобы позволить транспортным судам войти? Если да, сколько судов и какого типа Вы предлагаете?»

В ответ адмирал Форбс запросил подробности о состоянии обороны Трондхейма. Он соглашался, что береговые батареи могут быть при дневном свете разрушены или подавлены броненосцами, снабженными соответствующей амуницией. Таковой в данный момент не было ни на одном судне флота метрополии. Он отвечал, что первой и самой важной задачей является защита судов с войсками от массивных воздушных атак во время прохода тридцати миль через

проливы, а следующей задачей было — произвести против сопротивления высадку, о которой неприятель получил обильные предостережения. При данных обстоятельствах он считал операцию неосуществимой.

Морской штаб настаивал на своем, и с моего полного согласия Адмиралтейство 15-го апреля ответило следующим образом:

«Мы продолжаем настаивать, что названная операция должна быть предметом дальнейшего изучения. Она не может иметь место раньше, чем через семь дней, которые должны быть посвящены тщательной подготовке. Опасность с воздуха не многим меньше, где бы большие транспорты войск ни входили в опасную зону. По нашей мысли, кроме бомбардировки ставангерского аэродрома нашими воздушными силами, «Суффолк» должен бомбардировать его на заре сильно взрывчатыми снарядами в надежде, что это сможет вывести аэродром из игры. Трондхеймский аэродром можно атаковать собственной авиацией, а затем с моря. Высоко взрывчатые снаряды направлены в Розит. Для этой операции потребуются «Фюриус» и первая эскадра крейсеров. Просим поэтому дальше заниматься этим важным проектом».

Хотя адмирал Форбс и не был вполне убежден в разумности проекта, но теперь он отнесся к нему более сочувственно. В следующем ответе он сообщил, что он не предвидит больших трудностей с морской стороны, за исключением того, что он не может во время высаживания дать воздушную защиту транспортам. Из морских сил потребуются «Вельянт» и «Реноун», чтобы дать воздушную защиту «Глориус», «Уорспайт» для бомбардировки, не меньше четырех крейсеров и около двадцати истребителей.

**
*

В то время как подготовка к фронтальной атаке на Трондхейм с моря подвигалась полным ходом, уже

производились две вспомогательные высадки, предназначенные окружить город с суши. Первая из них имела место в ста милях севернее, в Намсосе, куда генерал-майор Картон де Виар был назначен командующим с приказом «закрепить за собой район Трондхейма». Ему было сообщено, что флот устраивает подготовительную стоянку отрядам силой около трехсот человек, чтобы занять и удерживать места для его высадки. План состоял в том, что две бригады пехоты и легкая дивизия альпийских стрелков должны высадиться по близости в связи с «Операцией Молот», главной атакой флота на Трондхейм. С этой целью 146-ая бригада и альпийские стрелки были взяты от Нарвика. Картон де Виар немедленно отправился на гидроплане и вечером 15-го под сильной воздушной атакой прибыл в Намсос. Его штабной офицер был ранен, но получил на месте медицинскую помощь. Вторая высадка имела место в Андалснесе, в полутора ста милях по дороге, ведущей от Трондхейма на юго-запад. Здесь флот также устроил стоянку, и 18-го апреля туда прибыл с военным отрядом и принял командование бригадир Морган. Главнокомандующим всеми оперирующими в центральной Норвегии силами был назначен генерал-лейтенант Масси. Он должен был командовать из военного министерства, так как по другую сторону моря еще не было места для главной квартиры.

**
*

15-го я докладывал, что все эти планы развиваются, но что имеются серьезные трудности. Намсос лежал под четырьмя футами снега и не имел никаких средств скрываться от воздушных атак. Неприятель имел в воздухе полное господство, и у нас не было ни противовоздушных орудий, ни аэродрома, с которого могли бы оперировать защитные эскадрильи.

Я указал, что адмирал Форбс сначала не был очень склонен форсировать свой путь к Трондхейму вследствие опасности воздушных атак. Делом первой важности было, конечно, чтобы наши воздушные силы продолжали атаковать ставангерский аэродром, через который неприятельские аэропланы пролетали на север. 17-го апреля «Суффольк» будет бомбардировать этот аэродром из своих восьмидюймовых орудий. Это было одобрено, и бомбардировка имела место, как предполагалось. Аэродрому были нанесены некоторые повреждения, но на обратном пути «Суффольк» подвергся непрерывной бомбардировке в течение семи часов. Он сильно пострадал и вернулся на следующий день в Скапу со своей кормой на уровне воды.

Военный министр должен был теперь назначить военного командующего трондхеймской операцией. Первый выбор полковника Стэнли пал на пользовавшегося отличной репутацией генерал-майора Готблака, который был инструктирован для своей задачи на состоявшемся в Адмиралтействе заседании начальников штабов. Но в ту же ночь, в 12.30 пополудни, он упал в обморок на ступе «Герцога Йоркского» и через некоторое время был найден в бессознательном состоянии. К счастью, он оставил все свои бумаги у своего штаба, который над ним работал. На следующее утро на место Готблака был назначен бригадир Берней Фиклин. Он также был инструктирован и отправился поездом в Эдинбург. 19-го апреля он со своим штабом вылетел в Скапу. Они потерпели аварию на аэроплане в Кирквалле. Пилот и один из экипажа были убиты, остальные получили серьезные ранения. Каждый день был важен.

**

17-го апреля я объяснил Военному кабинету основные черты плана, который штабы готовили для

главной высадки в Трондхейме. В немедленном распоряжении имелись одна регулярная бригада во Франции (две с половиной тысячи человек), тысяча канадцев и около тысячи человек территориальной бригады, как резерв. Комитет военной координации получил заверение, что имеющиеся силы достаточны и что риск, хотя и очень значительный, может быть оправдан. Операция будет поддержана всеми силами флота, и налицо будут два авианосца с примерно сотней аэропланов, в том числе сорока пятью истребителями. Предварительная дата для высадки была 22 апреля. Вторая полубригада альпийских стрелков не прибудет в Трондхейм раньше 25 апреля, когда она сможет, как мы надеялись, высадиться на набережных Трондхейма.

На вопрос, согласны ли начальники штабов с изложенным планом, начальник воздушного штаба ответил от их имени и в их присутствии, что они согласны. Операция, без сомнения, была связана со значительным риском, но его стоило нести. Премьер-министр согласился с этим мнением и подчеркнул важность кооперации воздушных сил. Военный кабинет горячо одобрил всё предприятие. Я сделал всё, что мог, чтобы его осуществить.

До этого момента все штабы и их начальники, видимо, твердо стояли за центральный удар в Трондхейме. Адмирал Форбс активно готовился к действию, и не было, казалось бы, никакого основания отказаться от даты 22-го. Хотя Нарвик был моей любимой идеей, я со все большей верой в успех втягивался в это рискованное предприятие и был готов на то, чтобы флот рисковал встречей со слабыми батареями при входе в фиорд, возможными минными полями и, что было всего серьезнее, атаками с воздуха. У кораблей было по тому времени очень могущественное противовоздушное вооружение. Группа кораблей имела совмест-

но такую направленную в воздух силу огня, которую мало аэропланов захотело бы встретить на высоте, на которой возможна точная бомбардировка. Я должен здесь пояснить, что сила авиации ужасающа, когда ей ничто не противостоит. Пилоты могут летать так низко, как им угодно и часто на пятидесяти футах от поверхности находятся в большей безопасности, чем на высоте. Они могут точно класть бомбы и обстреливать войска из пулеметов, рискуя только получить случайную ружейную пулю. С этими тяжелыми условиями должны были считаться наши небольшие экспедиции в Намсосе и Андалснесе, но флот с его противовоздушными батареями и сотней собственных аэропланов вполне мог во время данной операции сохранить превосходство над любыми воздушными силами, которые мог выставить неприятель. Если Трондхейм будет взят, в наших руках будет соседний аэродром в Вэрнесе, и в несколько дней мы сможем иметь не только значительный гарнизон в городе, но и несколько эскадрилий воздушных сил в действии. Предоставленный самому себе, я, вероятно, остался бы при своей первой любви Нарвике. Но, служа уважаемому мной главе правительства и дружескому кабинету, я теперь предвкушал это волнующее предприятие, которому дали свое полное согласие столько уравновешенных и осторожных министров и которое пользовалось одобрением морского штаба и фактически всех наших экспертов. Таково было положение 17 апреля.

В то же время я считал, что нужно сделать все возможное, чтобы держать норвежского короля и его советников в курсе наших планов, послав к нему офицера, знакомого с норвежскими условиями и который мог бы говорить с авторитетом. Вполне подходящим человеком для этой миссии был адмирал сэр Эдуард Эванс, и он был послан по воздуху, через Стокгольм,

чтобы установить контакт с королем в его главной квартире. Он должен был, насколько только возможно, помогать норвежскому правительству в его сопротивлении и объяснять меры, принимаемые британским правительством, чтобы ему помочь. С 22-го апреля он несколько дней имел совещания с королем и главными норвежскими министрами, помогая им понять наши планы и наши трудности.

**
*

18-го произошла резкая и решающая перемена во взглядах начальников штабов и Адмиралтейства. Перемена произошла, во-первых, вследствие все большего осознания того, что может потерять флот, рискуя таким количеством своих лучших линейных кораблей, а также вследствие аргумента военного ведомства, что, даже если флот войдет и снова выйдет, встречающая сопротивление высадка наших войск при наличии германской авиации будет слишком опасной. С другой стороны, высадки, уже успешно совершенные как к северу, так и к югу от Трондхейма, делали, по мнению всех этих специалистов, возможным менее опасное решение. Начальники штабов составили длинную докладную записку, возражавшую против «Операции Молот».

Записка начиналась напоминанием, что комбинированная операция, включающая высадку против сопротивления, является одной из самых трудных и рискованных военных операций, требующей самой тщательной и детальной подготовки. Начальники штабов всегда сознавали, что имеющаяся в виду операция связана с очень серьезным риском, так как ввиду остроты положения не было времени для детальной и кропотливой подготовки, в какой нуждается такого рода операция. При этом, вследствие отсутствия разведки

и воздушных фотографий, планы составлялись по картам и схемам. План имеет еще тот недостаток, что он предполагает концентрацию почти всего флота метрополии в области, где он может подвергнуться тяжелой атаке с воздуха. Имелись также новые факторы, с которыми нужно было считаться. Мы захватили в Намсосе и Андалснесе места для высадки и расположили на берегу войска. Имелись заслуживающие доверия сообщения, что немцы улучшают свою оборонительную систему в Трондхейме, а сообщения о нашем намерении произвести прямую высадку в Трондхейме уже появились в печати. Пересматривая первоначальный проект в свете новых факторов, начальники штабов единодушно рекомендовали изменение плана.

Они попрежнему считали очень важным захватить Трондхейм и сделать его базой для дальнейших операций в Скандинавии. Но они настаивали, что вместо прямой фронтальной атаки, мы должны воспользоваться неожиданным успехом наших высадок в Намсосе и Андалснесе, чтобы развить движение, «клещами» охватывающее Трондхейм с севера и с юга. Таким путем, они заявляли, мы можем заменить это связанное с большим риском предприятие таким, которое с меньшим риском может дать тот же результат. Таким изменением плана мы можем также обратить в нашу пользу газетные сообщения о наших намерениях, так как мы можем надеяться посредством искусного «разоблачения» секретов оставить неприятеля под впечатлением, что мы все еще остаемся при нашем первоначальном плане. Поэтому начальники штабов рекомендовали направить как можно больше сил в Намсос и Андалснес, захватить дорожные и железнодорожные сообщения через Домбас и охватить Трондхейм с севера и с юга. Незадолго до главных высадок в Намсосе и Андалснесе надо бомбардировать

с моря внешние форты Трондхейма, чтобы неприятель думал, что предстоит фронтальная атака. Таким образом мы должны вести осаду Трондхейма с суши и блокировать его с моря. И, хотя взятие его потребует больше времени, чем первоначально имелось в виду, мы можем зато несколько раньше высадить на берег наши главные силы. В заключение, начальники штаба указали, что такая охватывающая операция взамен прямой атаки освободит большое количество ценных судов для операций в других местах, например, в Нарвике. Эти предложения имели за собой авторитет не только трех начальников штабов, но и их компетентных заместителей, в том числе вновь назначенных адмирала Тома Филипса и сэра Джона Дилля.

Нельзя было представить себе более внушительную преграду задуманной комбинированной операции, и я еще не видел правительства или министра, которые смогли бы ее преодолеть. При существовавшей организации начальники штабов работали как особый и в большой мере независимый орган без руководства или направления премьер-министром или каким-либо влиятельным представителем исполнительной власти. Кроме того, руководители трех оборонных ведомств еще не имели концепции войны, как целого, и слишком находились под влиянием ведомственной перспективы их собственных аппаратов. Они собирались вместе после того, как каждый обсуждал дела со своим министром, и выпускали записки или меморандумы, имевшие огромный вес. Это была роковая слабость нашей тогдашней системы ведения войны.

Когда я узнал об этом повороте, я был возмущен и тщательно расспрашивал имевших к нему касательство офицеров. Скоро мне стало ясно, что мнение всех специалистов было теперь против операции, которую они только за несколько дней до того по собственному почину поддерживали. Без сомнения, на-

лицо был сэр Роджер Кейс, горевший страстным желанием активности и славы. Он предлагал ввести в трондхеймский фиорд кучку более старых судов с необходимыми транспортами, высадить войска и взять город штурмом до того, как немцы там усилятся. Роджер Кейс имел за собой внушительную рекомендацию в виде своих достижений. В нем горело пламя. В дебатах в мае было высказано мнение, что «моя душа скована Дарданеллами», что означало, что вследствие моего падения по тому случаю я больше не имел способности дерзать. Но это было фактически неверно. Для того, кто занимал подчиненное положение, было необычайно трудно действовать с безапелляционной решительностью.

Кроме того, во флоте существовали своеобразные личные отношения. Как и лорд Корк, Роджер Кейс был старше рангом и главнокомандующего и Первого морского лорда. Адмирал Паунд был в течение двух лет штабным офицером у Кейса в средиземноморском флоте. Если бы я последовал совету не его, а Роджера Кейса, это повлекло бы за собой его отставку, и возможно, что адмирал Форбс также просил бы освободить его от командования. Я не мог, конечно, — это была моя обязанность, — поставить премьер-министра и моих коллег в Военном кабинете перед фактом этих личных драм в такое время и по поводу операции, которая, несмотря на всю ее привлекательность и выгодность, всё же была по существу второстепенной даже по отношению ко всей норвежской кампании, не говоря уже о войне в ее целом. Поэтому у меня не было сомнений, что мы должны согласиться со взглядами штабов, несмотря на изменение ими своего мнения и на очевидные возражения, которые могли быть сделаны против искаженного ими плана.

Вследствие этого я примирился с отказом от «Молота». 18-го после полудня я доложил факты премьер-

министру, и, хотя он был горько разочарован, он, как и я, не имел другого выбора, как примириться с новым положением. На войне, как и в жизни, часто бывает необходимо, если не удастся какой-либо любимый план, брать наилучшую имеющуюся альтернативу, и тогда было бы безумием не содействовать ей всеми силами. Я поэтому повернул мой огонь. 19-го апреля я представил Комитету военной координации следующий письменный доклад:

«1. Значительное продвижение вперед Картон де Виара, легкость высадок у Андалсна и других портов в этом южном фиорде, неосторожные сообщения в печати, указывавшие на штурм Трондхейма, очень большие морские силы, необходимые для операции под названием «Молот», при несомненно очень большом риске держать так много судов в течение столь многих часов под воздушными атаками с небольшой высоты — все это побудило начальников штабов и их заместителей рекомендовать, чтобы было произведено полное изменение в плане двух клещевых атак и центральной атаки. Главный вес должен быть придан северным и южным клещам, а центральная атака на Трондхейм должна свестись к демонстрации.

2. В виду быстроты, с которой развивались события и мнения, было принято решение, одобренное премьер-министром, как оно было выше изложено, и были отданы соответственные распоряжения.

3. Предполагается поддерживать мнение, будто готовится атака на Трондхейм, и в подходящий момент подкрепить это бомбардировкой внешних фортов Трондхейма брошеносцами.

4. Будут приложены все усилия, чтобы усилить Картон де Виара артиллерией, без которой состав его отряда неудовлетворителен.

5. Все войска, приготовленные для «Молота», будут как можно скорее, главным образом на военных судах, переброшены в различные порты фиорда Ромсдаль, чтобы спешно двинуться к Домбасу, и затем, послав некоторые задерживающие силы на юг к главному норвежскому фронту, главная масса должна повернуть на север к Трондхейму. Одна бригада (Моргана) уже находится вместе с шестьюстами солдатами морской пехоты на берегу за Андалснесом. Бригада

из Франции и вспомогательная территориальная бригада будут целиком направлены туда со всей возможной быстротой. Это должно позволить закрепить за собой Домбас и взять под свой контроль более восточную из двух норвежских железных дорог, ведущих из Осло в Трондхейм, причем Сторен является особенно выгодным пунктом. Назначение второй полубригады альпийских стрелков, двух батальонов французского иностранного легиона и тысячи канадцев может на сегодня и завтра остаться неустановленным.

6. Положение намского отряда следует считать несколько рискованным, но его командир привык рисковать. С другой стороны, нет оснований, почему бы мы не могли достичь решительного превосходства вдоль железной дороги Андалснес-Домбас и оперировать сообразно обстоятельствам за этим в высшей степени важным пунктом с целью изолировать и взять Трондхейм.

7. Хотя это изменение в ударе (на разные операции) можно осуждать, потому что оно является изменением, следует признать, что мы переходим от более рискованной к менее рискованной операции и значительно уменьшаем связанное с «Молотом» бремя флота. Можно думать, что мы достигнем тех же результатов посредством менее опасного плана, и отсюда не следует, что они будут достигнуты позднее. Мы, несомненно, доставим на норвежскую почву больше людей и скорее этим методом, чем другим.

8. Нельзя лишить Нарвик его броненосцев в тот момент, когда мы добиваемся энергичных действий. Поэтому «Уорспайт» получил приказ вернуться (туда). Для Нарвика потребуются дальнейшие подкрепления, чем следует сейчас же заняться. Надо иметь в виду канадцев.

9. В то же время теперь будет возможна прочистка Скагеррака, чтобы очистить его от неприятельских противоподводных судов и помочь нашим подводным лодкам».

На следующий день я объяснил Военному кабинету обстоятельства, вследствие которых было решено отменить прямое нападение на Трондхейм, и указал, что новый план, одобренный премьер-министром, состоял в общих чертах в том, чтобы направить всю 1-ую легкую дивизию альпийских стрелков генералу Картон де Виару для его атаки на район Трондхейма с севера и послать регулярные бригады из Фран-

ции на подкрепление бригадира Моргана, который высадился в Андалснесе и двинул войска, чтобы занять Домбас. Другая территориальная бригада будет размещена на южной линии фронта. Может оказаться возможным двинуть часть этого южного отряда прямо вперед, чтобы усилить норвежцев на фронте Осло. Нам посчастливилось высадить все войска на берег пока что без потерь (за исключением судна со всеми средствами передвижения бригадира Моргана), и теперешние планы предусматривают высадку около двадцати пяти тысяч человек к концу первой недели мая. Французы предложили еще две легких дивизии. Главным ограничивающим фактором является необходимость иметь базы и пути сообщения, на которых должны держаться войска. Базы будут подвергаться тяжелым воздушным атакам.

После этого военный министр сказал, что новый план немногим менее рискован, чем прямая атака на Трондхейм. Пока мы не закрепили за собой трондхеймского аэродрома, мало что можно сделать, чтобы парализовать большие размеры воздушных атак. Не вполне правильно также представлять новый план, как «движение клещами» против Трондхейма, потому что в то время как северная группа будет оказывать давление уже в близком будущем, первой задачей другой группы должно быть обеспечение себя против германской атаки с юга. Вполне возможно, что пройдет месяц, прежде чем сможет быть осуществимо какое-либо серьезное движение против Трондхейма с этого направления. Это была обоснованная критика. Однако генерал Айронсайд энергично защищал новую версию. Он выразил надежду, что генерал Картон де Виар, который, как он сказал, с французскими подкреплениями будет иметь в своем распоряжении весьма значительные силы, в большей части очень подвижные, сможет пересечь железную дорогу от Тронд-

хейма к Швеции. У войск, уже находящихся в Домбасе, нет ни орудий, ни средств передвижения. Но они будут в состоянии держаться в оборонительном положении. Я добавил тогда, что прямое нападение на Трондхейм считалось подвергающим чрезмерному риску и флот и высаживающиеся войска. Если бы во время успешного приступа флот вследствие неприятельской воздушной атаки потерял бы линейный корабль, то эту потерю следовало бы противопоставить успеху операции. Опять-таки десантные войска могли бы понести тяжелые потери, и генерал Масси считал, что риск не соответствовал желаемым результатам, в особенности раз они могут быть достигнуты другими методами. Военный министр, правильно подчеркнув, что эти другие методы не гарантируют надежного или удовлетворительного решения, согласился, что их следует испробовать. Всем нам было ясно, что фактически мы имеем перед собой выбор только между неприятными путями, а также вынужденную необходимость действовать. Военный кабинет одобрил изменение плана операции против Трондхейма.

Я вернулся теперь к Нарвику, который, раз атака на Трондхейм была отменена, сразу представлялся и более важным и более достижимым, и адресовал моему Комитету следующую записку:

«Вряд ли можно переоценить важность и спешность достижения решения в Нарвике. Если операции стабилизируются, наше положение будет ухудшаться. Когда, самое позднее через месяц, растает лед на Ботническом заливе, немцы смогут потребовать от Швеции свободного прохода для их войск через железные рудники, чтобы усилить их гарнизон в Нарвике, и, может быть, также будут требовать контроля над рудниками. Они могут обещать Швеции, что, если она согласится на это на дальнем севере, она будет оставлена совершенно в покое в остальной части страны. Во всяком случае, мы должны считать несомненным, что немцы постараются войти в рудники и доставить подкрепления нарвикскому гарнизону или силой или в результате одолжения.

Таким образом в нашем распоряжении самое большое один месяц.

2. За этот месяц мы должны не только привести в беззащитное состояние и захватить город и высадившихся немцев, но также овладеть железной дорогой к шведской границе и обеспечить себе на одном из озер эффективную, хорошо защищенную базу для гидропланов, чтобы в случае, если мы не сможем получить контроль над железными рудниками, не допустить, чтобы они работали под немецким контролем. Представляется необходимым немедленно послать в Нарвик еще не менее трех тысяч хороших войск так, чтобы они прибыли туда не позднее конца первой недели мая. Распоряжения для этого должны быть даны сейчас же, тем более что не будет ничего легче, чем изменить назначение войск, если тем временем положение прояснится. Было бы большим административным преимуществом, чтобы это были английские войска, но если это почему-либо нельзя устроить, нельзя ли направить на Нарвик передовую бригаду 2-ой французской легкой дивизии? Привести большое судно в фиорд Скъель или около него не должно представлять слишком большой опасности.

3. Я был бы рад, если бы заместитель начальника морского штаба мог обсудить с соответствующим офицером военного министерства, как удовлетворить эту потребность, включая вопросы о судах и сроках. Если не удастся взять Нарвик, это будет очень большим бедствием и повлечет за собой немецкий контроль над железными рудниками».

Общее положение, как оно представлялось в тот момент, нельзя изобразить лучше, чем это было сделано в докладе генерала Исмей, написанном 21-го апреля.

«Задачей нарвикской операции является: захватить город и овладеть железной дорогой к шведской границе. Мы должны затем быть в состоянии, если понадобится, послать войска в гулливарские железные рудники, обладание которыми является главной целью операций в Скандинавии.

Как только, примерно через месяц, растает лед в Лулеа, мы должны ожидать, что немцы угрозами или силой получат проход для своих войск, чтобы самим обеспечить за собой Гулливар и, может быть, чтобы идти дальше и усилить

их войска в Нарвике. Поэтому очень важно, чтобы Нарвик был ликвидирован в течение месяца.

Задачей операций в районе Трондхейма является: захватить Трондхейм и этим получить базу для дальнейших операций в центральной Норвегии и, если окажется необходимым, в Швеции. Высадка была произведена в Намсосе на север и Андалснесе на юг от Трондхейма. Имеется в виду, чтобы намсоский отряд расположился поперек железной дороги, идущей от Трондхейма на восток, окружив таким образом находящихся там немцев с востока и северо-востока. Высадившийся в Андалснесе отряд должен прежде всего занять оборонительное положение, чтобы совместно с находящимися в Лиллиенхаммере норвежцами не пропускать каких-либо подкреплений для Трондхейма из высадившихся в Осло главных германских сил. Дорога и железнодорожный путь между Осло и Трондхеймом должны быть защищены. Когда это будет выполнено, часть войск будет действовать в северном направлении и давить на Трондхейм с юга.

В данный момент наше главное внимание направлено на район Трондхейма. Существенно помочь норвежцам и не допустить подкреплений в Трондхейм. Взятие Нарвика в данный момент не является столь же спешным, но оно все более будет становиться таковым по мере того, как приближается таяние льда в Ботническом заливе. Если Швеция вступит в войну, Нарвик будет пунктом решающего значения.

Предпринятые теперь операции в центральной Норвегии имеют чрезвычайно рискованный характер, и мы должны считаться с серьезными трудностями. Главными из них являются:

Во-первых, то, что крайняя необходимость без задержки прийти на помощь норвежцам вынудила нас бросить на берег спешно импровизированные силы — используя все, что было под рукой.

Во-вторых, то, что мы по необходимости проникаем в Норвегию через базы, недостаточные для поддержания больших войсковых формирований.

Единственная настоящая база в этой области, это — Трондхейм, находящийся в руках неприятеля. Мы пользуемся Намсосом и Андалснесом, которые являются лишь мелкими портами, которые, если вообще имеют приспособления, то лишь для разгрузки военных запасов, и обслуживаются убогими сообщениями с внутренней частью страны. Поэтому, выгрузка механических средств передвижения, снабже-

ния и нефти (ничего нельзя получить на месте) будет представлять значительные трудности, даже если для этого не будет других препятствий. Поэтому, пока нам не удастся взять Трондхейм, размеры сил, которые мы можем держать в Норвегии, остаются строго ограниченными.

Конечно, можно сказать, что все норвежские предприятия, которые мы взяли на себя, каковы бы ни были их местные успехи, были бы сметены грозной битвой во Франции, которая была теперь так близка. Через месяц союзным армиям предстояло быть разбитыми или сброшенными в море. Всё, что мы имели, должно было быть брошено в битву за существование. Поэтому нашим счастьем было то, что мы не могли сосредоточить большую армию и воздушные силы вокруг Трондхейма. Покровы с будущего спадают лишь постепенно, и смертные должны действовать со дня на день. При том, что нам было известно в середине апреля, я остаюсь того мнения, что, зайдя так далеко, мы должны были настаивать на проведении «Операции Молот» и тройной атаки, на которой сначала все были согласны. Но я принимаю свою долю ответственности за то, что эта операция не была предпринята нашим специалистами до того, как они стали такими решительными ее противниками и представили нам серьезные возражения. В этом случае было бы, однако, лучше оставить все предприятие против Трондхейма и сконцентрировать все силы против Нарвика. Но для этого теперь было уже слишком поздно. Много наших войск было на берегу, и норвежцы молили о помощи.

15.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД В НОРВЕГИИ

20-го апреля я получил согласие на назначение лорда Корка единоличным командующим морскими, сухопутными и воздушными силами в районе Нарвика, таким образом подчинив ему генерала Мэкези. В энергично наступательном характере лорда Корка никогда не было сомнения. Он остро сознавал опасность промедления; но на месте физические и административные трудности были гораздо значительнее, чем мы их оценивали в Лондоне. Кроме того, морские офицеры, даже получив самые большие полномочия, избегают давать армии приказы по чисто военным вопросам. Это было бы еще более верно, если бы положение было обратным. Мы надеялись, что, освободив генерала Мэкези от главной прямой ответственности, мы дадим ему почувствовать себя более свободным в применении смелой тактики.

Результат оказался противоположным этим ожиданиям. Он пользовался каждым аргументом, — а в них не было недостатка, — чтобы предотвратить энергичные действия. За ту неделю, которая прошла с тех пор, как была отвергнута идея импровизированной атаки на Нарвик, положение изменилось не в нашу пользу. Две тысячи немецких солдат, без сомнения, днем и ночью работали над оборонительными сооружениями, которые, как и город, лежали под снежным покровом. К этому времени неприятель, без сомнения,

организовал также две или три тысячи матросов, которые спаслись с потопленных истребителей. Их приспособления для применения авиации улучшались с каждым днем, и как наши суда, так и высадившиеся войска, подвергались все более сильным бомбардировкам. 22-го лорд Корк мне писал:

«Пишу, чтобы поблагодарить Вас за доверие, которое Вы мне оказали. Я, конечно, сделаю всё возможное, чтобы его оправдать. Трудно преодолевать инерцию, и, конечно, имеются серьезные препятствия для движения войск, в особенности снег, который на северных склонах холмов все еще имеет глубину во много футов. Я сам это испытал, и, так как снег шел время от времени еще в течение двух дней, положение не улучшилось. Нашей исходной ошибкой было то, что первый отряд отправился, предполагая, что он не встретит сопротивления — ошибка, которую мы часто делали, нипрамер, в Танге.*) Как пока обстоит дело? Солдаты еще не получили запасной амуниции для ручного оружия, зато тонны материала и персонал, в которых они не нуждаются...

Наша самая насущная нужда — воздушные истребители: мы настолько слабее в воздухе. С неприятельской стороны ежедневно производится обследование местности, и его аэропланы появляются, когда имеются транспорты или пассажирские суда для бомбардировки. Рано или поздно, они должны иметь попадания. Вчера я летал над Нарвиком, но было очень трудно много увидеть. Скалистый утес покрыт снегом, за исключением обнаженных каменистых мест, вокруг которых должны быть глубокие сугробы. Снег доходит до самой воды, что делает невозможным определить природу береговой полосы.

В ожидании необходимых для атаки условий, мы изолируем город от внешнего мира, разрушая железнодорожные узлы и тому подобное, обстреляли и сожгли паровой паром... Можно дойти до отчаяния от неспособности двигаться вперед, и я вполне понимаю, что Вы недоумеваете, почему мы этого не делаем, но уверяю Вас, что это не от недостатка желания».

*) Высадка в Танге, около Занзибара, в 1917 г.

Лорд Корк решил произвести рекогносцировку значительными силами под прикрытием воздушной бомбардировки, но тут вмешался генерал Мэкези. Он заявил, что, прежде чем началась предполагаемая акция, он считал своим долгом указать на то, что под его командой нет ни одного солдата или офицера, который не будет стыдиться за себя и свою страну, если тысячи норвежских мужчин, женщин и детей будут подвергнуты предполагаемой бомбардировке. Лорд Корк ограничился тем, что переслал это заявление без комментария. Ни премьер-министр, ни я не могли присутствовать на заседании Комитета обороны 22-го апреля, так как мы должны были участвовать в Верховном военном совете в Париже. Перед отъездом я составил ответ, который был одобрен моими коллегами:

«Я предполагаю, что лорд Корк читал инструкции, касающиеся бомбардировок, данные в начале войны. Если он считает необходимым идти дальше этих инструкций ввиду того, что неприятель пользуется прикрытием жилых зданий, чтобы держаться в Нарвике, он может счесть разумным дать предупреждение за шесть часов всеми доступными ему средствами, включая, по возможности, листовки, и сообщить германскому командующему, что всё гражданское население должно оставить город, и что тот, кто помешает их уходу, будет нести за это ответственность. Он может также предложить оставить железнодорожную линию на шесть часов неповрежденной, чтобы дать гражданскому населению возможность спастись этим путем».

Комитет обороны одобрил эту политику, энергично высказав мнение, что «было бы недопустимо позволить немцам превращать норвежские города в крепости, оставляя в них население, чтобы предотвратить наши атаки».

Мы приехали в Париж под гнетом опасений и замешательства в связи с норвежской кампанией, за ведение которой была ответственна Англия. Но Рейно, после своего приветствия нам, начал с сообщения об общем военном положении, которое своей серьезностью далеко превосходило наши скандинавские экскурсии. География, сказал он, дала Германии постоянное преимущество внутренних операционных линий. Она имеет 190 дивизий, из которых полтораста она может использовать на западном фронте. Против этого Союзники имеют 100, в том числе 10 британских. В прошлую войну Германия с населением в 65 миллионов выставила 248 дивизий, из которых 207 сражалось на западном фронте. Франция со своей стороны выставила 118 дивизий, из которых 110 были на западном фронте. Великобритания имела 89 дивизий, из них 63 на западном фронте, а вместе это составляло на западе 173 союзных против 207 германских дивизий. Равенство было достигнуто, только когда прибыли американцы с их 34 дивизиями. Насколько хуже было положение теперь! Германское население составляло теперь восемьдесят миллионов, из числа которых она может образовать 300 дивизий. Франция вряд ли могла рассчитывать на то, что к концу года на западе будут 20 британских дивизий. Поэтому мы будем иметь против себя большое и все увеличивающееся численное превосходство, уже сейчас в отношении трех к двум и скоро возросшее до двух к одному. Что касается снаряжения, то Германия имеет преимущество в авиации и авиационном снаряжении, а также в артиллерии и запасах амуниции. Таково было положение, как его оценил Рейно.

Итак, вот до чего мы дошли со дней оккупации Рейнской области, когда было бы достаточно полицейской операции; или со времени Мюнхена, когда Германия, занявшись Чехословакией, могла резервиро-

вать для западного фронта только тринадцать дивизий; или даже в сентябре 1939 г., когда, пока продолжалось польское сопротивление, на западе было только сорок две германских дивизии. Теперешнее ужасающее превосходство создалось благодаря тому, что ни в один момент, даже когда они были всемогущи, победоносные Союзники не осмелились принять действительных мер, чтобы противостоять повторным агрессиям Гитлера и нарушениям им договоров.

После этого мрачного отступления, серьезность которого мы все сознавали, мы вернулись к скандинавскому клубку. Премьер-министр ясно представил положение. Мы без потерь высадили тринадцать тысяч в Намсосе и Андалснесе. Наши силы продвинулись вперед дальше, чем мы ожидали. Убедившись, что прямая атака на Трондхейм потребовала бы непропорционально большое количество морских сил, было решено вместо нее предпринять охватывающий маневр с севера и с юга. Но за последние дни эти новые планы были внезапно прерваны тяжелой воздушной атакой на Намсос. Так как там не было противовоздушного огня, чтобы дать им отпор, немцы бомбардировали как хотели. Тем временем все немецкие суда в Нарвике были уничтожены. Но находящиеся там немецкие войска сильно укрепились, так что до сих пор не было возможности атаковать их с суши. Если первая попытка не удалась, она будет возобновлена.

Относительно центральной Норвегии Чемберлен сказал, что британское командование считает желательным усилить отправленные туда войска, чтобы защитить их против германского продвижения с юга и чтобы они могли затем участвовать во взятии Трондхейма. Уже несомненно, что потребуются подкрепле-

ния. В близком будущем будут в распоряжении пять тысяч англичан, семь тысяч французов, три тысячи поляков, три британских механизированных батальона, один британский батальон легких танков, три французских легких дивизии и одна британская территориальная дивизия. Ограничением будет не количество имеющихся в распоряжении войск, но то количество, которое можно высадить и содержать в стране. Рейно сказал, что будут посланы четыре французских легких дивизии.

Затем я, в первый раз на этих совещаниях, говорил сравнительно долго, указав на трудности высадки войск и запасов ввиду неприятельской авиации и подводных лодок. Каждое судно должно конвоироваться истребителями, каждый десантный порт должен охраняться крейсерами или истребителями не только во время высадки, но до тех пор, пока можно установить на берегу противовоздушные орудия. До сих пор союзные суда пользовались исключительной удачей и получили очень мало попаданий. Огромные трудности операций нетрудно понять. Хотя тринадцать тысяч уже высажены благополучно, союзники до сих пор не имеют прочных баз и оперируют внутри страны со слабыми и скудными линиями сообщений, фактически без артиллерии и без поддержки авиации. Таково было положение в центральной Норвегии.

В Нарвике немцы не так сильны, порт гораздо меньше уязвим с воздуха и, раз гавань будет в наших руках, можно будет высаживать гораздо более быстрым темпом. Все войска, которые не могут быть высажены в более южных портах, должны направляться к Нарвику. Среди предназначенных для нарвикской операции войск, да и вообще в Великобритании, нет никого, кто умел бы передвигаться по местности, покрытой глубоким снегом. Задача у Нарвика будет состоять не только в том, чтобы освободить гавань и

город, и даже еще не в том, чтобы очистить от немцев весь округ, но также и в том, чтобы вдоль железной дороги продвинуться до шведской границы силами, соразмерными с будущими германскими намерениями. По продуманному мнению британского правительства, это можно сделать, не уменьшая размеров высадок в других портах более тех пределов, которыми они уже ограничены описанными трудностями.

Мы все были единодушны в оценке того, насколько неприятно наше положение и как мало мы можем сделать, чтобы его улучшить. Верховный военный совет согласился на то, что непосредственными военными целями должны быть:

а) взятие Трондхейма и

б) взятие Нарвика, и концентрация достаточных союзных сил на шведской границе.

На следующий день мы говорили об опасностях для голландцев и бельгийцев и об их отказе принимать какие-либо меры совместно с нами. Мы очень хорошо понимали, что Италия может в любой момент объявить нам войну, и различные морские мероприятия в Средиземном море должны были быть согласованы между адмиралами Паундом и Дарланом. На это заседание был приглашен также генерал Сикорский. Он заявил, что в состоянии в течение нескольких месяцев сформировать армию в сто тысяч человек. Кроме того, делаются шаги, чтобы рекрутировать польскую дивизию в Соединенных Штатах.

На этом заседании было также решено, что, если немцы вторгнутся в Голландию, то союзные войска сразу должны двинуться в Бельгию, не обращаясь больше к бельгийскому правительству, и что британские воздушные силы могут бомбардировать германские железнодорожные депо и нефтеочистительные заводы в Рурской области.

Когда мы вернулись с конференции, я был так озабочен полным неуспехом не только наших усилий против неприятеля, но и нашего метода ведения войны, что я написал премьер-министру следующее письмо:

«Желая поддерживать Вас всеми своими силами, я должен предупредить Вас, что Вы приближаетесь к полному провалу в Норвегии. Я очень благодарен Вам за то, что Вы по моей просьбе взяли на себя ежедневное руководство Комитетом военной координации. Я думаю, однако, что я обязан сообщить Вам, что не соглашусь получить от Вас назад эту функцию без необходимых полномочий. В настоящее время никто не имеет власти. Имеется шесть начальников штабов (включая заместителей), три министра и генерал Исмей, все имеющие голос в ведении норвежских операций (за исключением Нарвика). Но, кроме Вас, никто не ответственен за установление военной политики и за руководство ею. Если Вы чувствуете себя способным нести это бремя, Вы можете рассчитывать на мою неограниченную лояльность. Если Вы при всех Ваших других обязанностях чувствуете, что Вы его нести не можете, Вы должны передать Ваши полномочия заместителю, который сможет согласовать и направлять общее развитие наших военных действий и будет пользоваться поддержкой Вашей и Военного кабинета, если только против этого не будут представлены очень веские основания».

Прежде чем я отослал это письмо, я получил записку от премьер-министра, сообщавшую, что он размышляет над положением в Скандинавии и считает его неудовлетворительным. Он просил меня после обеда зайти к нему на Доунинг-стрит, чтобы частным образом обсудить положение в целом.

У меня нет записи того, что было при этом разговоре, носившем самый дружеский характер. Я уверен, что изложил мысли моего неотправленного письма и что премьер-министр согласился с их важностью

и правильностью. Он всячески хотел передать мне полномочия, о которых я просил, и между нами не было ни малейших мелочных осложнений. Но он должен был проконсультировать и убеждать ряд влиятельных людей, и только 1-го мая я мог направить Кабинету и всем, кого это касалось, следующую записку:

1-го мая 1940.

«Совещаясь с руководителями оборонных ведомств, я пересматриваю существующий порядок обсуждения и решения вопросов обороны, и я рассылаю для осведомления моих коллег меморандум, излагающий некоторые изменения, которые решено сделать в этой организации немедленно. Эти изменения согласованы с тремя министрами оборонных ведомств. С одобрения Первого лорда Адмиралтейства, генерал-майор Исмей назначен старшим штабным офицером, ведающим Центральным штабом, который, как указано в меморандуме, будет состоять при Первом лорде Адмиралтейства. Занимая эту должность, генерал-майор Исмей в то же время назначается добавочным членом комиссии начальников штабов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

В целях достижения большей концентрации в ведении войны в силу вступают следующие изменения существующего порядка:

Первый лорд Адмиралтейства будет председательствовать на всех заседаниях Комитета военной координации, на которых не присутствует премьер-министр, и в отсутствие премьер-министра будет действовать на этих заседаниях, как его заместитель, во всех вопросах, переданных Комитету Военным кабинетом.

Его обязанностью будет давать от имени Комитета руководящие указания и директивы комиссии начальников штабов, и с этой целью он будет иметь право созывать эту комиссию для личной консультации в любое время, когда он сочтет это необходимым.

Начальники штабов сохраняют обязанность сообщать правительству свои коллективные мнения и вместе со своими штабами будут составлять планы для выполнения задач, указанных им от имени Комитета военной координации Первым

лордом Адмиралтейства; они будут сопровождать свои планы замечаниями, которые они считают нужными.

Начальники штабов, которые как таковые останутся каждый ответственным перед своим министром, будут все время осведомлять об их заключениях своих министров.

Когда позволяет время, планы начальников штабов с их замечаниями и возможными замечаниями Первого лорда, будут представляться на одобрения Комитета военной координации и Военного кабинета, если Комитет не был уполномочен Военным кабинетом принять окончательное решение, или в случае разногласий в Комитете военной координации.

В спешных случаях может стать необходимым опустить представление планов в порядок дня официального заседания Комитета, но в таких случаях Первый лорд, без сомнения, найдет способ официально консультировать министров оборонных ведомств, и, в случае несогласия, решение будет предоставлено премьер-министру.

Чтобы облегчить проведение изложенного здесь общего плана и иметь подходящую форму поддержания тесной связи между Первым лордом и начальниками штабов, при Первом лорде будет соответствующий центральный штаб (отличный от штаба Адмиралтейства) под руководством старшего штабного офицера, который будет добавочным членом комиссии начальников штабов».

Я принял этот порядок, который представлялся определенным улучшением. Я мог теперь созывать под своим председательством комиссию начальников штабов, без которых ничего нельзя было сделать, и был формально уполномочен «давать им руководящие указания и директивы». Генерал Исмей, старший штабной офицер во главе центрального штаба, был переведен в мое распоряжение, как мой штабной офицер и представитель, и был сделан полноправным членом комиссии начальников штабов. Я знал генерала Исмея уже много лет, но теперь мы впервые стали близкими сотрудниками, и даже больше того. Таким путем начальники штабов, как коллектив, стали ответственными передо мной и, как заместитель премьер-министра, я по свое-

му положению мог оказывать авторитетное влияние на их решения и действия. С другой стороны, было совершенно естественным, что они прежде всего должны быть лояльны по отношению к своим министрам, и те не были бы людьми, если бы не чувствовали некоторого недовольства тем, что часть их авторитета передается одному из их коллег. Более того, в меморандуме было отчетливо сказано, что я буду выполнять свои обязанности от имени Комитета военной координации. Таким образом я получал огромную ответственность, не имея в своих руках действительной власти, чтобы ее осуществлять. Тем не менее, у меня было чувство, что я смогу сделать новую организацию дееспособной. Но ей было суждено просуществовать только одну неделю. Однако моя личная и официальная близость с генералом Исмеем и его отношения с комиссией начальников штабов продолжались непрерывно и не ослабевая, с 1-го мая 1940 по 27-ое июля 1945 г., когда я сложил с себя мои обязанности.

Теперь следует рассказать, как фактически шла борьба за Трондхейм. Высадившийся в Намсосе северный отряд находился в восьмидесяти милях от города, высадившийся в Андалснесе южный отряд был в ста пятидесяти милях. Центральная атака через фиорд («Молот») была отменена, частью из боязни, что она обойдется слишком дорого, частью вследствие надежд на фланговые движения. Но оба эти движения потерпели полнейшую неудачу. Намсоский отряд под командой Картон де Виара, согласно данным ему инструкциям, спешно двигался вперед наперекор норвежскому снегу и немецкой авиации. 19-го одна бригада достигла Вердаля, у верхней части фиорда, в пятидесяти милях от Трондхейма. Мне было очевидно, и я

предостерегал штабы, что немцы могут в одну ночь прислать из Трондхейма по воде более значительные силы, чтобы раскрошить наш отряд. Это произошло через два дня. Наши войска вынуждены были отступить на несколько миль к месту, где они смогли сдерживать неприятеля. Невыносимые условия вследствие временами уже таявшего снега и тот факт, что у прибывших через внутренний фиорд немцев не было, как и у нас, колесного транспорта, сделали невозможным серьезное сражение на земле, а небольшое количество разбросанных войск, шедших вдоль дороги, давало мало мишеней для не встречавшей сопротивления авиации. Если бы Картон де Виар знал, какие ограниченные силы будут в его распоряжении или что центральная атака на важнейший пункт — Трондхейм отменена, — о чем наш штабной аппарат его не уведомил, — он, без сомнения, продвигался бы более методически. Он действовал, имея в виду главную задачу операции, как она ему была сообщена раньше.

Под конец почти все вернулись истощенными, промерзшими и озлобленными в Намсос, где оставалась французская бригада альпийских стрелков. Картон де Виар, мнение которого в таких вопросах имело большой вес, заявил, что не остается ничего другого, кроме эвакуации. Адмиралтейство сейчас же сделало необходимые для этого приготовления. 28-го апреля был отдан приказ об эвакуации Намсоса. Французский контингент должен был погрузиться раньше английского, оставив часть своих лыжников на помощь нашему арьергарду. Вероятными сроками отплытия были две ночи 1-го и 2-го мая. Но в конце концов все отступление было произведено в одну ночь. Все войска были погружены ночью 3-го и были уже далеко в море, когда на заре их заметила германская воздушная разведка. С восьми часов утра до трех пополудни неприятельские бомбардировщики, волна за вол-

ной, атаковали наши военные и транспортные суда. Это было настоящим счастьем, что ни один транспорт не был задет, хотя для защиты конвоя не было британской авиации. Французский истребитель «Бизон» и наш пароход «Африди», везшие наш арьергард, были «потоплены, сражаясь до конца».

Другого рода злоключения выпали на долю войск, высадившихся в Андалснесе. Но тут мы, по крайней мере, нанесли потери неприятелю. В ответ на отчаянные призывы норвежского главнокомандующего, генерала Руге, 148-ая пехотная бригада бригадира Моргана спешно продвинулась до самого Лиллехаммера. Здесь она соединилась с переутомленными, разбитыми норвежскими войсками, которых немцы подавляющими силами трех дивизий в полном составе оттесняли вдоль дороги и железнодорожной линии от Осло к Домбасу и Трондхейму. Завязалось жестокое сражение. Судно, которое везло средства передвижения, а также артиллерию и мортиры Моргана, было потоплено, но молодые территориальные солдаты хорошо сражались со своими ружьями и пулеметами против немецких авангардных войск, вооруженных не только гаубицами, но и большим количеством тяжелых мортир, и имевших несколько танков. 24-го апреля головной батальон привезенной из Франции 15-ой бригады прибыл на распадавшийся фронт. Командовавший этими войсками генерал Пэджет узнал от генерала Руге, что норвежские войска истощены и не могут больше сражаться, если не смогут основательно отдохнуть и не будут переснаряжены. Он взял поэтому командование на себя, вводил на фронт остальные части своей бригады, как только они прибывали, и энергично бился против немцев в ряде горячих схваток. Искусно

пользуясь железной дорогой, которая, к счастью, не была прервана, Пэджет вывел из боя свои войска, бригаду Моргана, потерявшую семьсот человек, и некоторые норвежские части. Целый день главная часть британских войск пряталась в длинном железнодорожном туннеле, питаясь благодаря своему бесценному обозу, и была таким образом совершенно потеряна для неприятеля и его всевидящей авиации. После пяти арьергардных боев, в некоторых из которых немцы были сильно помяты, и покрыв более ста миль, он дошел до моря назад в Андалснес. Это небольшое местечко было, как и Намсос, сравнено с землей бомбардировками. Но ночью 1-го мая 15-ая бригада вместе с тем, что оставалось от 148-ой бригады Моргана, была взята на борт британскими крейсерами и истребителями и вернулась домой без дальнейших осложнений. Искусство и энергия, проявленные генералом Пэджетом в эти дни, открыли ему, по мере того, как война развивалась, дорогу к высоким командным постам.

Следует рассказать о смелой, но безнадёжной попытке оказать войскам воздушную поддержку. Единственной «почвой» для посадки было замерзшее озеро Лесьескоген в сорока милях от Андалснеса. 24-го апреля туда прибыла эскадрилья «Гладиаторов», вылетевшая с авианосца «Глориуз». Они сейчас же подверглись тяжелой атаке. Морская авиация делала все возможное, чтобы им помочь. Но задача бороться за свое существование, обслуживать операции двух экспедиций, находившихся за двести миль одна от другой, и защищать их базы — это было слишком много для одной эскадрильи. 26-го апреля она не могла больше летать. Безрезультатными были и попытки британских бомбардировщиков действовать на дальнем расстоянии, вылетая из Англии.

**
*

Наше отступление, усиленное местными событиями, согласовалось с решением, уже принятым Военным кабинетом по рекомендации Комитета военной координации, заседавшего под председательством премьер-министра. Мы все пришли к заключению, что нам не по силам взять и удержать Трондхейм. Оба конца слабых клещей были сломаны. Чемберлен объявил Кабинету, что нужно составить планы для эвакуации наших сил из Намсоса и Андалсна, хотя до того мы должны сопротивляться германскому продвижению. Кабинет был удручен этим предложением, которое было однако неизбежным.

**
*

Чтобы как можно дольше задержать продвижение неприятеля на север к Нарвику, мы посылали теперь особые небольшие отряды типа позднее получившего название «коммандо», под начальством предприимчивого офицера, полковника Губбинса, к Мосьену, лежащему на сто миль вверх по берегу от Намсоса. Я очень хотел, чтобы небольшая часть намсоской группы отправились какими бы то ни было имевшимися под рукой средствами передвижения вдоль береговой дороги к Гронгу. Даже пара сот человек была бы достаточна для небольших арьергардных боев. От Гронга они должны были бы пробраться пешком к Мосьену. Я надеялся этим выиграть время для Губбинса, чтобы он мог настолько укрепить свою позицию, чтобы держаться против очень небольших сил, которые пока что могли послать туда немцы. Меня повторно заверяли, что дорога была непроходима. Генерал Масси посылал из Лондона настойчивые запросы. Ему отвечали, что даже небольшой отряд альпий-

ских стрелков не мог пройти по этой дороге. «Казалось очевидным, — писал через несколько дней Маси в своем донесении, — что если французские стрелки не могли отступать вдоль этой дороги, то немцы не могли по ней наступать... Это было заблуждением, так как с тех пор немцы полностью использовали эту дорогу и продвигались по ней так быстро, что наши войска в Мосьене не имели времени как следует укрепиться, и более, чем вероятно, что мы не будем в состоянии удержать это место». Это оказалось верным. Истребитель «Янус» перевез по морю сотню английских стрелков и два легких противовоздушных орудия, но они уехали назад, прежде чем немцы подошли.

Мы проследили теперь норвежскую кампанию до того пункта, когда она была совершенно заслонена гигантскими событиями. Превосходство немцев в планировании, выполнении и энергии было очевидным. Они приводили в ни перед чем не останавливающееся исполнение тщательно подготовленный план действия. Они в совершенстве понимали применение воздушных сил в большом масштабе во всех его видах. Более того, их индивидуальное превосходство было очевидно, в особенности в небольших отрядах. У Нарвика германские войска, едва шесть тысяч человек, в течение шести недель удерживали у залива около двадцати тысяч союзных войск и, хотя были вытеснены из города, дождались их отступления. Нарвикская атака, так блестяще начатая флотом, была парализована отказом военного командующего пойти на то, что, конечно, было отчаянным риском. Разделение наших сил между Нарвиком и Трондхеймом повредило обоим планам. Оставление центральной атаки на Трондхейм отражало колебания в британском высшем

командовании, за которые должны нести ответственность не только эксперты, но и те политические руководители, которые слишком легко подчинились их рекомендации. В Намсосе была беспорядочная толчея. Только в андалснесской экспедиции мы кое-что сделали. Немцы в семь дней прошли дорогу от Намсоса до Мосьена, которую англичане и французы объявили непроходимой. В Бодо и в Мо, во время отступления отряда Губбинса к северу, мы каждый раз оказывались на минуту слишком поздно, и неприятель, хотя ему нужно было преодолеть сотни миль гористой, заваленной снегом местности, оттеснял нас, несмотря на отдельные блестящие эпизоды. Мы, господствовавшие над морями и бывшие в состоянии появляться где угодно на незащищенном берегу, оказались медленнее неприятеля, проходившего очень большие расстояния по земле, встречая всяческие препятствия. В норвежском столкновении наши лучшие войска, шотландцы и ирландская гвардия, были приведены в замешательство энергией, инициативой и тренировкой молодых солдат Гитлера.

Повинуясь призыву долга, мы очень старались вмешаться и удержаться в Норвегии. Мы думали, что фортуна была беспощадна против нас. Теперь можно видеть, что мы еще дешево отделались. Пока что мы могли утешать себя рядом успешных эвакуаций. Неудача у Трондхейма! Мертвая точка у Нарвика! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые мы могли показать нашей стране, нашим союзникам и дружественному или враждебному нейтральному миру. Принимая во внимание видную роль, которую я играл в этих событиях, и невозможность объяснить трудности, которые нас одолевали, недостатки нашей штабной и правительственной организации и методов ведения войны, кажется чудом, что я уцелел и сохранил общественное признание и доверие парламента.

Это было следствием того, что я в течение шести или семи лет правильно предсказывал ход событий и все время делал предостережения, которых тогда не слушали, но о которых теперь вспомнили.

«Война в сумерках» кончилась с нападением Гитлера на Норвегию. Она прорвалась в ослепительный свет самого страшного военного взрыва, который до сих пор известен. Я описал забытье, в котором, к изумлению всего мира, Франция и Англия находились в течение восьми месяцев. Эта фаза оказалась в высшей степени неблагоприятной для Союзников. С тех пор как Сталин договорился с Гитлером, французские коммунисты, получая директивы из Москвы, изобличали войну, как «преступление империалистов и капиталистов против демократии». Они делали все, что могли, чтобы подрывать мораль армии и тормозить производство на фабриках. Теперь, в мае, во Франции мораль и ее солдат и ее народа были значительно ниже, чем при начале войны.

Ничего подобного не произошло в Англии, где руководимый Советами коммунизм был, хотя и активен, но слаб. Тем не менее, мы все еще были партийным правительством с премьер-министром, к которому оппозиция относилась резко отрицательно, и без горячей и конструктивной помощи профессионального движения. Степенный, искренний, но рутинный характер администрации не порождал в правящих кругах или на оборонных заводах тех откликов, которые были так жизненно необходимы. Нужны были гром катастрофы и призрак гибели, чтобы пробудить спящую мощь британской нации. Набат был готов прозвучать.

16.

НОРВЕГИЯ: ПОСЛЕДНЯЯ ФАЗА

Отступая от хронологии, целесообразно довести здесь до конца рассказ о норвежском эпизоде.

После шестнадцатого апреля лорд Корк был вынужден отказаться от идеи немедленной атаки. Трехчасовая бомбардировка, произведенная двадцать четвертого апреля броненосцем «Уорспайт» и тремя крейсерами, не была достаточной, чтобы вытеснить гарнизон. Я просил Первого морского лорда заменить «Уорспайт» менее ценным броненосцем «Резолюшон», который был не менее пригоден для бомбардировки. Тем временем прибытие французских и польских войск, а еще больше таяние снега, ободрили лорда Корка ускорить атаку на город. Новый план состоял в том, чтобы произвести высадку на верхнем конце фиорда за Нарвиком и затем атаковать Нарвик по ту сторону фиорда Ромбакс. 24-ая гвардейская бригада была выделена, чтобы задерживать продвижение немцев от Трондхейма, но к началу мая имелись три батальона альпийских стрелков, два батальона французского иностранного легиона, четыре польских батальона и около трех с половиной тысяч норвежцев. Со своей стороны неприятель был усилен частями 3-ей горной дивизии, которые или были доставлены по воздуху из южной Норвегии или контрабандой прошли по железной дороге через Швецию.

Первая высадка под командой генерала Мэкези имела место в Бьерквике в ночь с 12-го на 13-ое мая и прошла с очень небольшими потерями. Генерал Аучинлек, которого я послал командовать всеми войсками в северной Норвегии, присутствовал при высадке и на следующий день перенял командование. Он имел инструкции отрезать поставки железной руды и защищать в Норвегии опорный пункт для короля и его правительства. Новый британский командующий, естественно, просил очень больших подкреплений, чтобы довести свои силы до семнадцати батальонов, двухсот тяжелых и легких противовоздушных орудий и четырех эскадрилий аэропланов. Было возможно обещать ему только половину того, о чем он просил.

Но теперь над всем доминировали грандиозные события. 24-го мая, в кризисе сокрушительного поражения, было решено при почти всеобщем согласии, что мы должны сконцентрировать все, что имеем, во Франции и у себя дома. Однако надо было закончить взятие Нарвика, чтобы разрушить порт и прикрыть наше отступление. Главная атака на Нарвик через фюрд Ромбакс началась 27-го мая двумя батальонами иностранного легиона и одним норвежским батальоном, под умелым руководством генерала Бетуара. Она была вполне успешна. Высадка была произведена фактически без потерь, и контратака была отбита. Нарвик был взят 28-го мая. Немцы, так долго сопротивлявшиеся вчетверо превосходившим их силам, отступили в горы, оставив в наших руках четыреста пленных.

Мы должны были теперь оставить всё, что мы получили ценой таких мучительных испытаний. Отступление само по себе было большой операцией, возлагавшей тяжелое бремя на флот, уже полностью развернувшийся для боев как в Норвегии, так и в Ламанше. Мы были заняты Дюнкерком, и все имевшиеся

в распоряжении легкие силы были направлены на юг. Боевой флот должен был сам быть в готовности противодействовать вторжению. Многие крейсера и истребители были уже отправлены на юг для операций против вторжения. Главнокомандующий имел в своем распоряжении в Скапе броненосцы «Родней», «Вельянт», «Реноун» и «Репалз». Они должны были справиться со всеми возможностями.

В Нарвике эвакуация подвигалась хорошо, и к 8-му июня все французские и британские войска, общим числом до двадцати четырех тысяч человек, вместе с большим количеством запасов и снаряжения, были погружены и отплыли в трех конвоях без помехи со стороны неприятеля, который фактически представлял собою на берегу не более, чем несколько тысяч рассеянных, дезорганизованных, но победоносных индивидуумов. Во время этих последних дней ценное покровительство против германской авиации было оказано не только морской авиацией, но и базированной на берегу эскадрильей «ураганов». Эскадрилья имела приказ оставаться в действии до конца и, если необходимо, разрушить аэропланы. Однако, благодаря своему искусству и смелости, эти пилоты совершили не имевший прецедентов подвиг — последний подвиг, — доставив «ураганы» на борт авианосца «Глориуз», который отплыл вместе с «Арк Ройал» и главными войсками.

Чтобы прикрывать все эти операции, лорд Корк имел в своем распоряжении, кроме авианосцев и мелких судов, крейсера «Саутхэмптон», «Ковентри» и шестнадцать истребителей. В то же время крейсер «Девоншир» погружал в Тромсо норвежского короля и его штаб и поэтому двигался независимо. Лорд Корк информировал главнокомандующего о своей организации конвоев и просил о защите против возможной атаки тяжелых судов. Адмирал Форбс отпра-

вил 6-го июня «Вельянт», чтобы встретить первый конвой войсковых транспортов, эскортировать его до севера Шетландских островов и затем вернуться встретить второй конвой. Несмотря на все свои заботы, он намеревался использовать для защиты войсковых транспортов свои линейные крейсера. 5-го июня он получил сведения о двух неизвестных судах, направлявшихся, видимо, к Исландии, а затем о состоявшейся там неприятельской высадке. Поэтому он вынужден был отправить линейные крейсера проверить эти известия, которые оказались неверными. Таким образом в этот незадачливый день имевшиеся на севере силы были широко разбросаны. Движение нарвикских конвоев и их защита точно следовали методу, который применялся без неудач в течение последних шести недель. Раньше транспорты и военные суда, включая авианосцы, шли с эскортом, не большим, чем нужно для защиты от подводных лодок. До сих пор не было обнаружено никакой активности германских тяжелых судов. Но теперь, починив повреждения, полученные при прежних столкновениях, они внезапно появились у норвежских берегов.

Линейные крейсера «Шарнгорст» и «Гнейзенау» с крейсером «Хиппер» и четырьмя истребителями вышли 4-го июня из Кили с заданием атаковать суда и базы в районе Нарвика и тем облегчить положение того, что там осталось от их высадившихся сил. До 7-го июня они не имели никаких указаний на наше намерение отступить. Получив известие, что британские конвои находятся на море, германский адмирал решил их атаковать. На следующий день, 8-го, он перехватил рано утром танкер с сопровождавшим его тральщиком, пустое транспортное судно «Орама» и пловучий госпиталь «Атлантиду». Он не нарушил неприкосновенности «Атлантиды». Все остальные суда были потоплены. После полудня «Хиппер» и истре-

бители повернули к Трондхейму, но линейные крейсера, продолжая свою погоню за добычей, были вознаграждены, когда в 4 ч. пополудни увидели дым авианосца «Глориуз» с сопровождающими его истребителями «Акаста» и «Ардент». «Глориуз» отделился рано утром, чтобы плыть домой независимо, ввиду недостатка в горючем, и был теперь на двести миль впереди от главного конвоя. Это объяснение неубедительно. «Глориуз» имел достаточно топлива, чтобы плыть со скоростью конвоя. Все должны были держаться вместе.

Сражение началось около 4.30 ч. на расстоянии около двадцати пяти километров. На этом расстоянии «Глориуз» с его четырехдюймовыми орудиями был беспомощен. Были сделаны попытки выпустить на воздух его вооруженные торпедами бомбардировщики, но прежде чем это удалось, он получил попадание в передний ангар. Начался пожар, который уничтожил «Ураганы» и помешал достать снизу торпеды для бомбардировщиков. В следующие полчаса авианосец получил сокрушающие удары, которые лишили его всякой надежды спастись. В 5.20 ч. он сильно накренился, и был отдан приказ оставить корабль. Минут через двадцать он потонул.

В то же время оба истребителя вели себя превосходно. Они сделали дымовую завесу, стараясь закрыть «Глориуз», и пускали в неприятеля свои торпеды, пока не были сокрушены. «Ардент» скоро потонул. История «Акасты», которая осталась одна в безнадежном положении, была рассказана единственным спасшимся членом ее экипажа, старшим матросом С. Картером:

«Что за мертвое спокойствие на борту нашего корабля, только раздается слово, корабль несется на всех парах прочь от неприятеля, потом пришла куча приказов, приготовить все дымовые снаряды, все рукава были соединены, мы все еще убегали от неприятеля и пускали дым, все дымовые

снаряды были пущены в ход. Затем капитан передал по всем постам такое послание: «Вы, может быть, думаете, что мы убегаем от неприятеля, это не так, наше соседнее судно («Ардент») потонуло, «Глориуз» тонет, мы, по крайней мере, еще можем показать себя, желаю всем вам удачи». Тогда мы переменили курс на нашу собственную дымовую завесу. Мне было приказано стоять у турбинных труб 6 и 7, затем мы вышли из дымовой завесы, взяли курс на правый борт, пуская наши торпеды с левого борта. Тут я в первый раз увидел неприятеля и, по совести говоря, он мне представлялся, как один большой и один маленький корабль, и мы были очень близко, и я выпустил мои две турбины из моих труб (на корме), а передние трубы выпустили их турбины, и все мы следили за результатами. Я никогда не забуду, какая была радость: слева на носу одного из кораблей появилась желтая вспышка, и из него вышел большой столб дыма и воды. Мы знали, что мы попали. Лично я не могу представить, как мы могли бы промахнуться, так близко мы были. Неприятель ни разу в нас не выстрелил, думаю, что они должны были быть очень удивлены. После того как мы выпустили наши торпеды, мы вернулись в нашу собственную дымовую завесу и опять повернули курс. «Будь готов выпустить остальные торпеды», и на этот раз, как только мы высунули свой нос из дымовой завесы, неприятель нам себя показал. Один снаряд попал в машинное отделение, убил людей при моих трубах, я был отброшен к заднему концу труб. Очевидно, я был некоторое время без чувств, потому что, когда я пришел в себя, я чувствовал боль в руке. Корабль остановился с креном направо. Тут что-то случилось, хотите верьте, хотите — нет, я взобрался опять на контрольный пункт, увидел оба их корабля, выпустил оставшиеся торпеды, никто мне этого не сказал, я думаю, я был в буйном помешательстве. Один Бог знает, почему я стрелял, но я это сделал. Орудия «Акасты» стреляли все время, стреляли даже, когда у корабля уже был крен. Неприятель бил по нас несколько раз, один большой взрыв произошел прямо на корме. Я часто думал, не ударил ли неприятель в нас торпедой, во всяком случае казалось, что она выбросила корабль из воды. Наконец капитан дал приказ оставлять корабль. Я всегда буду вспоминать хирурга-лейтенанта*), его первый корабль, его первый бой. Когда я прыгал за борт,

*) Временный хирург-лейтенант Стаммерс.

я видел, как он все еще ухаживал за ранеными — дело безнадежное, — а когда я был в воде, я видел, как капитан наклонился над мостиком, взял папиросу. Мы кричали ему, чтобы он спустился на наш плот, он кивнул: «Прощайте и всего хорошего» — конец храброго человека».

Так погибли 1474 офицера и матроса Королевского флота и сорок один человек из Королевских воздушных сил. Несмотря на долгие поиски, только тридцать девять были спасены и позднее доставлены норвежским судном. Кроме того, шесть человек были подобраны неприятелем и взяты в Германию. Тяжело поврежденный торпедой «Акасты» «Шарнгорст» направился в Трондхейм.

Когда шло это сражение, крейсер «Девоншир» с норвежским королем и его министрами находился в ста милях на запад. Шедший с севера, чтобы встретить конвой, «Вельянт» был все еще далеко. Единственное сообщение, полученное от «Глориуз», было искажено и едва понятно, что заставляло думать, что его главное беспроволочное снаряжение было разрушено в самом начале. Только «Девоншир» получил это сообщение, но так как его важность не была ясна, он не нарушил беспроволочного молчания, чтобы его передать. Это было бы связано с серьезным риском раскрыть его положение, что в данных обстоятельствах было в высшей степени нежелательным. Подозрения возникли лишь на следующее утро. Тогда «Вельянт» встретил «Атлантиду», которая информировала его о гибели «Орамы», и о том, что неприятельские линейные корабли находятся в море. «Вельянт» сигнализировал эту информацию и поспешил присоединиться к конвою лорда Корка. Главнокомандующий, адмирал Форбс сейчас же вышел в море со всеми судами, которые он имел, «Родней», «Реноун» и шестью истребителями.

Повреждения, нанесенные «Шарнгорсту» героической «Акастой», имели важные последствия. Оба неприятельских линейных крейсера отказались от дальнейших операций и немедленно вернулись в Трондхейм. Германское высшее командование было недоволено тем, что их адмирал отклонился от выполнения данного ему задания. Оно снова выслало «Хиппера», но это было уже слишком поздно.

10-го июня адмирал Форбс распорядился, чтобы «Арк Ройал» присоединился к нему. Сообщения указывали, что неприятельские суда находились в Трондхейме, и он надеялся произвести на них воздушную атаку. Она была безрезультатно произведена 11-го июня бомбардировщиками королевских воздушных сил. На следующее утро пятнадцать «скау» произвели новую атаку. Неприятельская разведка предостерегла об их приближении, и не менее восьми были потеряны. Чтобы прибавить к этой повести еще одну неудачу: теперь известно, что бомба, пущенная одним «скау», попала в «Шарнгорст», но не взорвалась.

Пока развивалась эта трагедия, норвежские конвои благополучно прошли к месту их назначения, и британская кампания в Норвегии кончилась.

Результатом всех этих разрушений и всей растерянности был один факт большого значения, потенциально влиявший на все будущее войны. В своей отчаянной борьбе против британского флота немцы разрушали свой собственный флот, и это было накануне надвигавшегося кульминационного пункта борьбы. Во всех морских боях у берегов Норвегии союзные потери составляли один авианосец, два крейсера, один сторожевой корабль и девять истребителей. Шесть крейсеров, два сторожевых судна и восемь истребите-

лей были выведены из строя, но могли быть починены в пределах наших морских возможностей. С другой стороны, в решающий момент, в конце июня 1940 г., германский флот фактически состоял не более как из одного восьмидюймового крейсера, двух легких крейсеров и четырех истребителей. Хотя многие из их поврежденных судов могли, как и наши, быть починены, германский флот не был фактором в наиважнейшем вопросе о вторжении в Англию.

17.

ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Разочарования и бедствия короткой норвежской кампании вызвали в стране глубокое волнение, и волны страсти подымались даже в груди у некоторых из тех, кто были особенно апатичны и близоруки в годы перед войной. Оппозиция потребовала обсуждения военного положения, и оно было назначено на 7-ое мая. Палата была наполнена депутатами в состоянии раздражения и отчаяния. Заявление, которым Чемберлен открыл дебаты, не сдержало враждебного потока. Его насмешливо прерывали, напоминали ему его речь 4-го апреля, когда в совсем другой связи он неосторожно сказал: «Гитлер опоздал на поезд». Он описал мое новое положение и мои взаимоотношения с начальниками штабов и, отвечая Герберту Моррисону, пояснил, что я не имел этих полномочий во время норвежской операции. Один за другим, ораторы с обеих сторон Палаты атаковали правительство и, в особенности, его главу с необычными резкостью и страстностью, находя поддержку в аплодисментах со всех сторон. Сэр Роджер Кейс, горевший желанием отличиться еще в одной войне, резко критиковал морской штаб за отказ от попытки взять Трондхейм. «Когда, — он сказал, — я видел, как плохо идет дело, я стал осаждать Адмиралтейство и Военный кабинет просьбами дать мне взять на себя всю ответственность и руководить атакой». Явившись в форме адмирала флота, он подкре-

пил обвинения оппозиции техническими деталями и своим профессиональным авторитетом так, как это соответствовало настроению Палаты. Со скамей сторонников правительства Эмери цитировал под гром аплодисментов слова, обращенные Кромвеллем к Долгому парламенту: «Вы слишком долго здесь сидели, чтобы делать что-либо путное. Уходите, говорю я вам, и дайте нам избавиться от вас. Во имя Господа Бога, уходите!» Это были ужасающие слова, когда их произносил друг и многолетний коллега, собрат как депутат от Бирмингама и член Личного совета Короля, человек выдающихся способностей и опыта.

На второй день, 8-го мая, хотя дебаты продолжались в связи с предложением отсрочить заседания Палаты, они приняли характер прений о вотуме недоверия, и Герберт Моррисон от имени оппозиции заявил, что они хотят голосования. Премьер-министр поднялся еще раз, принял вызов, и в злополучном обороте речи призвал своих друзей стоять за него. Он имел право это сделать, так как эти друзья поддерживали его действия или его бездействие и таким образом разделяли с ним ответственность в предвоенные «годы, которые ела саранча». Но теперь они сидели в смущенном молчании, а некоторые из них участвовали во враждебных демонстрациях. В этот день имело место последнее решающего характера выступление Ллойд-Джорджа в Палате общин. Он старался оправдать меня: «Я не думаю, что Первый лорд вполне ответствен за всё, что произошло в Норвегии». Я тотчас же прервал: «Я принимаю полную ответственность за всё, что было сделано Адмиралтейством, и беру на себя полную долю бремени». Посоветовав мне не давать превратить себя в бункер против воздушных налетов, чтобы оберегать моих коллег от осколков снарядов, Ллойд-Джордж перешел к Чемберлену: «Вопрос не в том, кто друзья премьер-министра. Стоит гораздо бо-

лее важный вопрос. Он призывал к жертвам. Нация готова на все жертвы, если она имеет руководство, если правительство ясно показывает, к чему оно стремится, и если нация имеет уверенность, что те, кто ею руководят, делают все, что могут». Он кончил словами: «Я торжественно говорю, что премьер-министр должен показать пример жертвенности, потому что ничто не может больше способствовать победе в этой войне, чем если он пожертвует своим постом».

Как министры, мы все держались вместе. Военный министр и министр воздушных сил уже говорили. Я по своей инициативе взял на себя закончить дебаты. Это было не более, чем моим долгом, не только из лойяльности по отношению к начальнику, под началом которого я служил, но также вследствие исключительно выдающейся роли, которую я играл в использовании наших недостаточных сил в безнадежной попытке помочь Норвегии. Я сделал всё возможное, чтобы вернуть правительству контроль над Палатой вопреки постоянным выкрикам, исходившим, главным образом, со скамей рабочей оппозиции. Я делал это с чистой совестью, думая об их ошибочном и опасном пацифизме прежних лет и о том, как всего за четыре месяца до войны они сплоченно голосовали против воинской повинности. Я считал, что я и немногие друзья, которые были со мной, имели право выражать такие порицания, но они не имели. Когда они напали на меня, я отвечал ударом против них, не отступая перед ними, и временами стоял такой шум, что я не мог говорить так, чтобы меня можно было слышать. Однако все время было ясно, что их гнев был направлен не против меня, а против премьер-министра, которого я защищал со всем умением, на какое я способен, и не считаясь ни с какими другими соображениями. Когда в одиннадцать часов я кончил, произошло голосование. Правительство получило боль-

шинство в восемьдесят один голос, но больше тридцати консерваторов голосовали с рабочей и либеральной оппозицией, а еще шестьдесят воздержались. Не было сомнения, что по существу, если и не формально, и дебаты и голосование были сильнейшей демонстрацией недоверия против Чемберлена и его правительства.

Когда дебаты кончились, он попросил меня зайти в его комнату, и я сразу увидел, что он в высшей степени серьезно отнесся к настроению Палаты против него. Он считал, что не может продолжать. Должно быть образовано Национальное правительство. Одна партия не может вынести бремя. Кто-нибудь должен образовать правительство с участием всех партий, иначе мы не справимся. Возбужденный проявившимся в дебатах антагонизмом и полагаясь на свою позицию в подлежащих разрешению вопросах, я был сильно настроен за то, чтобы продолжать борьбу. «Это были тягостные дебаты, но вы получили хорошее большинство. Не принимайте всё это так болезненно к сердцу. Наша позиция в отношении Норвегии гораздо лучше, чем мы могли это сказать Палате. Усиьте ваше правительство с каждой стороны, и будем продолжать, пока наше большинство нас не оставит». В таком духе говорил я. Но Чемберлен не был ни убежден, ни успокоен, и я оставил его около полуночи с чувством, что он, если не будет другого пути, будет скорее настаивать на своем решении пожертвовать собой, чем дальше вести войну с правительством одной партии.

Я не вспоминаю точно хода событий утром 9-го мая, но произошло следующее. Министр воздушных сил сэр Кингслей Вуд был очень близок к премьер-министру, как коллега и как друг. Они долго работали вместе в полном взаимном доверии. От него я узнал, что Чемберлен твердо решил, что должно быть обра-

зовано Национальное правительство и что, если он сам не может быть его главой, он уступит свое место кому-либо, кто может и кто пользуется его доверием. Таким образом, вскоре после полудня я узнал, что вполне возможно, что я буду призван взять на себя руководство. Эта перспектива ни взволновала, ни встревожила меня. Я считал, что это было бы вне сравнения наилучшее решение. Я предоставил событиям развиваться. После полудня премьер-министр пригласил меня на Доунинг-стрит, где я нашел лорда Галифакса, и после того, как мы поговорили о положении вообще, мы узнали, что через несколько минут придут для совещания Эттли и Гринвуд.

Когда они пришли, мы, три министра, сели по одну сторону стола, а лидеры оппозиции по другую. Чемберлен заявил о назревшей необходимости Национального правительства и хотел удостовериться, будет ли Рабочая партия участвовать в правительстве под его руководством. В это время конференция партии происходила в Бурнамуте. Разговор был в высшей степени вежливым, но было ясно, что рабочие лидеры не свяжут себя, не посоветовавшись со своими людьми, и они намекнули, отнюдь не туманно, что они думают, что ответ будет неблагоприятным. Затем они ушли. Был ясный солнечный день, и лорд Галифакс и я посидели некоторое время на скамье в саду дома № 10 на Доунинг-стрит, ни о чем особенно не беседуя. Затем я вернулся в Адмиралтейство и весь вечер и большую часть ночи был занят трудными делами.

Всходила заря утра 10-го мая, и вместе с ним пришли известия огромной важности. Целые ящики с телеграммами пришли из Адмиралтейства, военного министерства и министерства иностранных дел. Немцы

нанесли свой долго ожидавшийся удар. Голландия и Бельгия подверглись вторжению. Их границы были перейдены во многих местах. Началось движение всей германской армии для вторжения в эти страны и во Францию.

Около 10 часов Кингслей Вуд пришел ко мне прямо от премьер-министра. Он сказал мне, что Чемберлэн был склонен думать, что разразившаяся большая битва делает необходимым, чтобы он оставался на своем посту. Кингслей Вуд сказал ему, что, наоборот, новый кризис делает Национальное правительство, которое одно может с ним справиться, еще более необходимым, и он добавил, что Чемберлэн с ним согласился. В одиннадцать часов я снова был вызван премьер-министром на Доунинг-стрит. И снова застал там лорда Галифакса. Мы заняли места за столом напротив Чемберлэна. Он сказал нам, что он убедился в невозможности для него образовать Национальное правительство. Ответ, полученный им от лидеров Рабочей партии, не оставил у него никаких сомнений в этом. Вопрос поэтому в том, к кому он должен посоветовать Королю обратиться, после того, как его отставка будет принята. Он держался спокойно, без волнения и, видимо, совершенно отвлекаясь от личной стороны вопроса. Он смотрел на нас обоих через стол.

В моей политической жизни было много важных разговоров, и это был, без сомнения, самый важный из всех. Обычно я много говорю, но на этот раз я молчал. Чемберлэн, очевидно, имел в виду бурную сцену в Палате за два дня до этого, когда я оказался в возбужденной схватке с членами Рабочей партии. Хотя это было в его поддержку и защиту, он, тем не менее, думал, что это может помешать мне в данной обстановке обеспечить их участие. Я не помню, какие именно выражения он употребил, но это был их смысл. Его биограф Фейлинг определенно утверждает, что

он предпочитал Галифакса. Так как я продолжал молчать, возникла длинная пауза. Она, без сомнения, казалась длиннее тех двух минут молчания, которые соблюдаются в память Дня перемирия. Затем долго говорил Галифакс. Он сказал, что думает, что его положение как лорда, не принадлежащего к Палате общин, сделало бы для него очень трудным выполнять обязанности премьер-министра в такой войне, как эта. Ему пришлось бы нести за все ответственность, не имея возможности руководить собранием, от доверия которого зависит существование каждого правительства. Он несколько минут говорил в этом духе, и когда он кончил, было ясно, что обязанность падет на меня — и, действительно, пала на меня. Тогда я в первый раз заговорил. Я сказал, что не войду в контакт ни с одной из оппозиционных партий, пока не получу от Короля поручения образовать правительство. На этом кончился этот исторической важности разговор, и мы вернулись к нашей обычной, легкой и семейной манере общения людей, которые годами вместе работали и жизнь которых на службе и вне ее протекала в дружеской атмосфере английской политики. Затем я вернулся в Адмиралтейство, где меня, как легко можно себе представить, ожидало много дел.

В моем кабинете были голландские министры. Изнуренные и истощенные, с ужасом в глазах, они только что прилетели из Амстердама. Их страна была атакована без малейшего предлога или предупреждения. Лавины огня и стали покатались через границу, и, когда началось сопротивление и голландская пограничная стража стала стрелять, началось сокрушающее избиение с воздуха. Вся страна была в состоянии дикого смятения, был приведен в действие задолго подготовленный план обороны, открыты плотины, и вода широко разлилась по всем направлениям. Но немцы уже перешли пограничную полосу и неслись впе-

ред по дамбе, которая окружает Зуйдер Зе. Могли ли мы что-либо сделать? К счастью, одна наша флотилия была недалеко, и ей было немедленно приказано смести дамбу огнем и нанести скучившимся агрессорам как можно больше потерь. Королева была еще в Голландии, но вряд ли она могла там долго оставаться.

В результате этого разговора, Адмиралтейство разослало большое количество распоряжений всем находившимся поблизости нашим судам, и был установлен тесный контакт с голландским военным флотом. Даже помня о недавнем вторжении в Норвегию и Данию, голландские министры, видимо, не были в состоянии понять, как великая германская нация, до последней минуты не проявлявшая ничего, кроме дружеских чувств, и обязанная по договору уважать так строго соблюдавшийся голландский нейтралитет, как она могла внезапно произвести такую бешеную, ужасающую своей жестокостью атаку. В этих переговорах и других делах прошли час или два. Поток телеграмм прибывал со всех границ, затронутых продвижением германских армий. Казалось, что было уже в полном ходу выполнение старого плана Шлиффена, приспособленного к сегодняшнему положению включением Голландии. В 1914 году охватывающее правое крыло германского нашествия пронеслось через Бельгию, но не затронуло Голландии. Было хорошо известно, что, если бы война была отсрочена на три или четыре года, то была бы готова еще одна армейская группа и железнодорожные станции и пути были бы приспособлены для движения через Голландию. Теперь было начато это движение со всеми названными приспособлениями и со всеми видами неожиданности и предательства. Но впереди было другое развитие событий. Решающим ударом неприятеля должен был стать не обход с фланга, а прорыв главного фронта. Этого не предвидел никто из занимавших командные

положения ни у нас, ни во Франции. Раньше в том же году я в опубликованном интервью предостерегал нейтральные страны о грозящей им судьбе, опасность которой была очевидна из расположения войск, развития дорог и железнодорожных путей и захваченных германских планов. Мои слова вызвали недовольство.

В оглушающем грохоте этой огромной битвы тускнели и уходили на задний план наши разговоры на Доунинг-стрит. Тем не менее, я вспоминаю, как мне сообщили, что Чемберлэн отправился или отправляется к Королю, чего, конечно, следовало ожидать. Вскоре пришло послание, вызвавшее меня во дворец к шести часам. Езда на автомобиле от Адмиралтейства до дворца продолжается всего две минуты. Хотя, как я предполагал, вечерние газеты должны были быть полны страшными известиями о континенте, в них не было никаких сообщений о правительственном кризисе. Публика еще не имела времени охватить все то, что происходило за границей и в стране, и около дворца не было толпы.

Я был немедленно проведен к Королю. Его Величество принял меня в высшей степени милостиво и пригласил меня сесть. Король несколько секунд смотрел на меня испытующе и лукаво. Затем он сказал: «Я полагаю, что вы не знаете, почему я вас вызвал?» В тон ему я ответил: «Сэр, я просто не могу вообразить, почему». Он рассмеялся и сказал: «Я хочу просить вас образовать правительство». Я сказал, что конечно, готов это сделать.

Король не сделал никакого указания на то, что правительство должно быть по своему характеру общенационально, и я считал, что данное поручение формально этим пунктом не связано. Но ввиду того, что произошло, и условий, которые привели к отставке Чемберлэна, правительство общенационального характера явно вытекало из положения. Если бы я не смог

договориться с оппозиционными партиями, я не был бы конституционно лишен возможности попытаться образовать возможно более сильное правительство из всех, кто готов служить родине в час опасности, при условии, чтобы такое правительство могло иметь большинство в Палате. Я сказал Королю, что я немедленно приглашу лидеров Рабочей и Либеральной партий, что я намерен образовать Военный кабинет из пяти или шести министров и что я надеюсь представить ему до полуночи, по меньшей мере, пять имен. На этом я простился и вернулся в Адмиралтейство.

Между семью и восемью часами у меня, по моей просьбе, был Эттли. Он привел с собой Гринвуда. Я сказал ему, что имею полномочие образовать правительство и спросил, будет ли Рабочая партия участвовать. Он ответил, что будет. Я предложил, чтобы они взяли несколько более трети постов, имея в Военном кабинете два места из пяти, может быть, шести. Я просил Эттли дать мне список имен, чтобы мы могли обсуждать замещение отдельных министерств. Я упомянул Бевина, Александера, Моррисона и Далтона, как людей, участие которых требуется немедленно. Я, конечно, давно знал по Палате общин и Эттли и Гринвуда. В течение одиннадцати лет до начала войны я в своем более или менее независимом положении имел больше столкновений с консервативным и национальным правительством, чем с рабочей и либеральной оппозициями. Мы некоторое время вели приятную беседу, а затем они пошли снестись по телефону со своими друзьями и сторонниками в Бурнамаунте, с которыми они, конечно, в течение последних сорока восьми часов находились в самом тесном контакте.

Я предложил Чемберлену быть в качестве Лорда-президента совета лидером Палаты общин. Он ответил, что согласен и что он назначил на девять часов в тот же вечер свою речь по радио, в которой он со-

общит о своей отставке и призовет всех оказывать поддержку и помощь его преемнику. Он сделал это в великодушных выражениях. Я просил лорда Галифакса войти в военный кабинет, оставаясь министром иностранных дел. Около десяти часов я, как обещал, послал Королю пять имен. Было крайне спешно назначить трех министров оборонных ведомств. Я уже решил, кто должен ими быть. Иден должен получить военное министерство, Александер Адмиралтейство, лидер Либеральной партии сэр Арчибальд Синклэр министерство воздушных сил. В то же время я взял на себя министерство обороны, не пытаясь однако определить его сферу деятельности и полномочия.

Таким образом тогда, вечером десятого мая, при начале грандиозной битвы, я получил руководящую власть в государстве, которой я с тех пор обладал во все большей мере в течение пяти лет и трех месяцев мировой войны, после чего, когда все наши враги или сдались на милость победителя или были накануне этого, я был немедленно устранен британскими избирателями от руководства их делами.

За эти последние перегруженные дни политического кризиса мой пульс не ускорился ни на секунду. Я воспринимал все, как оно приходило. Но я не могу скрыть от читателей этого правдивого отчета, что, когда около трех часов пополудни я лег в постель, я испытывал глубокое чувство облегчения. Наконец, я имел власть давать директивы, охватывающие всю арену действия. Я чувствовал себя, словно я шел вместе с Судьбой и будто вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и этому испытанию. Одиннадцать лет политического одиночества освободили меня от будничной партийной вражды. Мои предостережения в течение последних шести лет были так многочисленны, так детальны и теперь так ужасающе

оправдались, что никто не мог меня осуждать. Меня нельзя было упрекнуть ни за возникновение войны, ни за недостаток подготовки к ней. Я думал, что много знаю о ней, и был убежден, что справлюсь со своей задачей. Поэтому, хотя и ожидая с нетерпением утра, я спал здоровым сном, не нуждаясь в ободряющих сновидениях. Факты лучше, чем сны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Война	7
2. Задачи Адмиралтейства	28
3. Гибель Польши	51
4. Проблемы военного кабинета	59
5. Фронт во Франции	82
6. Борьба углубляется	100
7. Магнитная мина	116
8. Сражение у Рио де ла Плата	131
9. Скандинавия, Финляндия	151
10. Мрачный Новый год	169
11. Перед бурей	192
12. Столкновение на море	214
13. Нарвик	237
14. Трондхейм	253
15. Крушение надежд в Норвегии	272
16. Норвегия: последняя фаза	290
17. Падение правительства	299

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

Цена \$2.75